

МИТРОПОЛИТ
ПЕТРЪ

МИТРОПОЛИТЪ ОБИТЕЛИ СВАТИТЕЛЯ АЛЕКСІА
СВАТИТЕЛЬ АЛЕКСІЙ
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ.

МИТРОПОЛИТЪ
ІОНА

Г

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ

Созѣждавъ
цѣрковь мою,
и врата адѣва
не шдоукнѣтъ ей.
(Ев. Мл. XVI, 18)

Иже же и цѣрковь
пресадѣаетъ,
и буди тебѣ ꙗкоже
же ꙗзычникъ
и мытаръ
(Ев. Мл. XVII, 17)

Петръ и
Апѣли рѣши
повиновати
се подовае
Бѣгови па
нежели че
вѣкшмъ.
(Дѣян. Ап.
5 г 29 ст.)

1912

Май-Іюнь.

5-6

МИТРОПОЛИТЪ
ФИЛИППЪ

МИТРОПОЛИТЪ СЕР
РАФИМЪ

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

1912 г. Май—Іюнь м.

МОСКВА.

Типо-литографія И. Ефимова, преемн. И. С. Ефимовъ, Бол. Якиманка, соб. д.
1912.

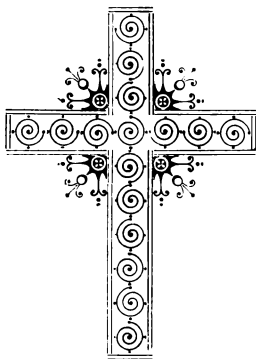
СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Высочайшій Рескриптъ на имя Митрополита Московскаго Владимира	<i>Стран.</i> I — I
Привѣтственная рѣчь Московскаго Митрополита Владимира предъ входомъ Государя Императора въ Успенскій соборъ	II — III
1. Евангеліе дѣтства. — <i>Владиміръ</i> , Митрополитъ Московскій	3 — 17
2. Слово о Божественномъ промышленіи надъ русской землей, явленномъ въ событіяхъ при воцареніи дома Романовыхъ. — <i>Антоній</i> , Архіепископъ Володыскій	18 — 26
3. Святые верховные апостолы Петръ и Павелъ. — <i>Василій</i> , Епископъ Можайскій	27 — 57
4. Наука и религія. — <i>Владиміръ</i> , Митрополитъ Московскій	58 — 81
5. Духовный дневникъ. —Архимандритъ <i>Арсеній</i>	82 — 89
6. Кириопасха. — <i>І. Г.</i>	90 — 90
7. Люблю я святая сказанья	91 — 92
8. О непосредственномъ откровеніи, по ученію Слова Божія. —Сообщ. <i>М. Новоселовъ</i>	93 — 115
9. Новозавѣтное ученіе о Церкви. — Доц. Моск. Дух. Академіи <i>Владиміръ Троицкій</i>	116 — 144
10. Первый всероссійскій единовѣрческій съѣздъ въ Петербургѣ	145 — 163
11. Вопросы миссіи въ свѣтской беллетристикѣ. — <i>И. Айвазовъ</i>	164 — 177
12. Мистицизмъ въ эпоху Александра I. — Законоуч. П.-Бург. жен. Педагогич. Инст. свящ. <i>П. Аникіевъ</i>	178 — 187
13. Новый социализмъ, его теорія и практика. — Законоуч. Пѣжинск. Инст. <i>Н. Боголюбовъ</i>	188 — 206

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. Къ законопроекту 35-ти членовъ Государ. Совѣта о сокращеніи праздниковъ и неприсутственныхъ дней. — <i>Николай</i> , Архіепископъ Варшавскій	207—221
15. Свобода совѣсти. <i>И. А—скій</i>	222—226
16. Къ дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго. — <i>И. М—скій</i>	227—232
17. Библиографія. — Архіеп. Антоній (Храповицкій).— <i>И. А—зовъ</i>	233—235
18. Почтовый ящикъ. —Разъясеніе.— <i>И. А.</i>	236—
19. Объявленія	237—240

Евангеліе дѣтства.

(Пастырскія бесѣды съ дѣтьми).

I.

БЛАГОЧЕСТИЕ.

Ты же, человекъ Божій, преуспѣвай въ благочестіи...—Великопріобрѣтеніе—быть благочестивымъ... (1 Тим. 6 гл. 6, 11 ст.).

Милыя дѣти! Образецъ для дѣтства, въ которомъ находитесь и вы, образецъ самый высокій, есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ для того и сошелъ съ неба, для того и жилъ на землѣ, сначала какъ дитя и отрокъ, а потомъ какъ юноша и мужъ, чтобы всѣмъ возрастамъ, всѣмъ званіямъ и состояніямъ преподать примѣръ добродѣтельной жизни и показать истинный путь къ небу. Слѣдовательно, Онъ есть образецъ и для дѣтскаго и отроческаго возраста. Исторію дѣтства Іисуса мы находимъ у Евангелиста Луки, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о путеше-

ствіи 12-ти-лѣтняго Іисуса со своими родителями въ Іерусалимъ.

Евангеліе дѣтства Іисуса, по справедливости, можно назвать вашимъ, дѣти, евангеліемъ. Оно—кратко, и это, вѣроятно, потому, чтобы вы дѣтскимъ умомъ своимъ удобнѣе и скорѣе могли воспринять его и запечатлѣть въ своемъ сердцѣ. Оно—кратко, и, между тѣмъ, въ немъ заключается все, чему хотѣлъ научить Іисусъ дѣтей, что нужно имъ дѣлать, чего желать и чему подражать. Въ этомъ евангеліи къ вамъ приложимо, въ особенности, слѣдующее изреченіе Спасителя: *образъ бо дахъ вамъ, да якоже азъ сотворихъ, и вы творите*, т.-е. я показалъ вамъ примѣръ, чтобы и вы поступали также, какъ я поступилъ. Какъ хотѣлось бы, дѣти, этотъ урокъ, преподанный вамъ Іисусомъ, поглубже напечатлѣть въ сердцахъ вашихъ! Для сей цѣли я хочу изложить вамъ это евангеліе въ нѣсколькихъ поученіяхъ, ибо въ немъ такъ много содержится хорошаго и полезнаго, что высказать все за одинъ разъ невозможно. Сегодня изъ всего богатаго содержанія этого евангелія хочу выдѣлить только одну добродѣтель, самую главную, которой, прежде всего, должны быть научены дѣти: это благочестіе и набожность Іисуса, Его любовь къ храму или дому Божію, къ молитвѣ и ко всему, что относится къ почитанію Отца Его.

У евреевъ былъ законъ, по которому всѣ мужчины обязаны были ежегодно три раза являться предъ лице Іеговы въ Іерусалимскомъ храмѣ. Когда мальчикъ достигалъ двѣнадцатилѣтняго возраста, его признавали уже взрослымъ, т.-е. стоящимъ подъ закономъ, и съ этого времени онъ долженъ былъ принимать участіе въ путешествіяхъ на праздники во Іерусалимъ.

Вотъ почему и Иисусъ, по достиженіи этого возраста, идетъ, какъ видимъ мы изъ евангелія, вмѣстѣ съ родителями во Іерусалимъ.

Вотъ и изъ васъ, дѣти, большинство достигли уже двѣнадцатилѣтняго возраста, почему и вамъ нельзя уже теперь отговариваться тѣмъ, что вы не можете понимать и исполнять закона Божія. Вамъ уже сообщено немало знаній изъ области этого предмета; вы уже знаете вашего Отца Небеснаго, вы слушали объ Его единородномъ Сынѣ, нашемъ Спасителѣ и Господѣ, вы знаете уже, въ чемъ состоитъ задача и назначеніе человѣка, сначала здѣсь на землѣ, и потомъ на небѣ, знаете и тотъ путь, который ведетъ къ счастію и благополучію земному и блаженству небесному. Поистинѣ вы уже не неразумныя дѣти, на васъ смотрятъ, васъ судятъ—и въ правѣ судить—и Богъ, и люди.

Значить вамъ необходимо теперь уже серьезнѣе смотрѣть на себя, необходимо поступать такъ, какъ хочетъ и требуетъ Богъ и съ полною заботливостію украшать свое сердце добродѣтелями и дѣлать жизнь пріятною Богу и полезною для людей. Но для сего нужна, прежде всего, та истинная, нелицемѣрная, чистосердечная набожность, которой, больше всего, и учитъ двѣнадцатилѣтній отрокъ Иисусъ.

Когда исполнилось Ему 12 лѣтъ, говоритъ Евангелистъ, Онъ пошелъ со своими родителями во Іерусалимъ. Обратите вниманіе на этихъ трехъ паломниковъ, совершающихъ свое далекое и нелегкое путешествіе. Взгляните на эту небесную радость Іосифа и Маріи, отражающуюся на ихъ лицахъ, когда ихъ возлюбленное дѣтище въ первый разъ совершаетъ съ ними это путешествіе. Какъ благочестивы и Богоугодны были уже тѣ разговоры, которые велъ Иисусъ

съ ними на этомъ пути! Какою любовію къ Богу воспламенялось сердце Его, Когда Онъ говорилъ о своемъ Небесномъ Отцѣ и о своемъ счастьѣ въ первый разъ переступить порогъ Его дома! Чѣмъ ближе подходили они къ святому городу, тѣмъ сильнѣе билось Его сердце, исполненное этой священной радости.

А какъ Онъ долженъ былъ почувствовать себя, когда воочію увидѣлъ предъ собою этотъ чудный городъ съ его высокимъ, величественнымъ храмомъ, и тысячи тысячъ паломниковъ, со всѣхъ сторонъ вереницами тянущихся къ нему, особенно же когда вступилъ Онъ въ тотъ храмъ, гдѣ Онъ впоследствии долженъ былъ публично явиться, какъ Мессія, на то мѣсто, гдѣ Ему предстояло встрѣтить упорство и сопротивленіе, испытать крайнюю ненависть и озлобленіе, оплакать жалкое ослѣпленіе и даже положить животъ свой! Вотъ уже Елеонская гора, вотъ Голгоѳа предъ Его глазами,—что долженъ былъ Онъ теперь почувствовать? Чувствованія, которыми переполнено было въ этотъ моментъ Его Божественное сердце, были поистинѣ невыразимыя чувствованія.

Теперь загляните въ самый храмъ и посмотрите на этого отрока-богомольца! Вотъ стоитъ Онъ рядомъ съ Іосифомъ и, воздѣвъ къ небу свои руки, молится. О, съ какимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ молился Онъ теперь, при первомъ посѣщеніи дома Отца Своего, и съ какимъ благоволеніемъ и любовію взиралъ Небесный Отецъ на эту молитву Своего возлюбленнаго Сына! Вотъ гдѣ высшая школа самой истовой, самой благоговѣйной молитвы,—она здѣсь, въ этомъ Іерусалимскомъ храмѣ, у Іисуса, Іосифа и Маріи. Всѣ силы души ихъ сосредоточены были на одномъ,—на молитвѣ, на прославленіи Бога. Три дня продолжался

этотъ праздникъ и во все это время отрокъ Іисусъ ежедневно и по нѣскольку часовъ находился въ храмѣ, не чувствуя утомленія. Этого мало. Даже и тогда, когда окончился уже праздникъ, когда Іосифъ и Марія оставили уже священный городъ, отрокъ Іисусъ все еще остается во храмѣ, Онъ не можетъ разлучиться съ домомъ Отца Своего; Онъ еще три дня проводитъ здѣсь и этимъ учитъ насъ, какъ должны и мы любить домъ Божій, и какъ спасительно еще съ дѣтства посвящать себя на служеніе Господу.

По божественному опредѣленію Іисусъ, отбившись отъ родителей, остается въ Іерусалимѣ, несмотря на то, что Онъ, повидимому, дѣлаетъ проступокъ противъ Іосифа и Маріи, и является, какъ бы, непослушнымъ родительской волѣ. Онъ зналъ болѣе важную для Него волю небеснаго Отца Своего, и потому, кажется, и не обратилъ вниманія на свою мать и праведнаго Іосифа, чтобы тѣмъ и намъ дать понимать, что и для насъ воля Божія должна быть во всемъ, что касается славы Бога и спасенія души, выше и дороже всего. Да, возлюбленныя дѣти, великій и поучительный урокъ даетъ намъ этотъ поступокъ Іисуса. Если бы и ваши родители или кто-либо другой изъ житейскихъ побужденій захотѣли отвлечь васъ отъ дома Божія, отъ посѣщеній богослуженія, отъ исповѣди и причащенія Св. Таинъ, и вообще отъ исполненія нравственно—религіозныхъ обязанностей и благочестивыхъ упражненій,—о, не забывайте тогда этого примѣра вашего Спасителя! Старайтесь и вы въ такихъ обстоятельствахъ точно и свято исполнять волю Бога и вмѣстѣ съ Божественнымъ Отрокомъ говорить: „неужели вы не знаете, что мнѣ *подобаетъ быть въ томъ, что Отца Моего есть?*“.

Такъ отвѣчалъ Іисусъ своимъ родителямъ, которые

въ продолженіе трехъ дней съ великою душевною тревогою искали Его. Тѣмъ болѣе должны мы такъ отвѣчать тѣмъ, кто старается отдалять насъ отъ Бога, отъ вѣры, отъ церкви, отъ молитвы и благочестивыхъ упражненій, отъ исполненія заповѣдей Божіихъ, и возстановляетъ противъ пастырей и учителей, кои пекутся о душахъ нашихъ и ведутъ къ исправленію.— „Если вы хотите отвратить меня отъ Отца моего небеснаго“,—такъ пусть каждый говоритъ въ подобныхъ случаяхъ,— „если хотите разлучить меня съ Іисусомъ, то я долженъ голоса Бога слушать болѣе, чѣмъ васъ, и неуклонно исполнять то, что возложилъ на меня Отець небесный, какъ первую и самую главную обязанность“.

Но эта первая и самая главная обязанность нашей жизни есть истинное, чистосердечное благочестіе. Оно имѣетъ основаніе въ единственномъ желаніи чтить Всесвятаго Бога и благоугодить Ему. Благочестіе есть ничто другое, какъ исполненіе великой заповѣди: *„возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ“*. Оно есть любовь къ Богу, любовь къ Его дому, любовь къ молитвенному общенію съ Нимъ, любовь къ прославленію Его въ богослуженіи.

Благочестіе—это далеко не то, чѣмъ хочетъ сдѣлать его безбожный міръ,—это не ханжество, не лицемеріе, не пустосвятство, въ которое онъ желалъ бы превратить его. Понимая его такимъ именно образомъ, нечестивый міръ осыпаетъ его своими насмѣшками и преслѣдуетъ своею ненавистію. Отсюда большею частію и происходитъ то, что молодые люди стыдятся благочестія и набожности, боясь прослыть черезъ это темными и отсталыми людьми. Однако, какое это глубокое заблужденіе! Истинная набожность (есть, конечно,

и ложная набожность, которая не имѣетъ цѣны), есть черта высокая, достойная всякаго уваженія.

Она должна быть дѣломъ cadaго христіанина.

Она достойна и человѣка высоко образованнаго. Ибо, что вышло бы изъ благочестія и набожности, если бы онѣ пошли противъ истиннаго образованія? Конечно, если образованіемъ считать то, что подъ нимъ разумѣютъ многіе молодые люди, т.-е., чтобы всегда по послѣдней модѣ одѣваться, наблюдать изящество въ манерахъ и учтивость въ выраженіяхъ и больше ничего, то съ такимъ образованіемъ благочестіе ничего не можетъ имѣть общаго. Но оно очень хорошо уживается съ настоящимъ, истиннымъ образованіемъ. Болѣе того, набожность сообщаетъ юношѣ и дѣвицѣ особенную прелесть, служитъ самымъ лучшимъ украшеніемъ ихъ. Благочестивая юность подобна ангеламъ, приносящимъ на алтарь благовонную жертву. Невинное чистое сердце поднимается къ Богу, чистыя мысли наполняютъ душу и пламя благоговѣнія пылаетъ на ея лицѣ. Смиренная поступь, открытый и ясный взоръ—все говоритъ о такой красотѣ, о такомъ благородствѣ души, которое невольно привлекаетъ къ себѣ симпатіи окружающихъ.

О, если бы наше юношество, наше столь испорченное юношество, познало, сколько прекраснаго, великаго и достойнаго уваженія заключается въ благочестіи! Оно перестало бы смѣяться надъ нимъ и само постаралось бы усвоить его и упражняться въ немъ. Если дорого это качество во всѣхъ, то вдвойнѣ достолюбезно и дорого благочестіе въ юности, и Богу особенно пріятно видѣть его въ юношествѣ. Юноша своимъ чистымъ, невиннымъ сердцемъ, своею первою любовью можетъ доставить Богу нѣчто такое, чего Онъ не находитъ уже у людей пожилыхъ. И въ са-

момъ дѣлѣ, кто хоть разъ видѣлъ истинно-благочестиваго юношу, невинную дѣвицу въ храмѣ, во время молитвы, тотъ, при видѣ этой умилительной картины, навѣрное чувствовалъ, почему съ такимъ благоволеніемъ останавливается взоръ Отца небеснаго на такой юной душѣ. Ничего не можетъ быть болѣе пріятнаго, какъ молодость, проведенная въ благочестіи и страхѣ Божіемъ. Благочестіе облагораживаетъ все существо человѣка, оно освящаетъ всѣ его мысли, всѣ стремленія и поступки, оно дѣлаетъ богоугодною всю его жизнь и привлекаетъ на нее Божіе благословеніе.

Полюбите же, дѣти, это благочестіе, какъ основную добродѣтель вашего возраста, и не забывайте о его красотѣ и достоинствѣ. Не позволяйте духу міра вводить васъ въ заблужденіе, когда онъ старается представить вамъ благочестивую жизнь въ самомъ непривлекательномъ видѣ, какъ жизнь крайне тяжелую, непріятную и глупую. Но живите всегда по примѣру Іисуса, вашего Спасителя и Искупителя, радостію и потребностію сердца Котораго была всегда молитва, пребываніе въ храмѣ Божіемъ, въ занятіяхъ тѣмъ, что составляло волю Отца Его небеснаго. То только и можетъ быть истинно, свято, богоугодно, спасительно и полезно, что Онъ любитъ, что Онъ дѣлаетъ, чему Онъ учитъ. Аминь.

II.

ПОЛЬЗА БЛАГОЧЕСТІЯ.

„Благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“—
(1 Тимов. 4 гл. 8 ст.).

Когда израильтяне подошли къ границамъ обѣтованной земли, то тайно послали соглядатаевъ узнать, какова эта земля. Посланные скоро возвратились

назадъ и принесли плоды необыкновенной величины и прекрасные на вкусъ. Земля, хотя хороша и плодородна, сказали многіе изъ нихъ, но она сплошь населена исполинами и окружена крѣпкими городами. Если мы осмѣлимся войти въ нее, то непременно погибнемъ. Такими и подобными рѣчами они возбудили противъ этой земли предубѣжденіе въ народѣ и произвели въ немъ величайшее волненіе. Исусъ и Халевъ, которые были въ числѣ развѣдчиковъ, дѣлали все возможное для того, чтобы успокоить народъ и вдохнуть въ него мужество. Они напоминали ему объ обѣтованіяхъ Господа и о чудесномъ сокровищѣ, которое Онъ имъ даровалъ. Но невѣрующій народъ негодовалъ противъ Моисея, говоря, что онъ для того и вывелъ его изъ Египта, чтобы уморить его въ пустынь. Нашлось только двое, которые не роптали противъ Моисея, и они только одни достигли потомъ обѣтованной земли, всѣ же остальные за ихъ ропоть и недовольство, послѣ сорокалѣтняго странствованія, умерли, не увидавъ обѣтованной земли.

Къ чему, спросите вы, эта исторія? Напомнивъ это, эту исторію, я вотъ что хочу сказать вамъ. Неправда ли, что нѣчто подобное ей совершается и сейчасъ предъ нашими глазами? Какъ путникъ въ пустынь этой земли, человѣкъ хочетъ отдаться всецѣло служенію Богу, благочестію, и достигнуть этимъ путемъ царства небснаго, которое есть, такъ сказать, обѣтованная земля, текущая молокомъ и медомъ, т.-е. благодѣяніями Бога. Но вотъ доходитъ до его слуха лукавый голосъ міра, и къ нему присоединяются и его собственныя страсти, и начинаютъ такого человѣка запугивать тысячами опасностей и ужасовъ. „Какая тебѣ польза отъ служенія Богу, отъ благочестія“, нашептываютъ они. Ужели не видать, какъ

трудно это служеніе? Это — страна ссылки, каторга, которая ничего не даетъ своимъ обитателямъ, кромѣ мученія; какъ невольники, живутъ они въ ней среди постоянныхъ трудовъ и лишеній, безъ радостей и удовольствій.

И подобно тѣмъ невѣрующимъ израильтянамъ, очень многіе поддаются этимъ лукавымъ внушеніямъ и, въ чувствѣ крайняго недовольства, ропщутъ на тѣхъ, которые, освободивъ ихъ отъ рабства грѣху, ведутъ на путь добродѣтели; подобно израильтянамъ, вздыхавшимъ о котлахъ и мясахъ египетскихъ, — и они вздыхаютъ объ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ міра и снова возвращаются ко грѣху.

Чтобы предостеречь васъ, дѣти, въ будущемъ, отъ такого вѣроломства и недовольства, чтобы разоблачить всю ложь міра и страстей, я выступаю сегодня предъ вами, чтобы съ полною увѣренностію сказать: только въ служеніи Богу, только въ истинномъ благочестіи можно найти истинное счастье, — счастье въ жизни, въ смерти и въ вѣчности.

Ничего нѣтъ полезнѣе благочестія. О немъ апостоль говоритъ: благочестіе на все полезно, — *на все*, говоритъ онъ. Много содержитъ въ себѣ это слово, и, однакожъ, нельзя сказать, чтобы о немъ было слишкомъ много сказано. Оно заключаетъ въ себѣ чистую истину.

Благочестіе услаждаетъ жизнь. Въ общеніи съ Богомъ есть утѣшеніе для всего: оно отнимаетъ у несчастій ихъ горечь, облегчаетъ скорбь; оно успокаиваетъ взволнованное сердце, исцѣляетъ печаль и тугу. Какъ огонь въ зимнюю пору ослабляетъ силу мороза, или роса лѣтомъ уменьшаетъ палящій жаръ солнца, такъ благочестіе утоляетъ жгучую скорбь души. Да, только въ скорби и страданіяхъ, только

здѣсь навчаешься цѣнить достоинство благочестиваго сердца. Когда посмотримъ священническими глазами на отношеніе людей къ этимъ страданіямъ, какая громадная разница между человѣкомъ безрелигіознымъ и человѣкомъ благочестивымъ! Невѣрующей, безбожный человѣкъ, который не знаетъ никакого высшаго значенія и смысла страданій, — какъ терзается и мятется онъ, когда постигаетъ его какое-нибудь бѣдствіе! Какое обнаруживаетъ малодушіе, какое уныніе и отчаяніе, какое нетерпѣніе и ожесточеніе и затѣмъ, какая слѣдуетъ ужасная смерть!—Напротивъ, какъ спокойно встрѣчаетъ это бѣдствіе человѣкъ благочестивый, во всемъ признающій дѣйствіе промысла Божія и во всемъ предающій себя волѣ Божіей! Какую обнаруживаетъ онъ твердость и мужество, какой исполненъ онъ непоколебимой надежды и всецѣлой преданности! Изъ устъ такого человѣка нерѣдко можно слышать такія поучительныя слова: „великъ и тяжелъ мой крестъ! Что было бы со мною при несеніи такого креста, если бы я не имѣлъ вѣры въ Бога и чуждъ былъ всякой надежды на Него?“ Видите, какъ полезно благочестіе!

Далѣе, оно придаетъ всей жизни и разнообразнымъ занятіямъ человѣка свою цѣну и свое значеніе. Уваженіе и презрѣніе, радость и скорбь, богатство и бѣдность, покой и трудъ—все это благочестивый человѣкъ приписываетъ волѣ Бога и Его премудрымъ цѣлямъ. Все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ для Бога, и потому всякое его дѣло, всякое общественное положеніе, какъ бы оно ни было мало и ничтожно, является великимъ, цѣннымъ, достойнымъ вѣчной награды.

Истинное благочестіе на все полезно, „ибо, продолжаетъ ап. Павелъ, оно имѣетъ обѣтованіе живота

нынѣшняго и грядущаго“. Оно приноситъ нетлѣнные сокровища, неземное богатство, благодать, благословеніе, Божіе благоволеніе, вѣчную жизнь. *Возьмите его мое на себя и обряжете покой душамъ вашимъ, его бо мое благо и бремя мое легко есть.* Но, вѣдь, такъ говоритъ, скажутъ намъ, только Христось-Спаситель, но не совершенно ли противное говоритъ міръ?!.. Кому же вѣрить? Слышали ли вы, дѣти, когда-нибудь, чтобы человѣкъ, предающійся радостямъ и удовольствіямъ, сказалъ: „никогда и нигдѣ не найди мнѣ, о міръ, такого господина, который былъ бы лучше тебя. Легко и сладко твое бремя, счастливы и жизнерадостны твои слуги. Продолжай поить меня твоею сладостью; моему сердцу никогда не исчерпать чаши твоихъ наслажденій?“. Да и сами вы могли когда-нибудь сказать это послѣ того или другого удовольствія, по удовлетвореніи той или другой страсти? Не видите, не слышите ли, спрошу я, какъ сами поклонники міра жалуются на міръ съ его удовольствіями? Не подтверждаютъ ли тысячи опытовъ, что чѣмъ глубже чада міра погружаются въ земныя удовольствія, тѣмъ мучительнѣе наступаетъ, затѣмъ, для нихъ скука, пустота и утомленіе духа, такъ что они сами чувствуютъ себя несчастными, и жизнь становится имъ въ тягость? О, намъ—пастырямъ, у коихъ болѣе случаевъ и возможности видѣть бѣдствіе человѣческаго сердца во всѣхъ его видахъ и изслѣдовать его источники, какъ часто приходится намъ съ горечью въ душѣ восклицать: „какъ велика сила грѣха и какимъ несчастнымъ дѣлаетъ онъ человѣка!“ Напротивъ, укажите хоть одного благочестиваго христіанина, который пожаловался бы на тяжесть ученія своего Божественнаго Учителя и съ чувствомъ ропота сказалъ бы: жалѣю, что послѣдовалъ Христу? Истин-

ные послѣдователи Христа, въ какихъ бы обстоятельствахъ они не находились, всегда чувствовали себя счастливыми и вполнѣ были довольны своею судьбою. Какія прекрасныя слова сказаны были св. Поликарпомъ, епископомъ Смирнскимъ, который умеръ мученическою смертію за имя Христова! „Отрекись отъ Христа, сказалъ ему правитель, и я отпущу тебя на свободу“. Но св. Поликарпъ отвѣтилъ: „Уже восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Ему, и Онъ не сдѣлалъ мнѣ ничего дурного, какъ же я отрекусь отъ Него?“. И всѣ истинные христіане, и ваше собственное сердце, навѣрное, скажутъ вамъ, что это правда.

Такимъ образомъ, и опытъ, и прямое слово Спасителя, и ваше собственное сознание, — все подтверждаетъ эту истину, которую мнѣ хотѣлось бы поглубже напечатлѣть въ сердцахъ вашихъ: только въ служеніи Богу, въ вѣрѣ и благочестіи человѣкъ можетъ найти свое истинное счастье.

Есть въ жизни человѣческой, по крайней мѣрѣ, одинъ моментъ, когда, повидимому, невозможно никакое счастье, немислимо никакое спокойствіе, такой моментъ, когда міръ—онъ самъ подтверждаетъ это—не можетъ дать никакого мира и утѣшенія, когда онъ совершенно оставляетъ своихъ послѣдователей. Это—моментъ смерти, которая неизбѣжно наступитъ для насъ, хотя мы и не знаемъ, когда, гдѣ и какъ скоро.

Но и въ этотъ страшный моментъ оправдывается истинность словъ Спасителя, что у Него и съ Нимъ только можно находить миръ и спокойствіе. Да, этотъ миръ и спокойствіе блачестивый христіанинъ можетъ находить даже и на смертномъ одрѣ. Какъ нѣжная мать стоитъ у этого одра надежда — эта кроткая посланница неба, которая одною рукою поднимаетъ упавшій духъ его, а другою показываетъ, за темнымъ

покрываломъ, отдѣляющимъ время отъ вѣчности, первые лучи небесной славы. Для благочестивыхъ, поэтому, смерть есть ничто иное, какъ отдыхъ послѣ труда, возвращеніе изгнанника на родину, переходъ плавающего изъ бурнаго моря въ тихую пристань, конецъ ночи и начало дня. Вотъ почему благочестивый человѣкъ не только не боится смерти, но съ нетерпѣніемъ ждетъ ее и радуется ея приближенію. Когда одному святому юношѣ сказали, что смерть его уже близка, то онъ не только не смутился, какъ другіе умирающіе, но пришелъ въ неописуемый восторгъ, внѣ себя отъ радости повторилъ нѣсколько разъ: „готовъ, иду, съ радостію иду къ моему Господу!“. Такъ умираютъ и всѣ благочестивые люди. Кто живетъ въ Господѣ, тотъ въ Господѣ и умираетъ. Какова жизнь, такова и смерть.

И мы, друзья мои, если будемъ жить въ Господѣ, въ искреннемъ благочестіи и набожности, то и мы будемъ умирать въ Господѣ. И тогда мы опытно узнаемъ, какъ вѣрно слово апостола, что благочестіе на все полезно, полезно не для настоящей только жизни, но и будущей, загробной.

Если же благочестіе полезно и спасительно для всѣхъ людей вообще, то вдвойнѣ, тройнѣ полезно оно для юношескаго возраста. Для юноши благочестіе—это ледникъ, охлаждающій неумѣренный пылъ его страстей; оно есть его защита и оборона противъ нападеній міра и діавола; имъ подавляются въ немъ зародыши всѣхъ пороковъ и — наоборотъ, — насаждаются и возвращаются сѣмена всякой добродѣтели. Еще Соломонъ справедливо сказалъ о немъ: „все доброе пришло ко мнѣ вмѣстѣ съ благочестіемъ“. Да, благочестивый юноша всегда бываетъ и самый трудолюбивый, самый вѣрный своему долгу юноша. Благочести-

вый юноша есть, конечно, и самый чистый и нравственно безукоризненный юноша,— какой это полезный членъ для человѣческаго общества! Благочестивый юноша, къ какому бы классу людей онъ не принадлежалъ, самый скромный и покорный, самый любвеобильный и предупредительный юноша. Посмотрите на Іисуса—первообразъ юношескаго возраста,— какъ онъ набоженъ и благочестивъ, какъ точно и усердно исполняетъ всѣ обязанности, какъ къ Богу-Отцу своему небесному, такъ и къ земнымъ своимъ родителямъ! Онъ молится, будучи еще отрокомъ, молится и юношею; охотно посѣщаетъ храмъ Божій и, подолгу оставаясь въ немъ, Онъ возрастаетъ въ премудрости и благодати, въ любви у Бога и человѣковъ. Смотрите, христіанскіе юноши, на этотъ вашъ первообразъ, и дѣлайте также! Больше, какъ можно больше старайтесь развивать въ себѣ духъ благочестія во дни вашей юности, и вы собственнымъ опытомъ узнаете, какъ дороги плоды и какъ велико и незамѣнимо счастье, пріобрѣтаемое имъ. Благочестивая юность— какое это украшеніе, какое благо для земли!

О, Господи!—пошли отъ духа Твоего духъ страха Божія и благочестія! Даруй намъ благочестивое юношество и тѣмъ обнови лице земли! Аминь.

Владиміръ, Митрополитъ Московскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Слово о Божественномъ промышленіи надъ русской землей, явленномъ въ событіяхъ при воцареніи дома Романовыхъ.

„Не двѣ ли птицы цѣнятся единому ассарію? и ни одна отъ нея падетъ на земли безъ Отца вашего. Вамъ же и власи главніи вси изочтени суть“ (Матѣ. X, 29—30).

Всѣми событіями жизни человѣка и народовъ управляетъ Господь. Людямъ дана только свобода желаній, то согласныхъ съ волею Божіею, то противныхъ ей; но осуществленіе сихъ желаній зависитъ уже отъ Промысла Божія, какъ поучаетъ насъ Апостоль: *«послушайте вы, говорящіе: «сегодня или завтра отправимся въ такой-то городъ и проживемъ тамъ одинъ годъ и будемъ торговать и получать прибыль», вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? паръ, являющійся на малое время, а потомъ исчезающій. Въмѣсто того, чтобы вамъ говорить: «если угодно будетъ Господу и живы будемъ, то сдѣлаемъ то или другое» (Іак. 4, 13—15).*

Итакъ всѣ событія человѣческой и міровой жизни совершаются по волѣ Божіей; событія, полезныя для благочестія,—по Его благоволенію, событія же соблазнительныя—по Его попущенію ради испытанія вѣрныхъ и ради утвержденія терпѣнія ихъ, а равно и для обличенія злобы нечестивыхъ и дальнѣйшаго ихъ

посрамленія.—Правда, не скоро удастся понять людямъ, какъ могутъ согласоваться съ Божественнымъ вседержительствомъ такія обстоятельства, когда грѣшники торжествуютъ, а праведники соблазняются; въ этихъ случаяхъ даже благочестивые смущаются въ помыслахъ своихъ и говорятъ: *«вотъ эти нечестивые благоденствуютъ въ вѣкъ семъ, умножаютъ богатство; такъ не напрасно ли я очищаль сердце мое и омываль въ невинности руки мои, и подвергалъ себя ранамъ всякій день и обличеніямъ всякое утро?»* (Псал. 72, 12—14). И только послѣ размышленія и молитвы въ храмѣ Божіемъ постигаютъ они пути промысла Божія. *«Какъ сновидѣніе по пробужденіи, такъ Ты, Господи, пробуди ихъ, уничтожишь мечты ихъ* (ст. 20).

Такъ обыкновенно не сразу и не всякимъ наблюдателемъ познаются пути Промысла въ событіяхъ жизни. Но бываютъ времена и событія, когда пути Промысла открываются для всѣхъ современниковъ и ихъ потомковъ съ изумительною очевидностью. Таковы, конечно, прежде всего событія чудесныя, каковыми, напр., сопровождался и предварялся исходъ избраннаго народа Божія изъ Египта и его вселеніе въ Землю Обѣтованную. Таковыми бываютъ иногда событія, не ознаменованныя чудесами, или сверхъестественными дѣлами Господа, но съ неотразимою ясностью открывающія Его промыслительныя цѣли и Его направляющую десницу. Вспомнимъ, напримѣръ, кару Божію іудеямъ за ихъ колебаніе въ вѣрѣ и поклоненіе идоламъ,—когда Господь послалъ на нихъ Навуходоносора, раззорилъ чрезъ него ихъ страну, ихъ храмъ и ихъ царство, переселилъ ихъ въ Вавилонъ, а затѣмъ чрезъ 70 лѣтъ, волею царей Кира и Дарія, возвратилъ на родину всѣхъ желающихъ, т.-е. всѣхъ ненавидѣвшихъ язычество, и такимъ образомъ

возсоздалъ и возродилъ избранное племя, удаливъ его отъ всѣхъ двоедушныхъ и маловѣрныхъ.

Нѣчто подобное, т.-е. столь же ясное дѣло Промысла видимъ мы и въ исторіи „новоизбранныхъ людей“, т.-е. народа русскаго при воцареніи нынѣ правящей династіи Романовыхъ.

Въ этихъ событіяхъ участіе Божественнаго Промысла сказывается съ особенною ясностью именно потому, что, вопреки обычнымъ условіямъ переменъ царственныхъ династій, здѣсь совершенно отсутствовали *желанія человѣческія*; не только отсутствовало честолюбивое стремленіе первыхъ представителей династіи, но напротивъ они были избраны на царство безъ ихъ вѣдома, призваны противъ своего желанія, но понуждены къ принятію царскаго престола духовенствомъ и народомъ почти насильно, посредствомъ грознаго заклія.—Избраніе юноши Михаила въ цари уже совершилось; никакихъ соперниковъ на престолонаслѣдіе въ странѣ нашей не было; въ Кострому пришло великое посольство отъ всероссійскаго народнаго собора, и, войдя крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ пребывалъ избранный царь со своею матерью—монахиней, присланные люди, во главѣ съ архіепископомъ Рязанскимъ Θεодоритомъ, объявили юношѣ и его матери общенародную и Божію волю; но тщетно они упрашивали, тщетно поднимали предъ избранникомъ чудотворные лики: отказъ, внушенный смиреніемъ и сознаніемъ своей юности, оставался неодолимымъ, пока Михаилъ и Марѳа не услышали такихъ грозныхъ словъ Владыки Θεодорита: „да будетъ по вашему... бѣдствуй, русская земля! Пусть настанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но предъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя

падаетъ бѣдствіе отчизны. И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божиимъ за кровь и слезы христіанъ“. Только это заклѣтіе поколебало юношу и его мать; только оно могло заставить новую династію согласиться на занятіе царскаго престола.—Не исканіе власти и славы человѣческой, но путь креста, путь подвига, путь безропотнаго несенія человѣческой обиды былъ излюбленнымъ жребіемъ этого благочестиваго дома.

Отецъ и мать новоизбраннаго государя въ цвѣтѣ лѣтъ были оклеветаны предъ царемъ Борисомъ, насильственно разлучены и пострижены въ монашество, но сей тяжелый даже для призванныхъ къ нему подвиговъ они оба понесли съ такимъ же усердіемъ и съ такою же покорностью, какъ будто избрали его добровольно, и конечно не покинули его и тогда, когда отношеніе правительства къ нимъ измѣнилось; они дали обѣты свои предъ лицомъ Бога, а Богъ неизмѣняемъ. Ихъ преданности Промыслу не омрачила и горестная участь ни въ чемъ невиноватыхъ страдальцевъ братьевъ Θεодора, а теперь уже инока Филарета Романова,—Василія Никитича, Александра Никитича и Михаила Никитича, сосланныхъ Борисомъ въ далекіе предѣлы сѣвернаго края—Усолъе, Пелымъ, Ныробъ, гдѣ они, послѣ тягостнаго года ссылки, были умерщвлены мучителями-стражами; особенно тяжко мучили Михаила Никитича: его заключили въ яму-землянку и уморили, послѣ годичнаго томленія, голодомъ. Лжедимитрій Самозванецъ повелѣлъ перенести тѣла трехъ братьевъ-страдальцевъ въ Московскій Новоспасскій монастырь, причемъ тѣло Михаила оказалось нетлѣннымъ; на мѣстѣ его кончины была тогда же воздвигнута часовня, а любящій праведныхъ страдальцевъ русскій народъ началъ вско-

рѣ собираться туда на молитву и брать себѣ цѣлебный песочекъ съ могилы страсотерпца, что продолжается въ Ныробѣ и понынѣ.

Мудрено-ли, что великій печальникъ земли русской, патріархъ Гермогенъ, изъ своего подземнаго заключенія убѣждавшій современниковъ не вручать вдовствующаго царства русскаго польскому королевичу, указалъ на родъ праведниковъ-страдальцевъ, какъ на единственно достойный пріять скипетръ потомковъ Равноапостольнаго Владиміра?

Итакъ смотрите, какія благословенія, какія воспоминанія и какое родство окружали юную душу Михаила, перваго царя новой династіи. Благословеніе праведника изъ темницы, неповинная казнь еще молодыхъ дядей, отецъ-монахъ и митрополитъ, томящійся въ плѣну, и мать-монахиня, столь неохотно отпустившая его изъ своего смиреннаго уединенія на царство! Были-ли когда-нибудь цари, пріявшіе славу царства въ такой обстановкѣ подвига, страданія, неповинныхъ казней и добровольнаго пріятія насильно навязанной разлуки? Мудрено-ли послѣ всего этого, что не только самъ Михаилъ, но и его сынъ, Алексѣй, и его внукъ, Ѳеодоръ, ему наслѣдовавшіе, „ходили предъ Богомъ“, какъ Авраамъ, старались во всѣхъ дѣлахъ царства своего руководиться Его святою волею, какъ Исаакъ, и, подобно Іакову, принимали всѣ событія жизни своей или какъ даръ, или какъ бичъ Божій, десницей Котораго управляются дѣла царствъ человѣческихъ.

Окончились дни русской смуты, но еще нѣсколько лѣтъ томился въ плѣну Митрополитъ Филаретъ Никитичъ и, не увлекаясь своимъ положеніемъ отца царя, завѣщаетъ изъ своей неволи „ни единой пяди земли русской“ не отдавать полякамъ въ видѣ выкупа за драгоцѣннаго плѣнника.

Но вотъ онъ уже въ Москвѣ, на него возлагають санъ патріарха, онъ именуется „Великимъ Государемъ“, но земныя почести не отвлекають его отъ монашескаго подвига; онъ не стѣсняетъ сына въ его царствованіи, не отрицается положенія почетнаго совѣтника государя, но чинъ иноческій, хотя и невольно подъятый, но добровольно понесенный, остается для него первымъ его дѣломъ, важнѣйшимъ изъ жизненныхъ подвиговъ: онъ прежде всего монахъ, затѣмъ святитель-патріархъ и потомъ уже отецъ юнаго царя и самъ Великій Государь. Не правъ-ли былъ царственный сынъ его, когда въ граматѣ, обращенной къ отцу, именуеть его по виду человѣкомъ, но по нраву ангеломъ во плоти, избраннымъ во святителѣхъ и кротчайшимъ изъ людей.

Монахомъ и святителемъ былъ родоначальникъ царей Романовыхъ; не были иноками его царственные потомки, но строй жизни, опредѣляемый иноческимъ уставомъ, на три четверти столѣтія водворился во дворцѣ новой династіи. Съ ранняго утра служилась царю утренняя, затѣмъ читались житія святыхъ и докладывались нужнѣйшія дѣла государственныя, а царь уже спѣшитъ къ святой литургіи, и только отстоявъ Божественную службу, вкушаетъ пищу. Вотъ приходитъ Великій постъ: вкушеніе пищи допускается лишь послѣ вечерни,—да и какой пищи? пять дней въ недѣлю хлѣбъ съ квасомъ, а вареное въ субботу и воскресенье,—да и то, конечно, безъ рыбы. А цѣлый день молитва, чтеніе и поклоны, да слушаніе дѣлъ государственныхъ, дѣлъ нерѣдко тревожныхъ, дѣлъ крамольныхъ и дѣлъ военныхъ, требовавшихъ затѣмъ и самого царя на ратный подвигъ въ разлукѣ съ семьей и столицей.

Вотъ на какой образъ жизни,—не жизни, а житія—

взирала вновь собранная отъ раззоренія и измѣны наша Русь! Вотъ почему она такъ быстро крѣпла подъ этимъ знаменіемъ подвига послушанія и молитвы; вотъ почему столь быстро таяли, какъ грязный снѣгъ подъ лучами весенняго солнца, остатки измѣны и разбойныхъ шаекъ, и царство изъ мятежнаго раззоренія такъ быстро сложилось въ одно покорное, дружное и прочно сплоченное церковно-государственное тѣло. Подвигъ поста и молитвы, который проходилъ во дворцѣ, сдѣлали все это! И не только это: не только упроченіе собственнаго царства совершила новая династія.

Къ царству русскому со времени воцаренія Романовыхъ и понынѣ простерлись уповающіе взоры, потянулись умоляющія руки православныхъ племенъ и народовъ всего міра. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ воцаренія Михаила Ѳеодоровича, пишетъ ему Преподобный Іовъ Почаевскій „изъ Лядской страны“ о горькой долѣ православныхъ христіанъ, молящихся о томъ, чтобы московскій царь ихъ всѣхъ объединилъ подъ своею державой, что и осуществилось для половины православныхъ малороссовъ при сынѣ Михаила, Алексѣѣ Михайловичѣ, чрезъ добровольную присягу на вѣрность ему казаковъ Богдана Хмѣльницкаго, возвратившихъ русскихъ царямъ древній священный Кіевъ и весь лѣвый берегъ Днѣпра. Въ это же время Восточные Вселенскіе Патріархи, постоянно притекавшіе за милостынею въ Москву, исповѣдуютъ въ стольной палатѣ русскихъ царей общее молитвенное желаніе христіанъ Востока—грековъ и арабовъ, чтобы російскій автократоръ, или самодержецъ сдѣлался православнымъ монархомъ, т.-е. царемъ—единодержцемъ всего православнаго міра.

Правда, широки были предѣлы и тогдашняго рус-

скаго царства, но его малолюдство, его незаселенность и разноплеменность, его окруженность врагами съ запада и съ юга не могли бы давать почву такимъ дерзновеннымъ надеждамъ, еслибъ не чувствовалось русскими людьми, еслибъ не созерцалась и православными иностранцами та неудержимо растущая мощь народнаго единодушія, та восторженная преданность обновленной родинѣ всѣхъ сословіи земли русской, которая внушалась высокимъ подвигомъ благочестія и смиренномудрія „тишайшихъ“ государей, воспитанныхъ подъ мантией старицы-монахини, учившихся жить и царствовать подъ осѣненіемъ патріаршаго омофора недавняго страдальца-узника. Смѣлая надежда христіанъ не посрамились: онѣ осуществляются постепенно съ 1654 года и понынѣ.

Не земное, а Божіе царство открывалось въ Кремль Московскомъ для всѣхъ взиравшихъ на него—русскихъ и иностранцевъ. Здѣсь воочию сбывалось слово Божіе: *«мною царіе царствуютъ и сильніи содѣваютъ правду»* (Притчей 8, 15).—Не было явныхъ чудесъ при воцареніи Романовскаго дома, не сверхъестественнымъ образомъ раждались, воцарялись и умирали первые три царя династіи, но десница Божія открылась въ судьбахъ ихъ жизни съ такою ясностью, какъ въ богоугодномъ царствѣ Давида, Езекии и Іосіи.

Это были истинно слуги Божественной воли, Божественнаго произволенія о возрожденіи народномъ, о водвореніи земли русской во главу всего православнаго міра и въ свѣточъ восточнымъ инородцамъ, которые во множествѣ принимали теперь св. крещеніе и сливались во едино съ великимъ народомъ русскимъ.

Это великое призваніе своего царствованія сознавалъ лучшій изъ царей Романовыхъ, тишайшій Але-

кѣй Михайловичъ, когда однажды на пріемъ греческихъ владыкъ, обнимая ихъ выи, со слезами просиль прощенія у нихъ и у всего заграничнаго православія въ томъ, что до сихъ поръ не можетъ онъ со своими вѣрными воинами освободить всѣхъ православныхъ христіанъ отъ лютой власти магометанъ и еретиковъ и собрать всѣхъ во едино стадо.

Не честолюбивое стремленіе завоевателя сказывалось въ этихъ словахъ и въ этихъ слезахъ; завоеватель и честолюбецъ не плачетъ и не проситъ прощенія. Нѣтъ,—здѣсь говорило глубокое состраданіе собрата во Христѣ своимъ братьямъ по вѣрѣ, по Церкви Православной, которая для русскихъ людей отъ царя до послѣдняго простолюдина была самымъ дорогимъ сокровищемъ на землѣ, ради котораго они подвизались, ради котораго смирялись, во славу котораго царствовали и которымъ покоряли въ послушаніе царской власти и своихъ, и чужихъ. Вотъ для чего воцарилъ Романовыхъ надъ Русью Божественный Промыслъ, вотъ для чего провелъ ихъ предковъ чрезъ горнило страданій, вотъ къ чему стремится и понынѣ русскій народъ подъ ихъ богохранимой державой! Съ этимъ знаменемъ она непоколебима. Держись за него непоколебимо, Святая Русь!

Антоній, Архіепископъ Волынскій.

Святые верховные апостолы Петръ и Павелъ *).

Праздникъ радостенъ возсія концемъ днесь, всечестная память премудрыхъ апостолъ и верховныхъ Петра и Павла... Память праведныхъ съ похвалами. А чтобы достойно восхвалить святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, нужно изобразить жизнь и подвиги ихъ. Дѣло это совсѣмъ не легкое. Труды и дѣла сихъ святыхъ апостоловъ столь славны, и такъ величественны и многочисленны, что одинъ перечень ихъ займетъ всю нашу бесѣду. По нуждѣ мы намѣреваемся въ возможной мѣрѣ наблюдать краткость. На первомъ мѣстѣ предложимъ житіе и подвиги св. апостола Петра, а потомъ и ап. Павла.

Св. апостолъ Петръ былъ уроженцемъ небольшого галилейскаго города Виѣсаиды, что на сѣверо-западномъ берегу Генисаретскаго озера. Онъ былъ сыномъ рыбака Іоны. Родной братъ его назывался Андреемъ. По примѣру отца, оба брата занимались также рыболовствомъ. Отъ него получали они нѣкоторое подспорье своему небогатому хозяйству. До призванія на дѣло апостольскаго служенія, Петръ носилъ имя Симона.

Когда выступилъ на свое служеніе святой Предтеча Господень Іоаннъ, пришла въ волненіе и вся Галилея. Многіе изъ обитателей ея двинулись къ берегамъ Іордана, гдѣ проповѣдовалъ и крестилъ

*) Въѣбогослужебная бесѣда на праздникъ 29-го іюня.

Іоаннъ. Нѣкоторые поступали въ число учениковъ Крестителя. Братъ Симона Андрей не хотѣлъ и разставаться съ нимъ. Симонъ также хотѣлъ бы быть съ Іоанномъ, да по семейнымъ обстоятельствамъ рѣшиться на это не могъ. У него вѣдь была уже своя семья и еще малыя дѣти. Но все же Симонъ бывалъ и на берегу Іордана, гдѣ крестилъ Предтеча Господень Іоаннъ. Здѣсь онъ и получилъ первое призваніе къ апостольству отъ самого Господа Іисуса Христа. Братъ Симона Андрей слышалъ отъ своего учителя, что Іисусъ есть „Агнецъ Божій, Который беретъ на Себя грѣхъ міра“ (Іоан. 1, 29). Слова эти сопровождались указаніемъ на Іисуса, шедшаго къ Іоанну. Андрей „первый находитъ брата своего Симона и говоритъ ему: мы нашли Мессію, что значитъ—Христось; и привелъ его къ Іисусу. Іисусъ же, взглянувъ на него, сказалъ: ты Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешься Кифа, *еже сказается Петръ* (Πέτρος — каменный) (Іоан. 1, 43).

На другой день Господь Іисусъ Христось направился въ Галилею. Въ числѣ спутниковъ былъ и Симонъ, нареченный Петромъ. Въ городѣ Канѣ Галилейской Іисусъ совершилъ Свое первое чудо, претворивъ воду въ вино. Изъ Каны Онъ прибылъ въ Капернаумъ. Будучи въ домѣ Петра, Онъ исцѣлилъ тещу его и множество больныхъ и бѣсноватыхъ. Конечно, это еще болѣе укрѣпило въ сердцѣ Симона Петра зародившуюся вѣру. Однако онъ еще продолжалъ заниматься ловлею рыбъ. Отъ этого дѣла онъ и былъ призванъ окончательно къ апостольскому служенію.

Однажды слушатели особенно тѣснили Спасителя на берегу моря. Онъ увидѣлъ Симона съ Андреемъ, занятыхъ закидываніемъ сѣтей въ море (Мѡ. IV, 18).

Но вотъ они уже ихъ вытащили на берегъ и вымывали. Спаситель вошелъ въ лодку Петрову и, отплывъ недалеко отъ берега, училъ. Когда же Онъ окончилъ, сказалъ Симону Петру: „отплыви на глубину и закиньте сѣти свои для лова. Симонъ сказалъ Ему въ отвѣтъ: Наставникъ! мы трудились всю ночь, и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сѣть“. Уловъ оказался необычайнымъ. „Сѣти прорывались отъ множества пойманныхъ рыбъ. Съ помощію товарищей они наполнили рыбою двѣ лодки. Это такъ поразило Симона, что онъ припалъ къ колѣнамъ Іисуса и сказалъ: выйди отъ меня, Господи! потому что я человѣкъ грѣшный. Ибо ужасъ объялъ его и всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, отъ этого лова рыбъ, ими пойманныхъ... И сказалъ Іисусъ Симону: не бойся! отнынѣ будешь ловить человѣковъ“ (Лук. V, 1—10). Симонъ Петръ и бывшіе съ нимъ, оставивъ лодки, послѣдовали за Іисусомъ.

Непрестанное пребываніе съ Божественнымъ Учителемъ благодѣтельно дѣйствовало на всѣхъ апостоловъ. Господь поручалъ имъ и дѣло благовѣстія, даровавъ напередъ власть надъ духами нечистыми и силу исцѣлять всякія болѣзни. Конечно, не вдругъ ученики Спасителя могли совершенно переродиться. Петръ, какъ болѣе пылкій, и дѣйствовалъ иногда необдуманно. Вотъ тому примѣръ: послѣ чудеснаго насыщенія пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами, Спаситель отпустилъ народъ. Ученикамъ Своимъ Онъ повелѣлъ войти въ лодку и плыть къ Капернауму, а Самъ остался на мѣстѣ для молитвы. Время дня уже было позднее, а на морѣ неожиданно поднялась буря. Лодка, въ которой плыли ученики Спасителя, носилась по волнамъ. Опасность потонуть всѣмъ имъ въ морѣ была великая. Спаситель же въ четвертую стра-

жу (послѣ трехъ часовъ) пошелъ къ ученикамъ Своимъ по водѣ. „И ученики, увидѣвши Его, идущаго по морю, встревожились и говорили: это призракъ и отъ страха вскричали. Но Іисусъ тотчасъ заговорилъ съ ними и сказалъ: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петръ сказалъ Ему въ отвѣтъ: Господи! если это Ты, повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ. Онъ же сказалъ: иди. И вышедъ изъ лодки, Петръ пошелъ по водѣ, чтобы подойти къ Іисусу; но, видя сильный вѣтеръ, испугался и, начавъ утопать, закричалъ: Господи! спаси меня. Іисусъ тотчасъ простеръ руку, поддержалъ его и говоритъ ему: маловѣрный! зачѣмъ ты усомнился? И когда вошли они въ лодку, вѣтеръ утихъ. Бывшіе же въ лодкѣ подошли, поклонились Ему и сказали: истинно ты Сынъ Божій“ (Мѣ. XVI, 22—33).

Такую вѣру въ Господа Іисуса Христа, какъ Сына Божія, Петръ исповѣдалъ отъ лица всѣхъ и въ другое время. Но когда Спаситель открылъ ученикамъ Своимъ, что ему должно идти въ Іерусалимъ на страданія, Петръ сталъ прекословить. За это онъ услышалъ строгій выговоръ отъ кротчайшаго Господа, потому что мыслилъ не о томъ, что Божіе, но что человѣческое (Мѣ. XVI, 13—23). Но желая укрѣпить вѣру его, какъ и другихъ апостоловъ, Спаситель показалъ славу Свою на горѣ Преображенія. Петръ былъ при этомъ преславномъ чудѣ. По вознесеніи Спасителя на небо онъ воспоминалъ о немъ (2. Петр. 1, 16—18).

Симонъ Петръ искренно и всею душою возлюбилъ Спасителя. Онъ и мысли не могъ допустить, чтобы когда-нибудь оскудѣла въ немъ вѣра и любовь къ Господу Мессіи. Когда Спаситель послѣ бесѣды о таинствѣ причащенія поставилъ и ближайшимъ ученикамъ

Своимъ вопросъ: „не хотите ли и вы отойти“? Такъ вѣдь поступили уже нѣкоторые изъ слушателей Его, да и въ большемъ даже числѣ. Петръ на вопросъ Господа далъ такой отвѣтъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни: и мы увѣровали и познали, что Ты Христось, Сынъ Бога живаго“ (Іоан. VI, 67—69). Не смотря на таковое увѣреніе апостола Петра, Спаситель особо молился о немъ, чтобы не оскудѣла вѣра его. Хотя Апостоль увѣрялъ, что готовъ идти за Спасителемъ и въ темницу и на смерть, однако услышалъ: „не пропоетъ пѣтухъ сегодня, какъ ты трижды отречешься, что не знаешь Меня“ (Лук. XXII, 32—34): Предреченіе это исполнилось. Петръ отвергся отъ Христа. Но у него за отреченіемъ послѣдовало глубокое раскаяніе. Онъ горько заплакалъ (Лук. XXII, 62), да плакалъ о грѣхѣхъ и во всю свою жизнь до мученической кончины, не смотря на то, что зналъ о прощеніи. Таково и есть истинное покаяніе.

При крестѣ Спасителя апостола Петра не было. Пораженъ былъ пастырь, и овцы его разошлись. Страхъ наполнилъ ихъ души. Но вотъ на третій день по крестной смерти Спасителя жены мруносицы рано утромъ возвѣстили имъ, что тѣла Господа нѣтъ во гробѣ. Петръ съ Іоанномъ быстро пошли ко гробу. Іоаннъ скорѣе прибылъ, но подождалъ Петра. Симонъ подошелъ и вошелъ въ пещеру и увидѣлъ во гробѣ однѣ пелены и платъ, который былъ на главѣ Его, не съ пеленами лежащій, но особо свитый на другомъ мѣстѣ (Іоан. XX, 2—7). По великому Своему чело-вѣколюбію, Воскресшій Спаситель пожелалъ утѣшить особымъ явленіемъ ап. Петра. Послѣ этого всѣ апостолы Христовы часто созерцали Господа Іисуса Христа и бесѣдовали съ Нимъ. Воскресшій много разъ

являлся Своимъ апостоламъ и училъ ихъ тайнамъ царствія Божія. На сороковой день по воскресеніи Онъ вознесся на небо предъ глазами ихъ. Апостолы поклонились Ему и возвратились въ Іерусалимъ съ великою радостію. Всѣ они единомысленно пребывали въ молитвѣ и моленіи съ нѣкоторыми женами и Марією, Матерью Іисуса, и съ братьями Его. Петръ предложилъ избрать на мѣсто отпавшаго Іуды достойнаго человѣка. Жребій апостольства въ сонмѣ двѣнадцати выпалъ на Матѳея.

При наступленіи Пятидесятницы всѣ апостолы пребывали единомысленно вмѣстѣ. Господь Іисусъ Христосъ обѣщаль имъ ниспослать иного Утѣшителя, Духа Святаго. Они и ожидали исполненія этого обѣтованія, не зная времени его. Господу угодно было послать на апостоловъ Своихъ Святаго Духа въ день Пятидесятницы. „Внезапно сдѣлался шумъ съ неба, какъ бы отъ несущагося сильнаго вѣтра, и наполнилъ весь домъ, гдѣ они находились. И явились имъ раздѣляющіеся языки, какъ бы огненные, и почили по одному на каждомъ изъ нихъ. И исполнились всѣ Духа Святаго, и начали говорить на иныхъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщать“. Слушатели удивлялись тому, какъ это простые галилеяне могли говорить на разныхъ языкахъ. Иные дозволили себѣ глумленіе, говоря, что они напились сладкаго вина. Слыша это, ап. Петръ съ одинадцатію, возвысивъ голосъ, указалъ на неразуміе догадки. Въ объясненіе же событія онъ привелъ пророчество Іоілия. Пророкъ сей провѣщаль о Духѣ Святомъ, нисходящемъ на рабовъ Божіихъ и о спасеніи всѣхъ, призывающихъ имя Господа. „Мужи израильскіе, продолжалъ ап. Петръ, послушайте слова сіи: Іисуса Назорея, Мужа, засвидѣтельствованнаго вамъ отъ Бога силами и чу-

десами и знаменіями... вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконныхъ, убили; но Богъ воскресилъ Его... чему всѣ мы свидѣтели“. Воскресшій вознесся на небо и теперь ниспослалъ обѣщаннаго Духа Святаго. „Итакъ, твердо знай весь домъ Израилевъ, закончилъ свою рѣчь ап. Петръ, что Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ Сего Іисуса, Котораго вы распяли“ (Дѣян. II, 14—36). Слушая слова Апостола, нѣкоторые въ умиленіи спрашивали, что имъ дѣлать? Петръ сказалъ имъ: „покайтесь и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ и получите даръ Святаго Духа“. Въ этотъ день приняли святое крещеніе около трехъ тысячъ человѣкъ.

Черезъ нѣсколько дней апостолы Петръ и Іоаннъ шли въ храмъ помолиться. Петръ исцѣлилъ при воротахъ храма нищаго хромого. По этому поводу онъ сказалъ рѣчь къ окружившимъ его іудеямъ. Апостоль призывалъ слушателей очистить грѣхъ богоубійства вѣрою въ Господа Іисуса Христа и покаяніемъ. Въ тотъ день присоединилось къ церкви около пяти тысячъ человѣкъ. Но это возбудило въ сердцахъ фарисеевъ и саддукеевъ гнѣвъ. Апостоловъ привлекли къ допросу и запретили имъ проповѣдовать о Христвѣ. Конечно, они не повиновались, за что и претерпѣли біеніе палками. Но развѣ это могло угасить пламень ревности по вѣрѣ въ душахъ святыхъ апостоловъ? Святой Петръ трудится безъ страха. Онъ неустанно благовѣствуетъ о Христвѣ. Слово его является дѣйственнымъ, ибо сопровождается чудесами. Господь даровалъ ап. Петру такую силу чудотворенія, что даже тѣнь его, осѣнявшая больныхъ, исцѣляла ихъ. Посему то не только жители Іерусалима, но и окрестныхъ мѣстъ приносили своихъ недужныхъ для исцѣленія. Такъ

какъ вѣра Христова распространялась быстро, то іудеи подняли было гоненіе на исповѣдниковъ имени Христова. Но это повело къ тому, что послѣдніе стали въ большомъ числѣ покидать Іерусалимъ и благовѣствовать о Господѣ Іисусѣ Христѣ въ окрестностяхъ Іерусалима и далѣе. Св. ап. Петръ былъ посылаемъ вмѣстѣ съ ап. Іоанномъ въ Самарію, для совершенія таинства муропомазанія надъ самарянами, крещеными діакономъ Филиппомъ. Апостолы сіи на возвратномъ пути благовѣствовали во многихъ самарянскихъ селеніяхъ (Дѣян. гл. VIII). Спустя нѣсколько времени ап. Петръ пришелъ въ мѣстечко Лидду. Здѣсь онъ исцѣлилъ разслабленнаго Энея, а въ Іоппії воскресилъ умершую Тавиѳу. Отсюда Апостоль призванъ былъ въ Кесарію Палестинскую, гдѣ и крестилъ сотника Корнилія со всѣми его домашними. За это Петръ подвергся упрекамъ со стороны Іудеевъ, принявшихъ крещеніе. Отвѣтъ Апостола, что онъ посланъ былъ Самимъ Богомъ, удовлетворилъ упрекавшихъ. Они уразумѣли, что Господу Богу угодно было открыть двери вѣры и язычникамъ во спасеніе.

Послѣ немногихъ лѣтъ спокойствія открылось новое гоненіе на церковь Христову. Иродъ Агриппа получилъ власть надъ Палестиной. Онъ въ 44 году прибылъ въ Іерусалимъ не задолго до праздника Пасхи. Желая сдѣлать что-нибудь пріятное іудеямъ, онъ казнилъ апостола Іакова Заведеева. Іудеямъ это понравилось. Иродъ также доволенъ былъ. Онъ приказалъ схватить и Петра. Такъ какъ наступали дни Пасхи, когда смертная казнь не производилась, то его заключили въ темницу. Господь Богъ услышалъ молитвы христіанъ объ избавленіи Петра отъ руки Ирода. Ангель Господень вывелъ его изъ темницы. Избѣгши опасности, Петръ скрылся, ибо возможно

было ожидать поисковъ его. До времени апостольскаго собора въ Іерусалимѣ (51 г.), онъ благовѣствовалъ вѣру въ предѣлахъ Кесаріи Палестинской и Финикіи. На соборѣ онъ снова повторилъ рассказъ объ обстоятельствахъ крещенія римскаго сотника Корнилія. Изъ его рѣчи ясно было, что Господь Богъ не положилъ различія между обрѣзанными и необрѣзанными, спасая вѣрующихъ благодатію. Рѣшено было не подвергать обращающихся къ вѣрѣ во Христа язычниковъ къ сохраненію обрядоваго еврейскаго закона.

До собора іерусалимскаго всѣ свѣдѣнія объ ап. Петрѣ заключаются въ священныхъ книгахъ. Послѣ же него приходится уже довольствоваться большею частію преданіемъ. Къ сожалѣнію, послѣднее подверглось значительному искаженію. Святые апостолы отличались такою скромностію, такимъ смиреніемъ, что нисколько не заботились оставлять по себѣ точныхъ свѣдѣній о мѣстахъ, временахъ и обстоятельствахъ, при которыхъ совершалось ихъ апостольское служеніе.

Послѣ іерусалимскаго собора ап. Петрѣ благовѣствовалъ въ Сиріи. Нѣсколько разъ онъ появлялся въ Антіохіи сирійской. Здѣсь онъ рукоположилъ въ санъ епископа антіохійскаго Евода. Мѣсто проповѣди ап. Петра указываютъ древніе писатели въ предѣлахъ малоазійскихъ. Святый ап. Павелъ говоритъ, что Петру было ввѣрено преимущественно проповѣдовать Евангеліе іудеямъ (Галат. II, 9). И дѣйствительно, онъ благовѣствовалъ вѣру Христову евреямъ разсѣянія. Къ нимъ онъ написалъ и первое свое посланіе. Конечно, апостоль, вѣроятно, имѣлъ въ виду и язычниковъ, принявшихъ вѣру христіанскую. Цѣль посланія была двоякая. Онъ желалъ утвердить въ христіанахъ сознаніе, что вѣра въ Іисуса Христа, какъ Искупителя, возвѣщенная и принятая ими усердно, за-

ключаетъ въ себѣ источникъ блаженства. Возвѣщенное имъ ученіе, какъ слово Божіе, вѣчно и непреложно. Посему нужно предаться ему съ дѣтскою простотою. Во-вторыхъ, апостоль желалъ внушить христіанамъ твердость въ вѣрѣ среди гоненій и мужество къ препобѣжденію всѣхъ соблазновъ языческаго міра, дабы никто ни въ чемъ не могъ бы ихъ укорять. Въ концѣ посланія ап. Петръ передаетъ привѣтствіе въ такихъ словахъ: „Привѣтствуетъ васъ избранная, подобно вамъ, церковь въ Вавилонѣ и Маркъ сынъ мой“ (I Петр. V, 13). Изъ какого Вавилона писалъ ап. Петръ свое первое посланіе? Латиняне паписты высказывали ту мысль, что апостоль Римъ называетъ Вавилономъ въ иносказательномъ-де смыслѣ. Но для какой же цѣли апостолу нужно было скрывать свое мѣстопробываніе? Значить, нужно искать городъ, который бы носилъ имя Вавилона. Древній, что въ Месопотаміи, на берегу Ефрата, находился въ развалинахъ. Другой Вавилонъ былъ извѣстенъ въ Египтѣ. Въ томъ и другомъ можно было обрѣсти евреевъ, которымъ по преимуществу желалъ благовѣствовать св. апостоль Петръ. Вавилонъ на Ефратѣ почитаетъ своимъ апостоломъ Өому. Святой же Петръ апостоль вѣроятнѣе благовѣствовалъ въ Египтѣ. У историка Евсевія записано, что Маркъ, о которомъ упоминаетъ ап. Петръ въ первомъ посланіи, былъ посланъ проповѣдовать Евангеліе въ Египтѣ. Онъ основалъ церковь въ Александріи (Церк. ист. кн. II, гл. 16). Апостоль Петръ, пославъ Марка въ Египетъ, и самъ послѣ пришелъ сюда. Въ Египтѣ онъ видѣлся и съ Филономъ, а не въ Римѣ. Изъ Египта св. апостоль Петръ прибылъ въ Коринѣ. Святой Діонисій, епископъ коринѣскій, воспоминалъ объ этомъ въ посланіи къ римлянамъ (въ II в.): „вотъ и вы этимъ на-

поминаніемъ соединили насажденія, произращенныя Петромъ и Павломъ въ Римъ и Коринѣ; потому что оба они насадили насъ, коринѣянъ, и оба учили, равно какъ и въ Италіи оба они учили и оба въ одно время пострадали“ (Евсев. Ц. ист. кн. II, гл. 23).

Столицу римской имперіи св. Петръ посѣтилъ уже къ концу своей жизни. „Петръ, пишетъ историкъ Евсей, проповѣдовалъ вѣроятно іудеямъ... а подъ конецъ, находясь въ Римѣ, распятъ былъ на крестѣ головою внизъ,—каковой образъ страданія избралъ самъ“ (Церк. ист. кн. III, гл. 1). Древнее преданіе Церкви почти единогласно свидѣтельствуемъ, что апостоль Петръ пострадалъ въ Римѣ при императорѣ Неронѣ (въ 67 году). И Господь нашъ Іисусъ Христосъ предрекъ ему такой родъ смерти. „Истинно, истинно говорю тебѣ, сказалъ Спаситель Петру, когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя, и поведетъ, куда не хочешь. Сказалъ же это Спаситель (замѣчаетъ отъ себя св. Іоаннъ Богословъ), давая разумѣть, какою смертію Петръ прославить Бога“ (Іоан. XXI, 18—19) Не задолго до своей кончины ап. Петръ написалъ и послалъ къ тѣмъ же христіанамъ, къ которымъ писалъ первое свое посланіе, второе. Въ немъ апостоль предостерегалъ своихъ духовныхъ дѣтей отъ лжеучителей, увеличивавшихся въ числѣ очень быстро и увлекавшихъ неокрѣпшихъ въ вѣрѣ.

2) Святыи апостоль Павелъ до своего обращенія къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, т. е. въ еврействѣ носилъ имя Савла. Родился онъ въ киликійскомъ городѣ Тарсѣ. Отецъ его былъ еврей изъ колѣна Вениаминова. Онъ пользовался правами римскаго гражданина. Съ этими правами связывались многія пре-

имущества. Но, какъ еврей, отецъ Савла не покидалъ отечественной вѣры и обрядовъ. Онъ далъ сыну своему Савлу первоначальное образованіе въ греческихъ школахъ Тарса. Оканчивать же религіозное образованіе онъ былъ посланъ въ Іерусалимъ въ школу получившаго тогда большую извѣстность члена синедріона, раввина Гамалиила. Отецъ Савла, кажется, желалъ, чтобы и сынъ его былъ раввиномъ. Желаніе это было извѣстно Савлу. Оно согласовалось и съ душевнымъ его настроеніемъ.

Савль отъ природы былъ надѣленъ блестящими способностями. Особенно хорошо у него было настроено сердце. Савль любилъ Господа Бога, желалъ и старался исполнять всѣ заповѣди Его закона. Ревностію къ этому онъ превосходилъ даже и учителя своего. Но религіозная настроенность въ духѣ обрядового закона не спасла его отъ слѣпой ревности. Савль увидѣлъ въ благовѣстникахъ и исповѣдникахъ Христовой вѣры отщепенцевъ отъ отечественной вѣры, недруговъ іудейства и опасныхъ для него людей. Поэтому онъ вооружился противъ Христовыхъ учениковъ. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: „Я даже до смерти гналъ послѣдователей сего ученія (Христова), связывая и предавая въ темницу и мужчинъ и женщинъ“ (Дѣян. XXII, 4). „Это я и дѣлалъ въ Іерусалимѣ: получивъ власть отъ первосвященниковъ, я многихъ святыхъ заключалъ въ темницы и, когда убивали ихъ, я подавалъ на то голосъ; и по всѣмъ синагогамъ я многократно мучилъ ихъ и принуждалъ хулить Іисуса и, въ чрезмѣрной противъ нихъ ярости, преслѣдовалъ даже и въ чужихъ городахъ“ (XXVI, 10—11), И ап. Лука свидѣтельствуетъ, что Савль одобрялъ убіеніе Стефана (VIII, 1 ср. XXII, 20) и берегъ одежды убійць. Но милосердый Господь не до-

пустилъ погибели столь великаго мужа. Самъ Павелъ усматриваетъ въ этомъ неизреченное человѣколюбіе Бога. „Благодарю давашаго мнѣ силу, Христа Іисуса Господа нашего, что Онъ призналъ меня вѣрнымъ, опредѣливъ на служеніе, меня, который прежде былъ хулитель и гонитель и обидчикъ, но помилованъ... Но для того я и помилованъ, чтобы Іисусъ Христосъ во мнѣ первомъ показалъ все долготерпѣніе, въ примѣрѣ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него къ жизни вѣчной“ (1 Тимое. 1, 12—13 и 16).

О томъ, какъ произошло обращеніе Савла къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа благовѣствуется въ книгѣ Дѣяній святыхъ апостоловъ. И самъ Савль имѣлъ поводъ двукратно рассказывать объ этомъ событіи. По убіеніи Стефана онъ „терзалъ церковь Божию, входя въ дома и влача мужчинъ и женщинъ, отдавалъ въ темницу (Дѣян. VIII, 3). Вѣрующіе во Христа, гонимые въ Іерусалимѣ, начали разсѣиваться по окрестнымъ мѣстамъ. Гдѣ бы ни появился исповѣдникъ Христовой вѣры, онъ немедленно начиналъ благовѣстіе о Христѣ. Господь благословлялъ успѣхомъ дѣло это. Вѣрующіе во Христа появились во многихъ городахъ. Лишь только Савль слышалъ о появленіи исповѣдниковъ Христовой вѣры внѣ Іерусалима, какъ „дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа“ испросилъ у первосвященника письмо въ Дамаскъ съ разрѣшеніемъ разыскивать тамъ вѣрующихъ во Христа и связанными приводить въ Іерусалимъ. Уже не далеко отъ Дамаска находился онъ съ своими спутниками, какъ внезапно среди дня осіялъ его съ неба свѣтъ. Во свѣтѣ явился ему Самъ Господь Іисусъ Христосъ. Савль узрѣлъ Его, но не могъ вынести свѣта, и какъ самъ, такъ и всѣ спутники его упали на землю. Послышался отъ Явившагося во свѣтѣ го-

лось на еврейскомъ языкѣ: Савль, Савль, что ты гонишь Меня? Онъ сказалъ: кто Ты, Господи? Господь же сказалъ: Я Иисусъ, Котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна (т. е. противъ божественнаго безсильно человѣческаго). Онъ въ трепетѣ и ужасѣ сказалъ: Господи! что повелишь мнѣ дѣлать? И Господь сказалъ ему: встань и иди въ городъ; и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ должно дѣлать“. И спутники Савла видѣли свѣтъ, слышали слова, но ничего не поняли. А когда Савль поднялся съ земли, то казался лишившимся зрѣнія. Посему повели его за руку въ Дамаскъ. Здѣсь онъ, оставаясь въ продолженіи трехъ дней безъ пищи и питія, пребывалъ въ молитвѣ.

Въ городъ Дамаскъ въ это время находился апостольскій ученикъ, пресвитеръ Ананія, мужъ благочестивый. Господь повелѣлъ ему посѣтить Савла. Ананія въ смущеніи отвѣчалъ, что Савль гонитель вѣрующихъ во Христа, да и въ Дамаскъ то онъ прибылъ съ намѣреніемъ взять ихъ. Господь же сказалъ ему: „иди, ибо онъ есть Мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имя Мое предъ народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое“. Савль же самъ во время молитвы получилъ отъ Господа откровеніе. Ему показанъ былъ въ видѣніи Ананія, который пришелъ къ нему, и чрезъ возложеніе рукъ возвратилъ зрѣніе. Ананія нашель Савла и повѣдалъ ему о томъ, какъ Господь послалъ его. Савль повѣрилъ. Ананія возложилъ на него руки, и Савль прозрѣлъ. Послѣ этого онъ крестился, и на другой день уже свидѣтельствовалъ въ Дамаскъ іудеямъ, что Иисусъ есть Христосъ, Божій Сынъ и Спаситель міра.

Событія, которыя пережилъ Савль, должны были сильно повліять на него. Ему нужно было уединиться.

Савль рѣшилъ удалиться въ Аравію. Черезъ три года онъ возвратился въ Дамаскъ. Своимъ благовѣстіемъ о Христѣ, какъ Обѣтованномъ Спасителѣ, онъ сначала возбуждалъ недоумѣніе, а потомъ и злобу іудеевъ. Послѣдніе уже сговорились убить Савла. Они подговорили языческаго правителя города стеречь городскія ворота. Благожелатели Савла спустили его въ корзинѣ чрезъ городскую стѣну изъ окна дома, прилегавшаго къ стѣнѣ (1 Коринѣ. XI, 32). Савль рѣшился посѣтить Іерусалимъ (въ 39 г.). Три года назадъ тому онъ покинулъ городъ врагомъ и гонителемъ Церкви Божіей. Теперь онъ уже Апостоль, котораго научилъ и послалъ благовѣствовать Самъ Христосъ Іисусъ. Въ Іерусалимѣ къ Савлу отнеслись съ недовѣріемъ. Тогда Варнава поручился за Савла, рассказавъ апостоламъ и членамъ іерусалимской церкви о томъ, какъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ призвалъ его къ апостольству. Савль былъ принятъ въ общеніе въ церкви іерусалимской. Съ дерзновеніемъ онъ началъ проповѣдовать имя Господа Іисуса въ Іерусалимѣ. Это возбудило противъ него ярость іудеевъ. Они уже согласились убить Савла. Тогда во время молитвы въ храмѣ, сообщаетъ самъ Апостоль, „онъ пришелъ въ изступленіе и увидѣлъ Его (Господа Іисуса Христа), и Онъ сказалъ ему: поспѣши и выйди скорѣе изъ Іерусалима, потому что здѣсь не примутъ твоего свидѣтельства... Иди; я пошлю тебя далеко къ язычникамъ“ (Дѣян. XXII, 18—21). Савль повиновался.

Въ Іерусалимѣ между тѣмъ было получено извѣстіе, что въ Антіохіи Сирійской многіе изъ язычниковъ увѣровали въ Господа Іисуса Христа. Апостолы поручили Варнавѣ идти въ Антіохію и благоустроить тамъ церковную общину. Варнава вызвалъ къ себѣ

на помощь изъ города Тарса Савла. Цѣлый годъ провели они въ Антиохіи, проповѣдуя о Христвѣ. Общество антиохійскихъ братій о Христвѣ впервые стало называться христіанскимъ, а отдѣльные члены его — христіанами. Въ то время изъ Іерусалима прибыли въ Антиохію пророки. Они предвозвѣщали о тяжеломъ для Палестины бѣдствіи—голодѣ. Предсказаніе ихъ сбылось. Во время наступившаго голода антиохійскіе христіане собрали пожертвованіе и уполномочили Савла и Варнаву доставить его братіямъ жившимъ въ Іудеѣ (Дѣян. гл. XI).

Варнава и Савлъ, исполнивши порученіе въ Іерусалимѣ, возвратились въ Антиохію. Съ ними былъ племянникъ Варнавы, Іоаннъ Маркъ. Около 46 года по Р. Хр. Духъ Святой отдѣлилъ Варнаву и Савла на подвигъ благовѣстія Христовой вѣры среди язычниковъ. Послѣ молитвы съ благожеланіями, антиохійскіе христіане отпустили отъ себя своихъ учителей вѣры. А они рѣшились посѣтить родину Варнавы, островъ Кипръ. Проповѣдуя о Христвѣ въ синагогахъ іудейскихъ и на площадяхъ, они успѣли пройти весь островъ. Въ прибрежномъ городѣ Пафосѣ проживалъ римскій начальникъ острова, Сергій Павелъ. Онъ былъ мужъ благоразумный и внимательный. Пригласивъ къ себѣ Варнаву и Савла, начальникъ попросилъ ихъ предложить ему бесѣду. Апостолы благовѣствовали о Господѣ Іисусѣ Христвѣ. Слушалъ ихъ съ начальникомъ и одинъ волхвъ, еврей Варіисусъ. Примѣчая, что Сергій Павелъ внималъ рѣчамъ проповѣдниковъ, и опасаясь потерять на него свое вліяніе, волхвъ началъ мѣшать имъ. Савлъ поразилъ его слѣпотю за противодѣйствіе свѣту Евангелія. Это произвело такое дѣйствіе на начальника, что онъ увѣровалъ въ Господа Іисуса Христа. Съ этого времени

и Савль принялъ имя Павла, желая этимъ показать свое назначеніе благовѣствовать Христову вѣру язычникамъ.

Изъ Кипра Павелъ и Варнава, сопутствуемые Маркомъ, переправились на полуостровъ Малоазійскій. Маркъ по немощамъ тѣла оставилъ ихъ и возвратился въ Іерусалимъ. Болѣе продолжительную остановку Павелъ и Варнава сдѣлали въ Антіохіи Писидійской. Въ субботу Павелъ держалъ въ синагогѣ рѣчь къ іудеямъ. Воспомянувъ кратко о благодѣніяхъ Божіихъ, оказанныхъ еврейскому народу со дней избавленія его отъ рабства египетскаго, онъ особенно отмѣтилъ то, что изъ дома Давида Богъ воздвигъ Израилю Спасителя. Хотя жители Іерусалима не признали Его и просили Пилата убить, однако Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ. Теперь во имя Его возвѣщается спасеніе всѣмъ, а прежде всего іудеямъ. Слова Апостола сначала произвели благопріятное дѣйствіе на слушателей. Когда они расходились изъ синагоги, то прѣсили апостоловъ и въ слѣдующую субботу проповѣдовать. Но нѣкоторые такъ увлеклись словами Павла, что, не дожидаясь субботы, убѣдили его бесѣдовать съ ними. Среди слушателей было много прозелитовъ т. е. иноплеменниковъ, принявшихъ іудейскую вѣру. Они пересказывали ученіе Павла и язычникамъ. Эти послѣдніе также пожелали слышать благовѣстіе его. Когда настала суббота, къ синагогѣ подошли и многіе изъ язычниковъ. Это не понравилось іудеямъ. Они стали противорѣчить Павлу и дозволили себѣ насмѣшки. Тогда Павелъ съ Варнавою объявили, что они свободны теперь обратиться съ проповѣдію къ язычникамъ, ибо іудеи не желаютъ ихъ слушать. Язычники радовались этому и многіе увѣровали въ Господа Іисуса по слову апостоловъ.

Но іудеи успѣли возбудить нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ противъ Павла и Варнавы. Ихъ изгнали изъ города (Дѣян. гл. XIII). Они, отрясши прахъ съ ногъ своихъ, пошли въ Иконію. Господь руками Павла и Варнавы творилъ много чудесъ. Это, конечно, содѣйствовало успѣхамъ вѣры. Въ городѣ Иконіи обратилось не мало слушателей къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа. Іудеи же постарались и отсюда изгнать апостоловъ. Слѣдующій городъ, въ которомъ проповѣдовали Павелъ и Варнава, былъ Листра. Когда они благовѣствовали, въ числѣ слушателей находился хромымъ отъ рожденія. Апостоль Павелъ исцѣлилъ его. Народъ сталъ говорить на мѣстномъ нарѣчїи, что боги въ образѣ людей сошли на землю. Появился жрецъ съ жертвенными животными и вѣнками. Апостолы, увидѣвъ это, разодрали на себѣ одежды въ знакъ скорби и начали громко говорить къ толпѣ: „Мужи! что вы это дѣлаете? И мы подобные вамъ чловѣки, и благовѣствуемъ вамъ, чтобы вы обратились отъ сихъ ложныхъ боговъ къ Богу живому, Который сотворилъ небо и землю, и море, и все, что въ нихъ“... Едва удалось уговорить народъ, чтобы не приносилъ онъ жертвы. Въ то самое время, какъ апостолы бесѣдовали съ народомъ, пришли изъ Антіохїи и Иконїи іудеи и возмутили слушателей противъ благовѣстниковъ. Въ Павла стали бросать камнями и, побивъ, вытащили за городъ, почитая его уже мертвымъ. Но когда собрались ученики, онъ всталъ и вошелъ въ городъ. На другой день Павелъ и Варнава отбыли въ Дервію. На возвратномъ пути они посѣтили тѣ самые города, въ которыхъ проповѣдовали вѣру Христову. Они поставляли къ каждой церкви пресвитеровъ, поручивъ имъ совершать таинства, отправлять богослуженіе и учить. Тѣмъ же путемъ, ко-

торымъ прибыли, апостолы Павелъ и Варнава возвратились въ Антиохію Сирійскую, гдѣ и повѣдали христіанамъ о всемъ, что Господь Богъ творилъ руками ихъ у язычниковъ и какъ Онъ отверзъ имъ двери вѣры.

Сообщеніе объ этомъ апостоль Павелъ дѣлалъ и на Соборѣ Іерусалимскомъ 51-го года. Соборъ этотъ рѣшилъ, что соблюденіе обрядоваго закона Моисеева для христіанъ не нужно. Рѣшеніе это признано было внушеніемъ Святаго Духа, пребывающаго въ Церкви. Противящіеся опредѣленію Собора окажутся противниками Святаго Духа.

Вскорѣ послѣ Іерусалимскаго Собора апостолы Павелъ и Варнава рѣшились предпринять второе благовѣстническое путешествіе. Но Богу угодно было теперь разлучить сихъ великихъ мужей. Варнава, взявъ съ собою племянника Марка, на что не соглашался Павелъ, отплылъ въ Кипръ. Павелъ же съ Силою пошли сухимъ путемъ на Малоазійскій полуостровъ. Медленно проходя его и благовѣствуя во многихъ городахъ, они достигли приморскаго города Троады. Здѣсь Павлу во снѣ явился македонянинъ и говорилъ: „прииди въ Македонію и помоги намъ!“ Апостоль принялъ это видѣніе за указаніе свыше относительно мѣста благовѣстія. Взявши въ число своихъ спутниковъ Луку, онъ переправился на европейскій берегъ.

Филиппы были первымъ городомъ, гдѣ Апостоль съ своими спутниками сдѣлалъ остановку. Въ городѣ не было синагоги. Жившіе здѣсь евреи съ прозелитами для молитвы собирались на берегу рѣки. Въ субботу Павелъ проповѣдовалъ имъ о Христвѣ. Господь отверзъ сердце женщины, по имени Лидіи, торговавшей здѣсь багрянцами. Она крестилась и до-

ставила пріютъ въ своемъ домѣ Павлу и его спутникамъ. Ревностно проповѣдуя, они уже многихъ привлекли ко Христу. Но врагъ спасенія людей воздвигъ противъ проповѣдниковъ правой вѣры нѣкоторыхъ гражданъ. Когда Павелъ съ спутниками шелъ въ молитвенный домъ, одна служанка, одержимая духомъ прорицательнымъ, доставлявшая господамъ своимъ большой доходъ, стала кричать за ними: „вотъ рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія“. Апостолы не имѣли нужды въ свидѣтельствѣ духа нечистаго. Павелъ исцѣлилъ больную именемъ Господа Іисуса. Лишившись источника доходовъ, господа схватили его и Силу и повлекли къ городскимъ начальникамъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они возмущаютъ жителей города своей проповѣдью. Не разобравши обвиненій, начальники били Павла и Силу палками и заключили въ темницу. Темничному стражнику приказано было тщательнѣе смотрѣть за узниками. Онъ помѣстилъ ихъ во внутреннее отдѣленіе и ноги заковалъ въ колоды. Но ни открытое оскорбленіе, ни побои, ни узы, ни разлученіе съ учениками не могли возмутить духа Павла и угасить въ немъ огня любви ко Христу. Въ полночь онъ вмѣстѣ съ Силою пѣлъ хвалебныя пѣсни Богу. Прочіе узники слушали ихъ. Вдругъ произошло землетрясеніе. Поколебались основанія темницы, двери отворились, и узы спали съ ногъ заключенныхъ. Темничный стражъ, думая, что узники разбѣжались, хотѣлъ умертвить себя. Павелъ же громкимъ голосомъ остановилъ его. Тогда стражъ вбѣжалъ въ темницу, припалъ къ апостоламъ и умолялъ ихъ сказать ему, что нужно сдѣлать, чтобы спастись? Павелъ указалъ ему на необходимость вѣры въ Господа Іисуса и крещеніе. Увѣровалъ стражъ и крестился со всѣми домашними сво-

ими. Къ утру начальники городскіе прислали сказать темничному стражу, чтобъ онъ выпустилъ Павла и Силу. Но Павелъ просилъ передать имъ: „Часть, римскихъ гражданъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускають. Нѣтъ, пусть придуть и сами выведуть насъ“. Начальники испугались, пришли, извинились и, вѣроятно, опасаясь волненія въ народѣ, упросили апостоловъ выйти изъ города. Преподавъ наставленіе новообращеннымъ христіанамъ, Павелъ съ спутниками удалился въ Фессалонику или Солунь (Дѣян. XV, съ 35 ст. и XVI гл.).

По своему обычаю въ Солуни Павелъ обратился съ проповѣдью къ іудеямъ. Нѣкоторые изъ слушателей увѣровали, а невѣрующіе возмутили противъ него толпу. Апостоль удалился въ Верію, а отсюда безъ спутниковъ пошелъ въ Аѣины. Этотъ городъ въ то время славился своими школами. Такъ какъ въ Аѣины прибывало много иностранцевъ для образованія, то здѣсь было особенно замѣтнымъ обиліе капищъ и идоловъ. Былъ даже воздвигнутъ жертвенникъ съ надписью „невѣдомому Богу“. Тяжело было Павлу видѣть множество идоловъ. Онъ, ходя по улицамъ, вступалъ въ бесѣды съ іудеями и еллинами. Многимъ говорилъ онъ объ Іисусѣ Христѣ. Рѣчи его возбудили вниманіе. Павла пригласили въ ареопагъ, понуждая его сказать что-нибудь. Онъ согласился. „Аѣиняне! по всему видно,—говорилъ апостоль,—что вы какъ бы особенно набожны, ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашель и жертвенникъ, на которомъ написано: „невѣдомому Богу“. Сего-то, Котораго вы, не зная чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, будучи Господомъ неба и земли, въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ и требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы

щій въ чемъ-либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все. Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческой, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога... хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы Имъ живемъ и движемся, и существуемъ. Будучи родомъ Божиимъ, мы не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго. Итакъ, оставляя времена невѣдѣнія, Богъ нынѣ повелѣваетъ людямъ всѣмъ повсюду покаяться; ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную, посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, подавъ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ“. Какъ только Павелъ упомянулъ о воскресеніи мертвыхъ, поднялся шумъ. Многіе изъ слушателей не вѣровали въ воскресеніе, а потому и начали смѣяться. Другіе тоже говорили насмѣшливо, что они готовы послушать Павла въ другое время. Но нѣкоторые изъ аѳинянъ увѣровали въ Господа Іисуса Христа. Между ними особенно были извѣстными: Діонисій, членъ ареопага, и Дамарь, женщина.

Изъ Аѳинъ апостоль Павелъ прибылъ въ Коринѣ. Городъ этотъ былъ узломъ, связавшимъ востокъ съ западомъ. Въ немъ было большое число разноплеменныхъ обитателей. Испорченность нравовъ, языческая образованность и іудейское упорство представляли здѣсь большія препятствія для насажденія вѣры Христовой. Только твердое упованіе на Божию помощь и откровенія свыше заставили Павла начать проповѣдь о Христвѣ прежде въ синагогахъ, а потомъ и язычникамъ. Почти полтора года пробылъ Апостоль въ Коринѣ. Богъ благословилъ проповѣдь его успѣ-

хомъ. Въ Коринѣѣ основалась и устроилась христіанская община. Отсюда же Павелъ наблюдалъ за церквами, основанными имъ прежде. Такъ онъ написалъ солунянамъ два посланія. Изъ Коринѣа Апостоль посѣтилъ Іерусалимъ, а потомъ явился въ Антиохію. Здѣсь онъ засталъ апостоловъ Петра и Варнаву (Дѣян. 17—18 гл.).

Какъ назначенный Самимъ Господомъ для проповѣди Евангелія язычникамъ, ап. Павелъ не хотѣлъ оставаться долго въ Антиохіи, гдѣ имѣлъ высшее наблюденіе за мѣстной церковью ап. Петръ. Посему онъ отбылъ въ Ефесъ. Въ этомъ городѣ, кромѣ языческой образованности, врагомъ христіанской вѣры явилась магія. Ею занимались язычники, какъ равно и іудеи. Богъ далъ Павлу великую силу чудотвореній. Не только самъ онъ непосредственно, но даже его платки и опоясанія, возлагаемые на больныхъ, доставляли исцѣленія. Имя Павла стало извѣстно въ городѣ. Его именемъ начали даже злоупотреблять какіе-то іудейскіе заклинатели. Когда же человѣкъ бѣсноватый, надъ которымъ они совершали заклинанія, одолѣлъ ихъ и побилъ, то страхъ напалъ на увѣровавшихъ во Христа. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли у себя книги по магіи. Теперь въ страхъ они снесли ихъ въ одно мѣсто и сожгли. Многіе и изъ язычниковъ увѣровали и крестились. Это встревожило тѣхъ, которымъ уменьшеніе числа язычниковъ угрожало убытками. Одинъ мастеръ золотыхъ издѣлій, по имени Димитрій, дѣлавшій изображенія мѣстной богини, примѣчая сокращеніе сбыта, съ другими мастерами хотѣлъ возбудить народъ противъ Павла. Но благоразумный блюститель порядка успѣлъ уговорить толпу. Народъ успокоился и проповѣдники Христовой вѣры избѣжали гоненія.

Въ Ефесѣ ап. Павелъ пробылъ около трехъ лѣтъ.

Въ это время къ галатамъ пришли нѣкоторые христіане изъ іудеевъ. Унижая ап. Павла, какъ не бывшаго ученикомъ и очевидцемъ Спасителя, они внушали галатамъ мысль о необходимости исполненія Моисеева закона. Какъ только ап. Павѣль получилъ вѣсть о лжеучителяхъ, появившихся у галатовъ, и о смутѣ умовъ, какъ собственноручно написалъ краткое имъ посланіе. Въ немъ апостоль защищаетъ свое достоинство, какъ благовѣстника Христова ученія и равнаго всѣмъ другимъ апостоламъ. Онъ преподавалъ галатамъ не свое, не человѣческое Евангеліе, а Христово, которому и наученъ былъ чрезъ откровеніе Самого Іисуса Христа. Переходя къ вопросу о средствахъ спасенія, апостоль обращается къ галатамъ съ вопросомъ: „О, несмысленные галаты! кто прельстилъ васъ не покоряться истинѣ, васъ, у которыхъ предъ глазами предначертанъ былъ Іисусъ Христосъ, какъ бы у васъ распятый?“ А истина, которой не покорялись галаты, въ томъ и состоитъ, что человѣкъ оправдывается не дѣлами закона, а живою вѣрою въ Іисуса Христа. Законъ былъ только дѣтководителемъ ко Христу. Свобода отъ закона должна побуждать христіанъ быть свободными и отъ грѣха.

И въ Коринѣѣ церковныя дѣла пришли въ разстройство. Среди коринѣскихъ христіанъ появились партіи. Іудействующіе именовали себя учениками ап. Петра; другіе же, въ противоположность іудействующимъ, хвалились тѣмъ, что они ученики Павла. Нѣкоторые учителямъ своимъ признавали только образованнаго іудея, принявшаго христіанство, Апполоса. Наконецъ, были и такіе, которые именовали себя учениками Христовыми. Раздѣленіе повело къ нестроеніямъ. Появились погрѣшности въ ученіи вѣры, вражда, соперничество и оскудѣніе христіанской любви. О раздѣленіи и беспо-

рядкахъ въ Коринѣѣ сообщено было апостолу. Для приведенія въ порядокъ дѣлъ Коринѣской церкви и исправленія жизни христіанъ онъ отправилъ къ коринѣянамъ первое свое посланіе. Въ немъ ап. Павелъ порицаетъ ихъ за раздоры, обличаетъ грѣшниковъ, поучаетъ церковному благочинію, утверждаетъ истину воскресенія мертвыхъ и изъ нея выводитъ требованія добродѣтельной жизни. Когда Павелъ получилъ извѣстіе, что посланіе его произвело на коринѣскихъ христіанъ дѣйствіе благотворное, онъ написалъ имъ второе посланіе, въ которомъ опровергаетъ клеветы своихъ противниковъ, а ученикамъ даетъ наставленіе и увѣщанія къ терпѣнію и чистотѣ жизни. Второе свое посланіе апостоль писалъ уже на пути изъ Ефеса. Онъ намѣревался быть въ Іерусалимѣ, но только послѣ посѣщенія основанныхъ имъ церквей. Пробывъ въ Коринѣѣ около трехъ мѣсяцевъ, Павелъ собрался въ путь къ Іерусалиму. Желая видѣться съ епископами и священниками Ефеса и сосѣднихъ городовъ, онъ пригласилъ ихъ въ Милетъ и здѣсь преподалъ имъ наставленіе (Дѣян. 20, 18—38). Вотъ я, говорилъ апостоль, иду въ Іерусалимъ. Духъ Святой всюду свидѣтельствуется, что меня ожидаютъ тамъ узы; но это не страшитъ апостола. Прискорбно для него то, что, по отшествіи его, появляются еретики, какъ лютые волки, на расхищеніе стада. Посему апостоль завѣщаетъ пастырямъ съ великимъ усердіемъ и ревностію пасти Церковь Господа Іисуса, въ которой Духъ Святой поставилъ ихъ епископами. Окончивъ свое отеческое наставленіе завѣщаніемъ оказывать снисхожденіе слабымъ, помогать бѣднымъ, апостоль со всѣми присутствовавшими палъ на колѣна для молитвы. Послѣ нея всѣ прощались съ нимъ, упавая на шею его и проливая слезы. Въ Кесаріи Палестинской пророкъ

Агавъ возвѣстилъ Павлу, что іудеи свяжутъ его и предадутъ въ руки язычниковъ. Спутники апостола совѣтовали ему не ходить въ Іерусалимъ; но онъ заявилъ, что за Господа Іисуса готовъ и жизнь свою положить.

Въ Іерусалимѣ Павелъ привѣтствовалъ ап. Іакова и пресвитеровъ іерусалимской церкви. Когда же онъ вошелъ въ храмъ, то іудеи бросились на него, вывели изъ храма и хотѣли убить. Только начальникъ римскаго полка спасъ его отъ ярости іудеевъ. Павелъ приведенъ былъ въ крѣпость. Ему позволено было сказать къ іудеямъ слово. И онъ сообщилъ имъ о своемъ чудесномъ обращеніи къ Христу. Слушавшіе подняли шумъ. Павла отвели во внутреннее помѣщеніе и хотѣли бичевать; но онъ указалъ на свое природное право римскаго гражданства и тѣмъ избавился отъ бичеванія. На другой день военачальникъ пригласилъ первосвященника и членовъ синагоги. Павелъ сказалъ имъ, что онъ страдаетъ за надежду воскресенія. Такъ какъ въ собраніи были фарисеи и саддукеи, то они начали между собою споръ. Фарисеи, указывая на Павла, говорили, что они не находятъ въ немъ никакой вины. Однако шумъ заставилъ начальника взять Павла изъ собранія. Такъ какъ болѣе сорока человекъ іудеевъ поклялись убить Павла, то тысяченачальникъ ночью препроводилъ его въ Кесарію Филиппову къ правителю Феликсу. Правитель держалъ апостола въ узахъ цѣлыхъ два года, ожидая подарковъ. Когда же на мѣсто Феликса присланъ былъ Фестъ, іудеи хотѣли склонить новаго правителя къ тому, чтобы онъ вызвалъ Павла въ Іерусалимъ, а сами замышляли убить его на пути. Павелъ не хотѣлъ идти въ Іерусалимъ, а потребовалъ суда у Кесаря, на что имѣлъ право, какъ римскій гражданинъ.

Путь до Рима былъ не благополученъ. Послѣ бурнаго и опаснаго плаванія Павелъ и его сотоварищи по плаванію три мѣсяца должны были провести на островѣ Мальтѣ, гдѣ апостоль своими чудесными дѣянiями и ученіемъ расположилъ къ христіанской вѣрѣ жителей острова. Въ Римѣ Павла съ почетомъ встрѣтили мѣстные христіане. Здѣсь ихъ было уже не мало. Они не такъ давно изъ Коринѳа отъ ап. Павла получили обширное посланіе, а теперь увидѣли его лицомъ къ лицу. Такъ какъ апостолу дозволено было принимать у себя всѣхъ, желавшихъ видѣть его, то на третій день собрались къ нему почетные изъ іудеевъ. Павелъ долго бесѣдовалъ съ ними о Христѣ. Когда іудеи упорно противорѣчили, онъ имъ объявилъ, что обращается къ язычникамъ. Послѣдніе охотно слушали ученіе апостола и принимали вѣру. Число христіанъ быстро увеличивалось. Ихъ можно было встрѣчать уже во дворцѣ императора. Апостолу Павлу принадлежитъ и честь благоустроенія римской церкви. До него ни одинъ изъ апостоловъ не былъ въ Римѣ. Римскіе христіане не имѣли даже еще своего епископа. Павелъ восполнилъ этотъ недостатокъ. Онъ рукоположилъ во епископа римской церкви ученика своего Лина. Послѣ двухлѣтняго пребыванія подъ стражею, апостоль получилъ свободу и рѣшилъ предпринять новое, четвертое свое путешествіе.

Изъ Рима апостоль Павелъ успѣлъ отправить написанныя имъ посланія: къ Филимону, къ колоссянамъ, ефесянамъ, филиппійцамъ и евреямъ. Но состояніе христіанскихъ общинъ въ восточныхъ городахъ требовало личнаго присутствія Апостола. Лишь только онъ получилъ свободу, какъ поспѣшно отправился на востокъ. Здѣсь онъ, посѣщая христіанскія общины, поставлялъ для нихъ епископами учениковъ

своихъ. Такъ въ Ефесѣ ап. Павелъ рукоположилъ Тимоѳея, на островъ Критъ—Тита. Въ руководство этимъ епископамъ онъ написалъ съ пути посланія. Съ востока апостоль рѣшился привести въ исполненіе давнишнее свое желаніе, а именно посѣтить европейскій западъ. Но на пути въ Испанію застигли его посланные отъ языческихъ властей. Въ то время (съ 65 г.) въ Римѣ разразилось гоненіе на христіанъ, воздвигнутое императоромъ Нерономъ. За распространеніе христіанской вѣры апостоль Павелъ заключенъ былъ подъ стражу. Отсюда онъ успѣлъ написать и послать второе посланіе къ любимѣйшему ученику своему Тимоѳею, въ которомъ извѣщалъ о себѣ такъ: „я уже становлюсь жертвою и время моего отшествія настало“ (2 Тимое. 4, 6). Въ 67 или 68 году св. апостоль Павелъ былъ усѣкнутъ мечемъ въ Римѣ, по преданію, въ одинъ день съ св. апостоломъ Петромъ.

Краткій обзоръ благовѣстническихъ трудовъ св. апостоловъ Петра и Павла возбуждаетъ въ насъ благоговѣйное изумленіе. Какъ могъ, на примѣръ, Павелъ совершить такой подвигъ, за который по справедливости именуется и первоверховнымъ Апостоломъ, и кормчимъ Церкви, органомъ Христа и славою вселенной (Златоустъ)? Подлинно велики труды апостоловъ всѣхъ. Но самъ смиренный Павелъ, не хвалясь, могъ сказать: „Я наименьшій изъ апостоловъ, и недостойнъ называться Апостоломъ, потому что гналъ церковь Божію. Но благодатію Божіею есмь то, что есмь; и благодать Его во мнѣ не была тщетна; но я болѣе всѣхъ ихъ потрудился: не я впрочемъ, а благодать Божія, которая со мною“ (1 Кор. XV, 9—10). А вотъ и образецъ того, какъ онъ трудился во благовѣстіи; прощаясь съ пастырями ефесской церкви, Апостоль

говорилъ имъ: бодрствуйте, воспоминаая о томъ, какъ „я три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждаго изъ васъ“ (Дѣян. XX, 31). Да развѣ только въ Ефесѣ такъ трудился св. апостоль Павелъ! Вездѣ онъ одинаково былъ неутомимъ въ трудахъ. Нетрудящимся онъ запрещаетъ и хлѣбъ ѣсть (1 Тессал. III, 10). И сему величайшему труженику оказывалось постоянное противодѣйствіе. И іудеи и язычники являлись недругами Апостола. Они посягали не только на свободу его, но и на жизнь. Что перепѣлъ отъ нихъ св. апостоль Павелъ, онъ самъ повѣдалъ въ посланіи къ коринѣянамъ: „Я гораздо болѣе былъ въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было до сорока ударовъ безъ одного; три раза меня били палками, однажды камнями побили, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ морской; много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ“ (2 Коринѣ. XI, 23—27). Присоедините къ сему постоянное стеченіе людей, желавшихъ слушать благовѣстіе Апостола, заботы о всѣхъ церквахъ. Можно ли было безъ особенной помощи Божіей имѣть успѣхъ въ дѣлѣ благовѣстія при столь трудныхъ обстоятельствахъ? Самъ Апостоль весь свой успѣхъ относитъ къ благодати Божіей, какъ и всѣ свои труды. Онъ видитъ въ себѣ только однѣ немощи. Сила же его въ немощахъ то и совершается.

„Все преодоѣваетъ силою Возлюбившаго насъ“ Господа Бога (Римл. VIII, 37). Господь даровалъ Своему избраннику даръ премудрости и вѣдѣнїя, даръ силы слова и чудесъ. А это такія могущественныя средства, съ которыми можно достигать желанныхъ успѣховъ. Посему то благовѣствованіе Божіе уже во время земной жизни Апостола было плодоносно и растимо во всемъ мірѣ (Колос. I, 6). „Царю же вѣковъ нетлѣнному, невидимому, единому, премудрому Богу, честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь“ (1 Тимое. 1, 17). „Что больше Петра? говорилъ съ церковной кафедрѣ святитель Іоаннъ Златоустый. Что равно Павлу дѣломъ и словомъ? Они превзошли всю природу земную и небесную. Связанные тѣломъ, они сдѣлались превосходнѣе ангеловъ. Итакъ, что скажемъ объ учителяхъ горняго и дольняго естества? Я не имѣю достойнаго слова восхвалить прославившихъ родъ нашъ, просвѣтившихъ сушу и море, истребившихъ въ сердцахъ людей невѣрныхъ корень грѣховъ и насадившихъ сѣмена благочестїя. Петръ есть предводитель апостоловъ, Павелъ—учитель вселенной и причастникъ горнихъ силъ. Петръ—узда незаконныхъ іудеевъ, Павелъ призываетъ язычниковъ; и усматривай высочайшую мудрость Господа, Который Петра избралъ изъ рыбаей, Павла изъ скинотворцевъ. Петръ—начало православїя, великій священнослужитель Церкви, необходимый совѣтникъ христіанъ, сокровищница горнихъ даровъ, избранный Апостоль Господа; Павелъ — великій проповѣдникъ истины, слава вселенной, на небеси челоуѣкъ и на землѣ Ангель, слава церкви, орель, парящїй въ высотѣ, духовная лира, органъ Господень, бдительный кормчїй Христовой Церкви. Петръ своею тѣнью укрѣплялъ разслабленныхъ и освобождалъ отъ смерти; Павелъ

своими одеждами прогонялъ болѣзни и діавола“. Такъ какъ же достойно можемъ почтить столь преславныхъ благовѣстниковъ спасительной Христовой вѣры? „Умоляю васъ, взываетъ къ намъ св. ап. Павелъ, подражайте мнѣ, какъ я Христу“ (1 Коринѣ. IV, 16). Неужели не внемлемъ мы голосу великаго апостола? Сохрани Господь отъ такой бѣды. Вы же святіи апостолы сотворите молитву ко Господу Богу нашему, да подастъ намъ любовь, охоту и желаніе подражать житію и подвигамъ вашимъ. Аминь.

Василій, Епископъ Можайскій.

НАУКА И РЕЛИГИЯ*).

„Наука и религія“—эта тема играетъ въ наше время выдающуюся роль не только между самими представителями науки, но она сдѣлалась всеобщимъ вопросомъ. Самый простой человѣкъ и обыкновенный христіанинъ необходимо долженъ привести его въ ясность и быть готовымъ къ отвѣту всякому вопрошающему его объ его упованіи, т. е. требующему у него основанія для его вѣры и убѣжденій (I Петр. 3, 15).

Ибо наука въ наше время имѣетъ значеніе „козыря“ противъ религіи и многіе пускаютъ его въ ходъ, не зная, что такое наука и религія. Вотъ почему мы хотимъ ближе рассмотретьъ этотъ вопросъ.

І. НАУКА.

Наука въ обыкновенномъ смыслѣ есть разъясненіе того, что подлежитъ знанію. Наука имѣетъ дѣло съ изслѣдованіемъ земныхъ предметовъ или съ твореніями міра. Эти предметы составляютъ матерію или матеріаль для науки; чрезъ систематическую форму она дѣлается научнымъ зданіемъ, которое, будучи построено правильно, согласно законамъ логики, называется системою. Смотря потому, что болѣе принимается во вниманіе у науки,—ея основаніе, или ея примѣненіе, различаютъ *чистую* или *прикладную* науку. Въ отно-

*) Читано въ публичномъ собраніи Златоустовскаго религіозно-философскаго кружка учащихся въ Москвѣ.

шеніи своего матеріала науки раздѣляются на эмпирическія или рачіональныя, реальныя или формальныя, опытные или философскія. Ни одна изъ нихъ не выступаетъ какъ чисто таковая, но онѣ различнымъ образомъ соприкасаются другъ съ другомъ, входятъ одна въ другую.

Сколько существуетъ твореній и видовъ твореній, столько и наукъ. Наука имѣетъ дѣло не съ самими только твореніями, но и ихъ отношеніями другъ къ другу. Сколько такихъ отношеній, столько существуетъ и наукъ. Изслѣдованіе числовыхъ и пространственныхъ отношеній, на примѣръ, называютъ математикою. Изслѣдованіе природы и ея предметовъ—естественною наукою или естествознаніемъ, которая въ свою очередь расчленяется на множество отраслей. Изслѣдованіе обязанностей и правъ человѣческихъ называется правовѣдніемъ или законовѣдніемъ.

Наука изслѣдуетъ творенія по ихъ сущности, по ихъ происхожденію, по условіямъ ихъ бытія, по ихъ отличительнымъ признакамъ и явленіямъ, наконецъ, по ихъ дѣйствіямъ, намѣреніямъ, цѣлямъ, по ихъ органической и систематической связи. Такимъ образомъ науку кратко можно опредѣлить такъ: *это изслѣдованіе и систематическое изложеніе твореній и ихъ взаимныхъ отношеній по ихъ сущности, ихъ дѣйствіямъ, ихъ цѣлямъ и связи.*

Я нарочно употребляю выраженіе „твореніе“. Для обозначенія этого понятія у насъ часто употребляютъ слово „натура“. Это слово происходитъ отъ латинскаго *nasci*, что значитъ „родиться“, „возникнуть“, „произойти“. Натура, слѣдовательно, значитъ „рожденное“, происшедшее и по своему смыслу совпадаетъ съ словомъ „твореніе“. Слово „твореніе“ предполагаетъ Творца, между тѣмъ какъ слово „натура“ получило у

насъ совсѣмъ неправильное значеніе. Натура часто употребляется для обозначенія творческой силы, даже Самого Творца. Сотворенное нельзя смѣшивать съ Творцемъ. Въ обыденной жизни этого никогда не бываетъ. Столъ, напримѣръ, никогда не смѣшивается съ столяромъ, сапога никогда не смѣшиваютъ съ сапожникомъ. Напротивъ, кто словомъ „природа“ обозначаетъ творческую силу Божію или даже самое Лице Творца, тотъ смѣшиваетъ персону виновника твари съ тварью или Творца съ сотвореннымъ. Это такая неправильность, такое заблужденіе, которое гораздо важнѣе, чѣмъ какимъ оно кажется на первый взглядъ. Чтобы избѣжать этой ошибки, я употребляю слово не природа, а твореніе. Средство, которымъ располагаетъ наука для изслѣдованія твореній и ихъ отношеній, суть человѣческія чувства и члены тѣла: глаза, уши, руки и проч., наблюдающій разумъ, соображающій, размышляющій и дѣлающій выводы и заключенія умъ. Къ этому присоединяются вспомогательныя средства, которыя придумалъ человѣческій умъ въ дополненіе къ своимъ чувствамъ и членамъ тѣла. Это суть многія орудія и различные инструменты, какъ напр., микроскопъ, телескопъ и т. п., которые оказываютъ неоцѣнимую услугу при наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ различныхъ предметовъ. Вооружившись этими орудіями природы и искусства, человѣкъ предпринимаетъ свои наблюденія, изслѣдованія и изысканія, и дѣлаетъ свои опыты.

Насколько достаточно этихъ средствъ, настолько возможно для человѣка изслѣдованіе сущности твореній и ихъ отношеній. Точными науками называются тѣ, которыя стараются съ математическою точностію разрѣшить предлежащія имъ задачи, что возможно преимущественно въ области такого знанія, гдѣ

объекты познанія составляютъ отношенія предмета съ условіями, — слѣдовательно, кромѣ самой математики, въ физикѣ, химіи, и механикѣ. Выводы точныхъ наукъ, если онѣ дѣйствительно таковыя, слѣдуетъ принимать безъ колебанія и сомнѣнья. Съ утѣшеніемъ и благодарностію нужно принимать то, что эти науки въ наше время сдѣлали такой великій, видимый успѣхъ. Доказательства и слѣдствія этого успѣха мы видимъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Особеннаго значенія въ наше время достигла *эмпирическая или опытная наука*. Опытъ, который долженъ имѣть значеніе и цѣну для практической жизни или для науки, не есть только сумма ежедневныхъ наблюденій, которыя каждый можетъ дѣлать безъ труда, — онъ состоитъ не въ собственномъ наблюденіи какихъ нибудь необыкновенныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ явленій, но онъ пріобрѣтается тогда, когда доходятъ до совершеннаго уразумѣнія того, что изучаютъ чрезъ выводы изъ наблюденій и опытовъ глубоко обдуманыхъ, тщательно провѣренныхъ, сличенныхъ и сопоставленныхъ между собою. При чемъ одного собственного опыта бываетъ недостаточно; для болѣе основательнаго и глубокаго и прочнаго убѣжденія необходимо къ своему опыту присоединять опыты другихъ, отчего много выигрываетъ собственный опытъ и въ объемѣ и въ глубинѣ. Этотъ научный, такими методами пріобрѣтенный опытъ представляетъ содержаніе эмпирическихъ или опытныхъ наукъ. Но путемъ этой науки, какъ это легко замѣтить, достигаютъ только условнаго, релятивнаго познанія, но отнюдь не математическаго точнаго опыта. При внутреннемъ наблюденіи выступаетъ еще та особенная трудность, что наблюдающій субъектъ есть вмѣстѣ и наблюдаемый объектъ. Вотъ почему существенная особенность этой науки

та, что она не станетъ претендовать на безусловное общее довѣріе, такъ какъ она всѣмъ наблюденіямъ своимъ придаетъ болѣе или менѣе индивидуальный или субъективный характеръ.

Совершенно другого рода наука историческая или наука событій, которая между другими науками нашего времени играетъ выдающуюся роль. Исторія, какъ наука, есть не хронологическій только перечень и изложеніе извѣстныхъ историческихъ лицъ и событій, но ея задачи состоятъ въ томъ, чтобы путемъ изслѣдованія уразумѣть состояніе и развитіе нравственнаго міра, смыслъ прошедшаго выяснить на основаніи того, что изъ него не исчезло еще въ настоящемъ. Прежде всего ея заботою должно быть твердое установленіе (фактовъ) событій прошедшаго, т. е. разработка историческаго матеріала, который даетъ намъ возможность уразумѣть прошедшее. Этотъ матеріаль состоитъ изъ развалинъ прошедшихъ временъ, изъ собственно историческихъ источниковъ и изъ памятниковъ. Задача критики—взвѣсить и провѣрить этотъ матеріаль со стороны его подлинности и достовѣрности. При этой критикѣ открывается всегда широкое поле для человѣческой фантазіи и индивидуальнаго сужденія, въ особенности же для пропусковъ и прибавокъ, для аналогичныхъ и гипотетическихъ пополненій. О несомнѣнныхъ выводахъ или даже только о достойныхъ довѣрія возможностяхъ при наукѣ, работающей и созидающей безъ фундамента, не можетъ быть и рѣчи.

Рядомъ съ извѣстными вѣрными и математически точными предметами есть еще великое множество вопросовъ о сущности и состояніи твореній, которыя отъ ихъ происхожденія до совершенствованія не могутъ быть изслѣдуемы посредствомъ человѣческихъ чувствъ и ихъ вспомогательныхъ орудій. Изслѣдующій

человѣкъ, хотя бы самый остроумный и искусный, во время ихъ теченія можетъ наблюсти только нѣкоторыя изъ явленій и дѣйствій; источникъ же и устье отношеній, причины и слѣдствіе вещей онъ не можетъ познать, такъ какъ его чувства и вмѣстѣ съ вспомогательными орудіями и научными средствами и матеріалами такъ далеко простираться не могутъ. То, чего, такимъ образомъ, не можетъ сдѣлать ученый собственными чувствами и вспомогательными средствами, это старается онъ восполнить своею фантазіею, воображеніемъ, посредствомъ аналогій (сравненія) и гипотезы (предположенія), и привести въ систематическую связь. Вмѣсто не подлежащихъ сомнѣнію и твердо установленныхъ фактовъ или причинъ ученый осуществляетъ догадки и предположенія, которыя самимъ имъ выдуманы, и вмѣсто изъ очевидныхъ явленій вытекающихъ слѣдствій и дѣйствій дѣлаются имъ выводы и заключенія, которыя онъ опять только предполагаетъ и воображаетъ себѣ.

Для каждаго ясно, что этотъ родъ науки никогда не можетъ претендовать на то, чтобы быть дѣйствительно наукою, чистымъ и положительнымъ знаніемъ. Если бы были предположенія вѣрны и заключенія логически правильны, то должны быть вѣрны и утвержденія. Если же предположенія эти ложны, если даже въ цѣпи заключеній одно только звено, одно только заключеніе не вѣрно, или ошибочно, то невѣрны и всѣ утвержденія. Эта возможность существуетъ всегда тамъ, гдѣ наблюденіе выходитъ изъ предѣловъ чувственнаго и видимаго. Слѣдовательно, слово „наука“ слѣдуетъ употреблять съ большою осторожностью, ибо и здѣсь приложима поговорка: „не все то золото, что блеститъ“, не все то заслуживаетъ названія истинной науки, что выдается подъ ея флагомъ.

Честные представители науки между этими двумя родами истинной и воображаемой науки дѣлають большое различіе. Послѣдній родъ, который имѣеть дѣло съ гипотезами, догадками и воображеніемъ фантазіи или разума, не признается ими за дѣйствительную науку, еще менѣе удостоиваютъ они утверженія и слѣдствія изъ нихъ почтеннаго имени „выводовъ“.

Но нечестные представители науки и ихъ клеветы трактуютъ гипотезы и догадки, какъ твердо установленные факты; свои заключенія они называютъ доказательствами и требуютъ, чтобы ихъ выводы и утверженія признавались за истину. Это—гордость, которая съ беззастѣнчивою дерзостью выступаетъ сейчасъ особенно въ области изслѣдованія природы, исторіи и библіи; легкомысленные и надалекіе люди этимъ вводятся въ заблужденіе, а робкіе въ скорбь и смущеніе. Но нужно смѣлѣе смотрѣть въ глаза этому роду науки, раскрывать и обличать ея заблужденія, и признавать ее за то, чѣмъ она является въ дѣйствительности, т. е. за бредъ воображенія, болтовню и самообожаніе. Она даетъ познать то, что и сколько угодно Богу, именно начала, послѣднія основанія и цѣли всѣхъ вещей; но все, что она знаетъ, есть искусственно построенная система, которая падаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто составилъ ее. Дарвинизмъ, какъ и выродившійся изъ него монизмъ, основываются на недоказанныхъ предположеніяхъ и ихъ заключенія суть ничто другое, какъ дерзкія утверженія. Вмѣстѣ съ этою системою распадается и все ученіе матеріализма. Конечныя основанія и цѣли предметовъ, которыхъ еще ни одинъ человѣкъ не изслѣдовалъ человѣческими средствами науки, необходимо должны заключаться въ Творцѣ всѣхъ вещей, *въ Самомъ Богѣ*.

Съ именемъ Бога мы переходимъ ко второй части

нашей темы, къ религіи. Здѣсь мы вступаемъ на Святую Землю, гдѣ прилично намъ воскликнуть: „изуй сапоги отъ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ стоишь ты, есть святая земля“.

II. РЕЛИГИЯ.

Слово „религія“, по своему происхожденію,—латинское слово. Корень этого слова означаетъ „зависѣть“. Религію имѣть—значить „зависѣть отъ Бога,“ или имѣть связь съ Нимъ, имѣть „отношеніе къ Нему“. Кто имѣетъ религію, тотъ имѣетъ Бога.

Если наука, какъ мы видѣли, имѣетъ дѣло съ твореніями, ихъ сущностью и ихъ отношеніями, то религія имѣетъ дѣло съ Богомъ, Его сущностью и съ Его отношеніемъ къ человѣку.

Всякое разумное разсмотрѣніе или размышленіе о природѣ и мірѣ приводило всегда къ предположенію, *что - Богъ есть*. Невидимое существо Бога, т. е. Его вѣчная сила и Божество дѣлается видимымъ въ Его твореніяхъ, именно въ сотвореніи міра. Самые великіе и самые благородные естествоиспытатели всѣхъ временъ были и самыми смиренными исповѣдниками и почитателями Бога. Великій астрономъ Кеплеръ заканчиваетъ свое великое произведеніе: „Гармонику міра“, слѣдующею молитвою: „теперь остается мнѣ поднять наконецъ, свои очи и руки къ небу и съ благоговѣніемъ и смиреніемъ обратиться съ молитвою къ Отцу Свѣтовъ. О, Ты, Который свѣтомъ природы пробуждаешь въ насъ тоску о свѣтѣ благодати, дабы чрезъ нее поставить насъ предъ свѣтомъ Своея славы,—благодарю Тебя, Господь и Творецъ мой, что Ты возвеселилъ меня чрезъ Твое твореніе, когда я восхищенъ былъ дѣлами рукъ Твоихъ. Вотъ я окончилъ дѣло моего призванія тою мѣрою ума, какую угодно

Тебѣ было даровать мнѣ,—я открылъ людямъ, которые будутъ читать эти доказательства, славу дѣлъ Твоихъ, открылъ настолько, насколько могъ мой ограниченный умъ постичь нѣчто изъ Твоей безконечности. Мое искреннее желаніе было говорить только истину. Если же мною, во грѣхахъ рожденнымъ и во грѣхахъ возросшимъ червякомъ, совершено что нибудь такое, что недостойно Тебя, то научи меня исправить это. Если же чудная красота дѣлъ Твоихъ увлекала меня къ чрезмѣрной смѣлости, или я искалъ при составленіи этого произведенія своей собственной славы у людей, произведенія, которое назначено для Твоей славы, то буди милостивъ ко мнѣ и прости меня; наконецъ, даруй, Господи, чтобы это дѣло послужило во славу Твою и ни для кого не оказалось вреднымъ. Нѣтъ твари безъ Творца, нѣтъ природы безъ виновника. Таково наше мнѣніе, насколько можемъ мы познавать нашими чувствами и постигать своимъ умомъ. Только безумные говорятъ въ своемъ сердцѣ: „нѣтъ Бога“, или „природа есть Богъ“.

Но сущность и лице Бога въ Его Божественной концентраціи, поелику Онъ есть начало и обладатель всего сотвореннаго, слѣдовательно есть личный, живой и жизнь дающій Богъ, лежитъ совершенно внѣ нашихъ человѣческихъ чувствъ и нашего человѣческаго ума. Всѣ средства науки, при пособіи которыхъ можетъ быть изслѣдуемо твореніе, не достигаютъ до Самого Творца, Бога. Между Нимъ и нами существуетъ пропасть, которая для человѣка не проходима. Богъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ и Его ни одинъ человѣкъ не видѣлъ и не можетъ увидѣть. Человѣческій умъ всегда стремился къ тому, чтобы самостоятельно, своими собственными средствами познать Бога, но всегда опытно убѣждался, что „душев-

ный человекъ не приѣмлетъ Духа Божія“, т. е. натуральный необлагодатствованный человекъ ничего не воспринимаетъ о Духѣ Божіемъ, онъ не можетъ познать Бога, потому что Богъ' отдаленъ отъ человека непроницаемымъ мракомъ, тьмою.

Отсюда многіе выводятъ такое заключеніе, что или: „нѣтъ Бога,“ или: „для человека нѣтъ никакого пути къ Богу“. Первое заключеніе есть исповѣданіе атеистовъ, а второе — исповѣданіе пессимистовъ. Если нѣтъ Бога, или нѣтъ пути къ Нему, то нѣтъ и никакой религіи, или всѣ религіи суть—глупость и обманъ. И, однако, *это несомнѣнный фактъ, что для человека невозможно освободиться отъ сознанія своей ответственности предъ Богомъ.* Есть такіе грѣхи, которые грифелемъ Бога настолько глубоко врѣзаны въ нашей совѣсти и въ нашей памяти, что ихъ не можетъ изгладить ни время, ни легкомысліе, никакая философія. Неожиданно и моментально, какъ по искрѣ электрической, возстаютъ они тамъ, и самый дерзкій атеистъ содрогается предъ невидимымъ Судьею. Эти факты, а также наша человѣческая слабость, безсиліе и беспомощность въ многочисленныхъ случаяхъ и, всего болѣе, въ смертной опасности снова обращали всегда человека къ Богу, и побуждали его искать Его, служить Ему и чувствовать свою зависимость отъ Него. А этимъ доказываетъ человекъ, что религія для него есть неотразимая потребность. Даже самъ Вольтеръ, этотъ насмѣшникъ и отрицатель религіи и новѣйшаго времени язычникъ,—и тотъ въ мѣстѣ послѣдняго своего жительства устроилъ римскую капеллу.

Христіанская религія основывается не на общихъ психологическихъ явленіяхъ, какъ религіи языческія. Она не есть какое-нибудь неопредѣленное чувствова-ніе, какъ религіи народовъ, которымъ Богъ судилъ

итти своимъ собственнымъ путемъ. Но она не есть и результатъ, выводъ знанія, науки. Христіанская религія есть религія богооткровенная. Такъ какъ человѣкъ своими собственными средствами Бога найти не можетъ, то Богъ вышелъ изъ Своей сокровенности и открылъ Себя ему посредствомъ Своего Сына Іисуса Христа. Христіанская религія основывается на историческихъ фактахъ. Эти послѣдніе не могутъ быть наукою ни доказываемы, ни отвергаемы. Ни одной наукѣ, и самой даже исторіи не удалось доказать хотя-бы какой нибудь единственный фактъ, въ подтвержденіе того, что Божественнаго Откровенія не было. Наука можетъ утверждать, что откровеній Бога не было, что это выдумка, неправда, или что они невозможны, но не можетъ доказать этихъ утвержденій.

Чтобы понять Божественныя откровенія, для этого, кромѣ пяти чувствъ и кромѣ своего душевно—человѣческаго ума, коимъ человѣкъ изслѣдуетъ твореніе, ему нужно шестое чувство, именно *вѣра*. Вѣра есть соединеніе всѣхъ человѣческихъ способностей и силъ, проникнутое и освященное благодатію Св. Духа Божія. Вѣра есть чудо, новое твореніе Божіе. Вѣрою человѣкъ тяготѣетъ къ Богу какъ младенецъ къ груди своей матери. Въ священномъ писаніи Богъ предлагаетъ намъ, такъ сказать, Свою грудь. Оно (св. писаніе) есть откровеніе Бога. Самое первое, что дѣлаетъ человѣкъ, который припадаетъ въ своей вѣрѣ къ груди Бога, это не то, что онъ изслѣдуетъ, производитъ, но что онъ пьетъ.

Питаніе грудью Бога—это и есть религія христіанская, а питаніе изъ нѣдръ земли—это религія материализма. Чрезъ питаніе отъ Божественной груди человѣкъ дѣлается причастнымъ Божественной природѣ, подобно тому какъ ребенокъ всасываетъ въ себя вмѣстѣ

съ молокомъ и природу матери. Богъ приѣмлетъ его въ свое общеніе, такъ что онъ можетъ служить и поклоняться Ему духомъ и истиною.

Священное писаніе есть собраніе Божественныхъ откровеній. Оно есть и источникъ христіанской науки. Безъ него нѣтъ никакой христіанской науки религіи. Та наука, которая отвергаетъ священное писаніе, какъ откровеніе Самаго Бога и превращаетъ его въ простую исторію культуры, разрушаетъ христіанскую религіозную науку. Ибо способъ и методъ этой науки совсѣмъ не таковъ, какъ у земныхъ наукъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ доказательствъ и открытій при помощи человѣческихъ средствъ, орудій, препаратовъ, экспериментовъ и наблюденій. Всѣ наблюденія или опыты христіанина производятся Духомъ Святымъ въ личномъ общеніи съ Богомъ. Высшій пунктъ христіанскаго религіознаго наблюденія изображается ап. Павломъ, когда онъ говоритъ: вы не приняли духа рабства, *чтобы* опять *жить* въ страхѣ, но приняли духа усыновленія, которымъ зываемъ: Авва, Отче! Сей самый Духъ свидѣтельствуемъ нашему духу, что мы — дѣти Божіи, (Римл. 8, 15 16). Это — болѣе, чѣмъ математическая точность.

Что предлагаетъ Св. Писаніе, все это суть откровенія, не нуждающіяся ни въ какихъ доказательствахъ. Вѣра понимаетъ ихъ и живетъ ими, невѣріе же критикуетъ и ненавидитъ ихъ, но пребываетъ въ смерти. Тамъ, гдѣ невѣріе дѣлаетъ С. Писаніе предметомъ изслѣдованія по примѣру и методу человѣческихъ наукъ, тамъ оказывается жалкая, обезьяническая мудрость, бредъ и обманъ. Ибо у невѣрія совсѣмъ нѣтъ того чувства и ума, которому доступно было бы откровеніе и которое могло бы постигать Божественное.

Христіанская, Богооткровенная религія и человѣ-

ческая наука, поэтому, ничего общаго между собою не имѣють, ибо наука занимается тварью, религія же занимается Творцемъ и его подобіемъ—человѣкомъ.

Сущность христіанской религіи состоитъ, слѣдовательно, въ возстановленіи правильнаго отношенія между Богомъ и человѣкомъ чрезъ Единаго Посредника Іисуса Христа, на основаніи совершеннаго Имъ на древѣ креста искупленія. Іисусъ Христосъ есть открывшійся въ Св. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта Сынъ Божій.

Сущность отношенія между Богомъ и человѣкомъ получила классическое выраженіе въ словѣ Іисуса, которое звучитъ и во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ: „возлюбиши Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и ближняго твоего, какъ самаго себя. Въ этихъ двухъ заповѣдяхъ — весь законъ и пророки.“ (Матѣ. 22, 37, 40. срав. 5 Моис. 6, 5).—Апостольская же проповѣдь сводится къ словамъ ап. Іоанна: *Любовь (состоитъ) въ томъ, что не мы возлюбили Бога, но что Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего во умилоствленіе за грѣхи наши. Будемъ же любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ* (Іоан. 4, 10, 19).

Противъ этой религіи любви къ Богу и ближнему ни одна наука не можетъ сдѣлать какого либо возраженія. Никакая наука не можетъ отрицать Бога, но каждая изъ нихъ вопросъ о бытіи Бога должна, по крайней мѣрѣ, оставить открытымъ и признать, что тотъ, кто вѣруетъ въ бытіе Бога, поступаетъ совершенно разумно, если отъ всего сердца любитъ Бога, Творца неба и земли, а ближняго, это подобіе Его, какъ самаго себя. Послѣднимъ завѣщаніемъ Іисуса Христа ученикамъ было: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 13, 34). Можно ли на землѣ

оставить лучшее и болѣе разумное духовное завѣщаніе, какъ эта заповѣдь?

Кто носить въ себѣ эту сущность христіанства, тотъ и есть истинный христіанинъ. Каждый истинный христіанинъ является образомъ любви къ Богу и ближнему и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей жизни характеристическій знакъ христіанской религіи. *Потому* узнаютъ эсѣ, что вы ученики Мои, если вы будете имѣть любовь между собою (Іоан. 13. 35). Кто этой печати не имѣетъ, тотъ не есть христіанинъ и не имѣетъ христіанской вѣры.

Такова наука христіанской религіи.

III. НАУКА И РЕЛИГІЯ.

Въ какомъ отношеніи находятся между собою наука и религія? Мы говоримъ только объ откровенной религіи Іисуса Христа. Всеобщей, или универсальной науки нѣтъ. Ибо гдѣ нашелся бы такой человѣческій мозгъ, который могъ бы вмѣстить въ себя весь міръ, самое малое и самое большое, отдѣльное, какъ и цѣлые народы со всѣми ихъ названіями. Даже совокупность всѣхъ представителей науки не въ состояніи создать такую науку или „пансофію.“ Знаменитый Амосъ Каменскій всю жизнь носился съ этою идеею, и однакожъ долженъ былъ сойти въ могилу въ глубокой старости, не осуществивъ ея.

Несомнѣнна и непреложна мысль ап. Павла, что мы познаемъ здѣсь только *отчасти*. *Наше знаніе есть частичное дѣло*. Наглядные примѣры истинности этого положенія даютъ намъ наши научные словари или лексиконы. Они предлагаются намъ какъ общіе источники науки. Но если хочешь основательно изучить на землѣ одинъ только какой нибудь предметъ, то находишь себя вынужденнымъ штудировать раз-

личные отдѣлы и всетаки въ концѣ концовъ ничего не узнаешь о цѣломъ. Частичный характеръ ученыхъ произведеній доказывается и тѣмъ, что едва законченъ бываетъ ученый трудъ, какъ уже является нужда въ пополненіи его, и не только въ дополненіяхъ, но и въ исправленіяхъ.

Такимъ образомъ никто не можетъ говорить о наукѣ, какъ единственномъ систематическомъ и полномъ познаніи міра. А кто это дѣлаетъ, тотъ не знаетъ ея и совершаетъ съ нею такое же идолослуженіе, какъ Ефесяне съ Діаной. Также мало основаній говорить о какой нибудь отдѣльной наукѣ, какъ о совершенно полной и законченной. Во всѣхъ отдѣльныхъ наукахъ, сколько бы въ ихъ области не работали, есть нѣчто еще не совершенное. Однако новое язычество идолопоклоннически говоритъ о таковой именно наукѣ и, прославляя ее, дерзаетъ провозглашать, что будто она все узнала и Самого Бога сдвинула съ Его Божественнаго пьедестала, лишивъ Его славы и величія. На мѣсто древнихъ языческихъ идоловъ ставятъ теперь науку, какъ главную богиню, а отдѣльныя отрасли, какъ ея спутниковъ и тѣлохранителей. Этому новому кумиру оказываютъ безусловное довѣріе, и иной изъ присягнувшихъ наукѣ едвали въ состояніи объяснить первыя положенія Коперниковской системы, а между тѣмъ беззастѣнчиво ругаетъ Библию за то, что она заставляетъ солнце вращаться вокругъ земли. Так. обр. въ наше время снова исполняются слова Св. Писанія: *они замѣнили истину Божію ложью и поклонялись и служили твари вмѣсто Творца, Который благословенъ во вѣки* (Римл. 1, 25); и: *такъ какъ они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, омрачилось несмыслен-*

ное ихъ сердце. (Римл. 1, 21). Таковъ жребій науки, порывающей естественную связь съ Богомъ.

Ибо наука есть Богъ. Онъ есть самая универсальная, всемірная наука; ибо Онъ Творецъ и интеллектуальный виновникъ всего творенія, слѣдов. Онъ необходимо долженъ быть содержаніемъ всѣхъ наукъ. Въ немъ заключаются послѣднія основанія (конечныя причины) всего сотвореннаго, и Его Божественная печать лежитъ на всемъ ихъ существѣ и Его законъ управляетъ ими. Законы природы суть законы Бога, Творца ея. Они суть ни что другое, какъ *домостроительство Бога.* Какъ хозяинъ дома стоитъ выше домашняго порядка, такъ и Богъ стоитъ выше законовъ природы. Законы, по которымъ Онъ управляетъ природою, стоятъ въ аналогіи съ тѣми законами, по которымъ Онъ управляетъ духовно-нравственнымъ міромъ. Основные законы и правила нравственнаго міра суть 10 заповѣдей, божественное удостовѣреніе которыхъ мы носимъ въ своей совѣсти. Поэтому между Богомъ и истинною наукою не можетъ быть никакого противорѣчія. Точно также нѣтъ никакого дѣйствительнаго противорѣчія и между боготкровенною религіею и наукою. А гдѣ такое существуетъ, тамъ или науки и ихъ выводы неправильны, или неправильно сужденіе человѣка и его пониманіе откровенія. Слово Божіе ничего не заключаетъ въ себѣ неистиннаго.

Положительныя (чистыя) науки въ своихъ объективныхъ и неоспоримыхъ выводахъ еще никогда не стояли въ противорѣчій съ Библіею. Науки же, которыя основываютъ свое зданіе (систему) на недоказанныхъ предположеніяхъ и покрываютъ ихъ смѣлыми утверженіями, не должны съ такою надменностію утверждать, что они своими изслѣдованіями и выво-

дами якобы доказали неправоту Библии и совершенно опровергали ее. Такова напр. система Дарвинизма и монизма, бреднямъ котораго мы теперь уже положительно отказываемъ во всякомъ признаніи ихъ, какъ науки. Даже новѣйшая наука начинаетъ пробуждаться отъ ея Дарвиническаго сна и стыдиться за него. Богъ, Который есть содержаніе всѣхъ наукъ, никогда своимъ словомъ не становился въ противорѣчіе ни съ Самимъ Собою, ни съ Своимъ твореніемъ. Ибо Онъ есть существо совершенное, которое не можетъ ни лгать, ни ошибаться, подобно человѣку.

По свидѣтельству слова Божія въ мірѣ, между твореніями Бога теперь нѣтъ ничего совершеннаго. Этотъ міръ со всѣми его твореніями вышелъ изъ Божественной колеи, а потому въ немъ такъ много неясныхъ и неразрѣшимыхъ загадокъ. Вышелъ изъ своей колеи и человѣческой организмъ какъ по своему тѣлу, такъ и по душѣ и по духу. Какъ грѣшникъ, онъ потерялъ органическую связь съ Богомъ, а вмѣстѣ и свой жизненный нервъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потерялъ и первоначальное свое отношеніе къ твари. Умъ его помрачился и міровоззрѣніе измѣнилось. Онъ пересталъ теперь быть свободнымъ, господиномъ твари, который господствовалъ надъ нею абсолютнымъ превосходствомъ своего ума. Кого же можетъ удивить то, что онъ въ такомъ состояніи никогда не можетъ близко подойти ни къ непогрѣшимой универсальной наукѣ, ни къ полнотѣ и совершенству какой нибудь ея отдѣльной отрасли. Его знаніе въ этомъ зонѣ всегда останется несовершеннымъ, частичнымъ знаніемъ. Каждый честный представитель науки сознаетъ это и ясно убѣждается, что змій, обольстившій прародителей, и теперь продолжаетъ свое дѣло, когда

говорить: „вы будете какъ Боги, и все будете знать, что знаетъ Богъ.“

То, что человѣкъ узнаетъ теперь изъ науки, онъ необходимо долженъ большею частію подслушивать на окольныхъ дорогахъ и достигать путемъ произведенія многихъ опытовъ надъ тварями, иногда же это бываетъ и чисто случайно. Когда дѣлается какое нибудь новое открытіе въ природѣ, то испытываютъ почти такое чувство, что будто при этомъ совершено хищеніе въ природѣ. И однако человѣкъ по Божию опредѣленію есть естественный ея господинъ. Если онъ путемъ изслѣдованій, наблюденій и открытій дѣлаетъ изъ нея полезное употребленіе, то онъ восстанавливаетъ этимъ свое потерянное право. Что первоначально онъ могъ дѣлать непосредственно и безъ труда, это онъ долженъ добывать теперь окольными, такъ сказать, путями, съ употребленіемъ иногда немалого труда и усилий. Собственно говоря, право это чисто религіозное, ибо оно было опредѣлено и даровано ему отъ Бога, и даръ познанія и изслѣдованія есть Его даръ. Истинная наука—въ ея связи съ Богомъ и въ подчиненіи Ему и Его откровенію—удѣлъ религіи; въ связи съ Богомъ ея труды и старанія были бы Богослуженіемъ, а Богопознаніе и общеніе съ Богомъ ея цѣлью и наградою.

Такъ понимали науку самые лучшіе и самые извѣстные представители ея, которые покоились на груди Бога и воспринимали своимъ умомъ Его откровенія. Они жаждали не изслѣдованія только тайнъ природы и твореній, но какъ елень жаждетъ на источники водные, такъ и ихъ душа жаждала и томилась о Богѣ, Творцѣ своемъ. Ихъ наука была для нихъ преддверіемъ во Святилище Божіе, въ коемъ они созерцали и воспѣвали славу Того Бога, который въ

Священномъ Писаніи говорилъ имъ человѣческимъ голосомъ.

Зъ заключеніе я желалъ бы дать отвѣтъ на два практическихъ вопроса, сюда относящихся.

Первый—это о социалдемократическомъ боевомъ словѣ: „религія есть частное дѣло.“ Я доказалъ, что религія въ своемъ происхожденіи есть дѣйствительно интимнѣйшее дѣло, какое только можетъ быть у человѣка. Религія имѣетъ своимъ дѣломъ отношеніе человѣка къ Богу; это есть чисто личное дѣло сердца, которому отвнѣ ничего нельзя ни повелѣть, ни запретить. Но отношеніе Бога къ человѣку подчиняетъ себѣ всю внутреннюю и внѣшнюю жизнь послѣдняго. Поэтому, это отношеніе не можетъ быть скрыто внутри, и не обнаружиться вовнѣ. Религія обязываетъ и понуждаетъ человѣка къ извѣстному образу дѣйствій; ибо религія Христа не есть бесплодная философія, но она есть высоко практическаго характера и находится въ связи со всею социальною жизнію. *)

Христіанинъ требуетъ не одной только свободы

*) О вліяніи религіи напр. на плату за работу въ одной Американской церковной газетѣ за 1899-й годъ находимъ мы слѣдующее интересное сопоставленіе финансоваго положенія рабочаго въ христіанскихъ, магометанскихъ и языческихъ странахъ, сдѣланное однимъ честнымъ социалистомъ. Извѣстно, что между рабочими классами много есть такихъ, которые смотрятъ на христіанскую церковь, какъ на врага своего или, по крайней мѣрѣ, какъ на учрежденіе, вредное для нихъ, но, какъ видно изъ названнаго сопоставленія, это совсѣмъ невѣрно. Существуютъ три великихъ языческихъ страны на землѣ: это—Китай, Японія и Индія. Населеніе ихъ, вмѣсто взятое, равняется 546 милліонамъ. Въ этихъ трехъ странахъ рабочій среднимъ числомъ получаетъ по 40 коп. въ день. Въ магометанскихъ земляхъ, количество населенія конхъ равняется 188 милліонамъ, дневной заработокъ равняется 80 коп. Въ христіанскихъ же странахъ дневная плата рабочему среднимъ числомъ исчислена въ 1 руб. 60 коп. Изъ этого ясно можно видѣть, что чѣмъ выше страна стоитъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ лучше въ ней и матеріальное положеніе населенія. Так. обр. оправдывается слово Писанія: „благочестіе на все полезно“,—полезно не для будущей только жизни но и для настоящей.

мысли, но и свободы дѣйствій, какъ повелѣваетъ ему его совѣсть. Если бы когда нибудь и какъ нибудь осуществилось будущее социалдемократическое Государство, и захотѣло бы сдѣлать своимъ Государственнымъ закономъ такое положеніе: „Религія есть частное дѣло, и потому строго воспрещается всякое проявленіе ея вовнѣ“, то оно вступило бы въ борьбу на жизнь и смерть съ религіею, этою весь міръ побѣдившею силою, и тогда получилась бы такая же картина, какъ въ первые вѣка христіанства; тогда снова подтвердилась бы та старая истина, что „кровь мучениковъ есть сѣмя церкви“. Эта борьба началась бы изъ слѣдующихъ четырехъ точекъ отправленія:

а) изъ законодательства вообще. Законы, которые идутъ противъ Слова Божія и совѣсти, встрѣтили бы со стороны христіанъ рѣзкій протестъ въ защиту апостольскаго слова: „Богу подобаетъ повиноватися паче, нежели человѣку“. Христіане никогда не дозволили бы напр. запрещать христіанскую литературу, а также библію и ея распространеніе;

б) въ принципѣ христіанской религіи лежитъ пропаганда, т. е. обращеніе невѣрующихъ и нехристіанъ. Это есть не только прямая заповѣдь Спасителя ученикамъ своимъ, но для самихъ учениковъ Іисуса это есть естественная необходимость, неугасимая потребность и невыразимое счастье вездѣ и всюду, гдѣ только есть возможность, дѣлиться съ другими тѣмъ сокровищемъ, коимъ они обладаютъ, благодаря христіанской вѣрѣ. *Внутренняя и внѣшняя миссія есть первая и самая святая обязанность и задача христіанской церкви.* Христіане въ социалдемократическомъ Государствѣ никогда не помирились бы съ такимъ закономъ, который воспрещаетъ исполненіе этой задачи;

в) Духъ Христовъ, который обитаетъ во всѣхъ истин-

ныхъ христіанахъ, есть общность творческаго духа. *Идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь и Азъ посреда ихъ*, сказалъ Христось, т. е. гдѣ два или три истинныхъ ученика Іисуса собираются для молитвы, для Богослуженія, тамъ уже составляется христіанское общество (церковь) во главѣ со Христомъ. Слѣдовательно, христіанская религія необходимо должна, въ своихъ собственныхъ интересахъ, требовать отъ новаго Государства разрѣшенія такихъ Богослужебныхъ собраний. Если же ей въ этомъ было бы отказано, то это вынудило бы христіанъ къ нарушенію Государственныхъ Законовъ.

Вотъ почему положеніе: „религія есть частное личное дѣло“ не можетъ быть съ достаточною послѣдовательностью проведено въ жизнь.

Соціалдемократія выдаетъ религію за частное дѣло, а между тѣмъ сама же требуетъ всеобщаго принудительнаго воспитанія дѣтей. Этимъ она становится въ рѣзкую противоположность къ первымъ, основнымъ принципамъ христіанской религіи, ибо эти послѣдніе рѣшительно требуютъ свободнаго христіанскаго воспитанія дѣтей. Конечно, нельзя отъ соціалдемократическаго Государства требовать, чтобы его школы были школами христіанскими, но было бы съ его стороны несправедливо принуждать христіанскихъ родителей воспитывать своихъ дѣтей въ безбожныхъ Государственныхъ школахъ. Христіанская религія потребуетъ, поэтому, въ противовѣсъ религіозному Государственному насилію, полной свободы для воспитанія своихъ дѣтей. Если бы соціалдемократическое Государство въ отношеніи воспитанія захотѣло пустить въ ходъ свою принудительную силу, то ему пришлось бы повстрѣчаться съ крайне рѣзкимъ отпоромъ и противодѣйствіемъ христіанскихъ родителей.

Второй вопрос, который подлежит нашему разрѣшенію съ точки зрѣнія христіанской религіи, таковъ: совмѣстима ли христіанская религія съ соціалдемократіею? Или другими словами: можетъ ли истинный христіанинъ быть соціалдемократомъ? — Высшее благо для христіанина есть Богъ. Высшая цѣль, центръ тяжести его существованія, есть общеніе съ Богомъ; первое условіе его жизни есть миръ его души въ Богѣ и съ Богомъ. Вотъ—его духовныя и вѣчныя блага. Путь, или, такъ сказать, маршрутъ его временнаго бытія есть слово его Учителя: „Ищите прежде царствія Божія и правды его, а сія вся приложится вамъ“. Земная и временная жизнь его есть приготовленіе для жизни вѣчной. Самостоятельнаго значенія все временное для него не имѣетъ; оно для него—только билетъ, а вѣчное—ставка на выигрышъ. Съ этой точки онъ обсуждаетъ и оцѣниваетъ интересы того и другого. Насколько вѣчность долѣе и важнѣе, чѣмъ краткіе годы земной жизни, настолько важнѣе и дороже интересы вѣчности. О временной жизни онъ заботится и работаетъ настолько, насколько требуютъ отъ него обязанности его званія, ибо онъ хочетъ быть вѣрнымъ и въ самыхъ маловажныхъ своихъ обязанностяхъ. Это направленіе христіанина въ наше время слѣдуетъ всячески поддерживать, такъ какъ интересы временной жизни пріобрѣтаютъ такой перевѣсъ, какъ бы они имѣли вѣчное значеніе. Даже такой „прогрессивный“ человѣкъ, какъ Канцлеръ нѣмец. госуд. Гогенлое, и тотъ въ послѣдніе дни своей жизни засвидѣтельствовалъ объ этомъ, когда сказалъ: „я состарѣлся въ вѣрѣ въ прогрессъ человѣчества, въ возрастающій прогрессъ. Но теперь я вижу и сознаю, что моя вѣра въ послѣдніе годы нѣсколько поколебалась. Борьба за существованіе въ послѣднее время

приняла такое направлѣніе и такую форму, которая приближаетъ насъ къ царству животныхъ и даетъ основаніе убѣждаться въ прогрессъ по нисходящей линіи.“

По этой главной точкѣ зрѣнія опредѣляется мѣсто и отношеніе христіанина къ социальнымъ и политическимъ стремленіямъ, которыя вѣчную жизнь или отвергаютъ и, слѣдоват., совершенно не берутъ въ расчетъ, или, по крайней мѣрѣ, земные интересы ставятъ такъ высоко, какъ бы они были вѣчными. Насколько извѣстно о социалдемократіи, какъ цѣлой партіи, она держится историко-атеистическаго материализма; она, какъ партія, отвергаетъ личное продолженіе жизни по смерти; ея небесное царствіе— есть земля, социалистическое Государство. Эта точка зрѣнія предполагаетъ безусловное отрицаніе и уничтоженіе христіанства. При такомъ положеніи дѣла для христіанина невозможно принимать участіе въ политической жизни такой партіи, для которой не существуетъ вѣчной жизни, которая единственную цѣль и счастье человѣческаго бытія полагаетъ въ достиженіи земныхъ интересовъ. Ибо если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы *самыя несчастныя изъ всѣхъ твореній* (1 Корин. 15, 19). Соотвѣтственно этой точкѣ зрѣнія опредѣляется вообще участіе христіанина въ политической и партійной жизни. Онъ всегда какъ можно дальше будетъ держать себя отъ тѣхъ политическихъ стремленій, при которыхъ смущается его совѣсть, возмущается миръ его души, и нарушается общеніе его съ Богомъ. А это можно наблюдать вездѣ, гдѣ возрастаетъ увлеченіе скоропреходящими, земными предметами и тускнѣетъ взоръ на Бога и вѣчность. Онъ всю свою жизнь отдаетъ въ руки Бога. Къ Нему онъ, какъ дитя

къ своему отцу, и обращается всегда во всѣхъ своихъ нуждахъ и заботахъ.

Итакъ, кто жаждетъ Бога и льнетъ къ Нему, какъ ребенокъ къ груди своей матери, тотъ пусть вознесетъ со мною такую молитву: *„Боже, Ты Богъ мой; Тебя отъ ранней зари ищу я; Тебя жаждетъ душа моя, но Тебѣ томится плоть моя въ землю пустой, изсохшей и безводной, чтобы видѣть силу Твою и славу Твою, какъ я видѣлъ въ святилищѣ; ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь. Уста мои восхваляютъ Тебя. Такъ благословляю Тебя въ жизни моей; во имя Твое вознесу руки мои. Какъ тукомъ и елеемъ насыщается душа моя, и радостнымъ гласомъ восхваляютъ Тебя уста мои, когда я вспоминаю Тебя на постели моей, размышляю о Тебѣ въ ночныя стражи. Ибо Ты—помощь моя, и въ тѣни крылъ Твоихъ я возрадуюсь; къ Тебѣ прильпилась душа моя; десница Твоя поддерживаетъ меня. А тѣ, которые ищутъ гибели души моей, сойдутъ въ преисподнюю земли“.* (Псал. 62 1—10).

Владиміръ, Митрополитъ Московскій.

Духовный дневник *).

*„Всѣ вы сыны свѣта и сыны дня...
Будучи сынами, да трезвимся, облек-
шись въ броню вѣры и любви и въ шлемъ
надежды спасенія“ (Фессал. 5, 5. 8).*

Вся сила въ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ заключа-
лась въ его истинной, живой, дѣятельной вѣрѣ во
Христа Спасителя и Его ученіе, въ полномъ прони-
кновеніи этимъ ученіемъ, ставшимъ его родною и вѣч-
ною стихіей, истиннымъ вѣдѣніемъ, по слову Апосто-
ла, а не простымъ и холоднымъ только знаніемъ. Въ
дѣлѣ вѣры мы только еще къ ней приближаемся, мы
только желаемъ вѣровать, но насъ бореть масса со-
мнѣній: такъ ли это?—вдругъ промелькнетъ въ голо-
вѣ. Отъ такого нашего состоянія вѣры,—она не со-
грѣваетъ и не наполняетъ наше сердце, она не за-
нимаетъ всецѣло нашъ умъ,—вѣра скользитъ у насъ
и вотъ, вотъ готова оставить насъ. Не то было у о.
Іоанна. Онъ вѣрилъ внѣ всякихъ сомнѣній, онъ,
можно сказать, укрѣпился въ вѣрѣ; онъ говорилъ и
думалъ объ относящемся къ вѣрѣ не какъ передан-
номъ, а какъ бы самолично все испытанномъ и ви-
дѣнномъ. Когда говорилъ онъ о чемъ-либо духовномъ,
то чувствовалось, что говоритъ какъ-бы очевидецъ.
Вотъ примѣръ его вѣры. Когда, однажды, онъ былъ
въ Чудовомъ монастырѣ и мы показали ему св. Еван-

*) *Продолженіе.*—См. апрѣль м., стр. 61—66.

геліе, писанное рукою святителя Алексія, то у него и въ мысляхъ, кажется, не было спросить, по какимъ историческимъ даннымъ оно относится ко времени св. Алексія, а сейчасъ же онъ припалъ къ словамъ сего Евангелія и со слезами лобызалъ его, говоря: „это ты, угодникъ Божій, писалъ, это твой почеркъ! какъ я счастливъ твою руку созерцать, твое писаніе лобызать“. Служилъ ли о. Іоаннъ, онъ весь входилъ въ созерцаніе Господа, онъ видѣлъ Его какъ бы предстоящимъ и дѣйствующимъ. О. Іоаннъ такъ былъ укрѣпленъ въ вѣрѣ, что онъ весь былъ проникнутъ духовнымъ созерцаніемъ и со апостоломъ могъ сказать: „не я уже живу, а живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 20). Отъ вѣры о. Іоанна исходили и всѣ его благодатныя дарованія: даръ молитвы, даръ чудотвореній, прозорливости, постояннаго духовнаго бодрствованія, ибо непреложно слово Господа: „аще имате вѣру, и не усумнитесь... Горѣ сей речете: двигнися и верзися въ море, будетъ“ (Матѣ. 21, 21).

Какимъ же путемъ достигъ о. Іоаннъ такого необычайнаго дара вѣры? Путемъ постояннаго бодрствованія надъ собою, путемъ внимательной къ себѣ жизни. Вотъ примѣры этого вниманія. Все, что въ теченіе дня онъ переживалъ: проявленіе ли страстныхъ чувствъ, движеніе ли дурныхъ помысловъ, или же благодатныя озаренія,—всему этому онъ ежедневно подводилъ итогъ, плодомъ чего и былъ его дневникъ. Правда, здѣсь мы больше читаемъ духовныя размышленія, но это только часть его дневника, другая же, гдѣ онъ себя укоряетъ, гдѣ часто указываются личности, на которыхъ онъ гнѣвался и по отношенію къ которымъ у него являлись тѣ или другія дурныя чувства, эта часть дневника не напечатана. Имѣя такую внутреннюю внимательность къ себѣ, о. Іоаннъ ста-

рался сознательно относиться ко всему, что касалось религии, церковной службы. Возьмется ли онъ читать канонъ, онъ уже читаетъ его такъ, чтобы все понять, все пережить, ничего не пропустить изъ вниманія; отъ этого и выходило, что когда онъ, бывало, читаетъ, то или выкрикиваетъ, или по нѣскольکو разъ повторяетъ одно и тоже слово, или ворочается назадъ за нѣскольکو строчекъ,—все это отъ того, что онъ желалъ изъ прочитаннаго ничего не пропустить, а все понять, все пережить. Отъ такой внимательности церковныя книги и правильники, по которымъ онъ читалъ, оказывались съ многими помѣтками на поляхъ и съ подчеркнутыми мѣстами. Вотъ, напр., подчеркнуто выраженіе: „окаянную мою душу соблюди“, а на поляхъ написано: „Дѣйствительно, какъ я окаянень!“ И такую внимательную жизнь онъ проходилъ не годъ и два, а болѣе полувѣка и достигъ того, что онъ весь былъ въ Богѣ.

Надо различать слезы по Богу, происходящія отъ высокихъ, религіозныхъ чувствъ, и слезы человѣческія. Отсюда мы видимъ, что, съ одной стороны, плачетъ человекъ на молитвѣ отъ переполняющихъ его чувствъ любви и преданности къ Богу, а, съ другой стороны, плачетъ человекъ отъ досады, злости, обиды, нанесенной ему. Что же такое слезы по Богу? Это когда человекъ, исполненный вѣры и любви къ Господу, начинаетъ сознавать всю тяжесть своихъ грѣховъ, каются въ нихъ и проливать слезы. Слезы по Богу и тѣ, когда христіанинъ, исполненный чувствъ благодарности къ Творцу, отъ умиленія за неизрѣченныя милости Божіи къ падшему человекѣ, также источаетъ слезы. Слезами по Богу можно назвать и тѣ, когда человекъ, видя страданія близкихъ, ихъ несча-

стія, нравственныя паденія, проливаетъ слезы за ближнихъ. Источникомъ слезъ по Богу является глубокое познаніе человѣкомъ самого себя, своего положенія въ мірѣ и затѣмъ чувство благодарности и любви къ Богу и ближнимъ. И слезы по Богу имѣютъ великое значеніе въ духовной жизни человѣка. Вотъ что о нихъ говоритъ духовный опытъ св. отцовъ. Святыя, чистыя слезы омывають душу отъ грѣховъ. Слезы въ этомъ отношеніи тоже, что крещеніе. Крещеніе омыываетъ у человѣка первородный грѣхъ, покаянныя слезы омывають всѣ наши содѣланныя грѣхи, убѣляютъ нашу совѣсть. Слезы, далѣе, умягчаютъ наше загрубѣлое отъ грѣховъ сердце, разрыхляютъ его и дѣлаютъ способнымъ къ принятію благодати Божіей. Кто проливаетъ слезы о грѣхахъ, къ тому нечистые помыслы никакъ не могутъ приблизиться, поэтому-то можно сказать, что слезы порождаютъ цѣломудріе и искореняютъ блудную страсть. Слезы по Богу даютъ дерзновеніе въ нашихъ молитвенныхъ воззваніяхъ къ Господу, и это потому, что слезы признакъ искренности, твердой вѣры, а эти чувства являются необходимыми условіями въ полученіи отъ Господа просимаго. Слезы просвѣтляютъ наши духовныя очи, и это потому, что слезами подавляется грубо-чувственная сторона нашей природы; отъ слезъ она какъ-бы замолкаетъ и отходитъ въ сторону. Слезы для нашихъ добрыхъ начинаній, для нашихъ добрыхъ дѣлъ тоже, что чистый источникъ для нивы. Наши добрыя начинанія, орошаемая слезами, приносятъ доброцвѣтный плодъ. Слезы порождаютъ смиренномудріе, т. е. смиренное, спокойное, высокое, обращенное къ единому Богу настроеніе нашего духа. Кратко сказать, слезы по Богу сохраняютъ насъ отъ страстей и нравственно насъ возидають. А если таково значеніе

слезь, то намъ остается только пользоваться ими, но не такъ бываетъ въ дѣйствительности. Прежде всего даръ слезь дается не каждому. Другой и радъ иной разъ поплакать о своемъ окаянствѣ, да глаза у него сухи, на сердцѣ черство. Но никто не лишень возможности приобрѣсть даръ слезь. Христіанину надлежитъ только поработать надъ собою, больше погрузиться въ самого себя, почувствовать все свое грѣховное состояніе, чаще размышлять о страшномъ судѣ, чаще представлять себѣ милости Божіи, наконецъ, молиться Господу о ниспосланіи дара слезь,—и Господь за такое терпѣніе отверзетъ хляби нашихъ очесъ и дастъ благодатный источникъ слезь. Нужно при этомъ помнить, что даръ слезь—дѣло весьма тонкое, нѣжное и его легко погубить, потерять нашей грубостью и, именно тогда, когда къ нашимъ слезамъ примѣшается самомнѣніе, тщеславіе: „что, дескать, и мы плачемъ“. Утрачивается также даръ слезь нашею излишнею тѣлесною заботою, роскошью, многорѣчіемъ, излишнимъ умствованіемъ. А главное можно тщеславиться слезами, что губить ихъ, а потому относительно слезь нужно сказать, что пусть не увѣсть шуйца твоя, что творить десная. Наконецъ, кто-нибудь еще скажетъ, какъ совмѣстить слезы христіанина—это повидимому скорбное чувство—съ заповѣдью Апостола всегда радоваться. Относительно этого нужно сказать, что особенность слезь по Богу именно та и есть, что онѣ умиляютъ, умиротворяютъ, успокаиваютъ наше сердце, иначе—слезы какъ сопровождаются тихимъ умиленіемъ, такъ въ особенности оканчиваются духовною отрадою, свѣжестью всѣхъ духовныхъ силъ христіанина и, въ этомъ отношеніи, слезы по Богу ведутъ къ той же радости о Господѣ, о которой говоритъ Св. Апостоль.

Въ жизни своей христiанинъ долженъ давать всему отчетъ, всему придавать нравственный смыслъ, на все имѣть правильный, высокій взглядъ. Плохо, когда человѣкъ не слѣдитъ за собою, многое считаетъ безразличнымъ; этимъ путемъ вырабатывается малоцѣнная, пустая по внутреннему содержанию личность. Что такое, на примѣръ, смѣхъ? Можетъ ли христiанинъ безразлично относиться къ нему, или же и смѣхъ для него не пустое дѣло. Самъ по себѣ смѣхъ чисто физиологическое явленіе. При извѣстныхъ, переживаемыхъ человѣкомъ, чувствахъ происходитъ движеніе мышцъ, которое и проявляется во внѣ тѣмъ, что у насъ извѣстно подъ именемъ смѣха. Какъ физиологическое явленіе, смѣхъ имѣетъ въ нашей природѣ естественную, прирожденную основу. Но въ природѣ человѣческой грѣхомъ все извращено, всѣ естественныя проявленія теперь несовершенны, а нѣкоторыя крайне грубы; это нужно сказать и относительно смѣха. Откуда же онъ выродился, гдѣ его чистая, правильная основа? Человѣку свойственно переживать радостныя, восторженныя чувства при извѣстныхъ обстоятельствахъ и, вотъ, это-то проявленіе восторженныхъ чувствъ человѣка, при несовершенномъ своемъ отправленіи, выражается въ смѣхъ. Смѣется, можно сказать, грѣховный человѣкъ. Смѣхъ—принадлежность, свойство падшаго человѣка. Отъ смѣха нужно отличать добрую улыбку, происходящую отъ чистой радости. Улыбается, на примѣръ, человѣкъ при видѣ успѣха, славы, совершенія добраго дѣла другомъ. Улыбается мать, видя, какъ ея дитя старается стать на ноги; улыбается начальникъ отъ удовольствія, что преданный ему подчиненный прилагаетъ къ дѣлу все свое стараніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ улыбка, какъ выраженіе чистой радости, естественна и поистинѣ

безгрѣшна; она бываетъ тиха, кротка, спокойна и ничуть не обидна для того, кто ее вызываетъ. Но вотъ смѣется грѣховный человѣкъ и когда? Смѣется онъ при безнравственныхъ разговорахъ, смѣется при видѣ и описаніяхъ недостатковъ человѣческихъ; смѣется во время увеселеній, смѣется при каждомъ пустомъ обстоятельствѣ и смѣхъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вполне грѣховное явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, вникните въ основу этого смѣха и вы увидите одинъ только грѣхъ. Такъ, когда человѣкъ смѣется при видѣ недостатковъ ближняго, то имъ руководить тогда чувство осужденія, злорадства недоброжелательства къ ближнимъ, чувство самолюбія и гордости. Когда человѣкъ смѣется при безнравственныхъ разговорахъ, то очевидно онъ зараженъ сладострастіемъ; когда человѣкъ смѣется при всякомъ пустомъ случаѣ, то это признакъ вѣтренности, крайней несерьезности. И этотъ смѣхъ, будучи самъ по себѣ грѣховенъ, влечетъ еще за собою развитіе нашей грѣховности. Такъ, смѣхъ приводитъ человѣка къ безстыдству, къ большому загрязненію совѣсти, къ сладострастію, къ блуду, а вмѣстѣ съ этимъ къ удаленію отъ насъ благодати Божіей. Угодникъ Божій Димитрій Ростовскій говоритъ: „Остерегайся смѣха. Смѣхъ собранное духовное богатство расточаетъ; смѣхъ устраняетъ благодать Господню, погубляетъ память смертную, творитъ забвеніе страшнаго суда. Смѣхъ есть признакъ дѣтскаго нрава, сластолюбиваго сердца, слабой, немужественной души. Остерегайся же смѣха, чтобы тебѣ не быть лишеннымъ всякой добродѣтели, чтобы ты не былъ объятъ безстыдствомъ и не подпалъ подъ козни врага. Остерегайся смѣха, чтобы тебѣ не сдѣлать душу совершенно пустою, ибо смѣхъ дѣлаетъ холоднымъ, безчувственнымъ сердце, отягчаетъ душу,

помрачаетъ совѣсть, печаливаетъ ангеловъ, веселитъ бѣсовъ, смѣхъ всякой дерзкой выходкѣ причина, всякому грѣху пособникъ, блуду и всякой нечистотѣ руководитель“ (Алфавитъ Духовный 2 часть, 7 гл.).

Архимандритъ Арсеній.

Кириопасха.

Многие не понимают этого названия. Намъ пришлось видѣть его разъясненіе въ письмѣ старца Спасо-Елеазаровой пустыни (Псков. г.). Старецъ такъ просто и здраво разъясняетъ слово „Кириопасха“, что нелишнее познакомиться съ этимъ разъясненіемъ:

„Наименованіе Господней Пасхи св. Православной Церкви „Кириопасхой“ имѣетъ высокое значеніе. Наименованіе это происходитъ отъ того, что 25-го марта совпадаетъ начало нашего спасенія—Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Богородицы съ его исполненіемъ—Воскресеніемъ Побѣдителя смерти. Пасха—избавленіе. Кириопасха означаетъ—господствующее, полное избавленіе,—полнота избавленія, т. е.: въ соединеніи этихъ двухъ великихъ праздниковъ передъ нами возстаетъ, нашему взору открывается все величіе святой истины, вся полнота Божественнаго милосердія и побѣды.

Въ этотъ день мы согласно поемъ: „Днесъ спасенія нашего главизна... Сынъ Божій—Сынъ Дѣвы бываетъ“ ... и „отъ смерти-бо къ жизни и отъ земли къ небеси Христось Богъ насъ приведе, побѣдную поющія“.

Таково значеніе „Кириопасхи“. Это наименованіе установлено въ IV вѣкѣ. Въ прошломъ столѣтіи Благовѣщеніе совпало съ первымъ днемъ Пасхи въ 1817 и 1828 г.г.; въ этомъ же столѣтіи, кромѣ нынѣшней Пасхи 1912 г., слѣдующій разъ такое совпаденіе повторится только въ 1991 году“.

Люблю я святыя сказанья...

Люблю я святыя сказанья
О дивныхъ блаженныхъ отцахъ,
О жизни ихъ полной страданья,
Объ ихъ непрерывныхъ трудахъ.
 Какъ мудры ихъ устъ изреченья,
 Какую ума высоту,
 Какое являютъ смиренье,
 Какую любовь ко Христу!
Какое глубокое знанье
Страстей и пороковъ людскихъ!..
Но сколько душѣ назиданья
И въ самомъ молчаніи ихъ!
 Какъ братьевъ, къ отчизнѣ небесной
 Зовутъ они всѣхъ за собой
 Дорогой для нихъ ужъ извѣстной,
 Пройденной ужъ ими тропой.
Понесшіе тяжесть лишенья,
Столь строгіе сами къ себѣ,
Какого полны снисхожденья
Къ уставшимъ въ духовной борьбѣ!..
 Какъ дорого ближнихъ спасенье
 Ихъ ангельски-чистымъ сердцамъ,
 Готовымъ дать плоть на сожженье,
 Чтобъ падшихъ вернуть небесамъ.
Читаешь святыя сказанья—
И сердце отрады полно,
И празднаго чуждо мечтанья.
И бьется такъ ровно оно!
 Читаешь о жизни смиренной
 Поистинѣ Божьихъ сыновъ,—
 И умъ замолкаетъ надменный,
 И каяться Богу готовъ.

Все было доступно ихъ вѣрѣ,
Покорно ихъ волѣ святой,—
Служили имъ дикіе звѣри
И демонъ страшился ихъ злой.

Стихиі имъ власть уступали,
Ихъ духъ небеса проникалъ,
Къ нимъ горнія силы слетали,
Самъ Богъ имъ Себя открывалъ!..

Но что же? поправъ самомнѣнье,
И славы земной не любя,
Они въ неподдѣльномъ смиреніи
Всѣхъ ниже считали себя!

Читаешь объ ихъ сокрушеніи,
Объ ихъ покаянныхъ слезахъ—
И видишь свои согрѣшенья,
Повергшія душу во прахъ.

Яснѣй сознаешь нерадивость
Въ опасномъ духовномъ бою,
И крайнюю сердца сонливость,
Грѣховную страстность свою;

Встаютъ передъ мысленнымъ взоромъ
Живые примѣры отцевъ,
И служатъ невольнымъ укоромъ,
И служатъ урокомъ безъ словъ.

Все къ цѣли зоветъ здѣсь прекрасной,
Все носить печать чистоты:
И самый ихъ обликъ безстрастный,
И полныя мира черты.

Читаешь святяя сказанья,—
И къ небу стремишься сильнѣй,
И жаждетъ душа подражанья,
И бодрость является въ ней.

О непосредственномъ откровеніи по ученію Слова Божія *).

Такъ какъ „*Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть*“ (Мѡ. XI, 27), и такъ какъ *откровене Сина* бываетъ въ *Духъ* и чрезъ *Духа* (1 Кор. XII. 3 и др.), то свидѣтельство Духа есть то одно, посредствомъ чего было открыто, открывается и только можетъ открываться истинное познаніе Бога. Движеніемъ Своего Духа Богъ, съ одной стороны, расположилъ и претворилъ хаосъ этого міра въ тотъ чудный порядокъ, какой былъ вначалѣ, и сотворилъ человѣка, съ другой—посредствомъ откровеній того же самаго Духа Онъ являлъ Себя во все время сынамъ человѣческимъ—и патріархамъ, и пророкамъ, и апостоламъ. Эти откровенія Бога посредствомъ Духа, либо внѣшнимъ образомъ—голосами, явленіями, сновидѣніями,—либо внутренними объективными проявленіями въ сердцѣ, совершенно необходимы для образованія въ человѣкѣ истинной вѣры.

*) Статья эта представляетъ собою извлеченіе изъ найденной мною въ старыхъ бумагахъ рукописи. По темѣ она примыкаетъ къ моей брошюрѣ „Забутый путь опытнаго Богопознанія“; только въ основу брошюры положено ученіе Святоотеческое, а въ основу статьи—ученіе Слова Божія. Такимъ образомъ статья подкрѣпляетъ брошюру—и обратно: брошюра находитъ для себя опору въ настоящей статьѣ.

Задача статьи показать на основаніи Слова Божія *необходимость* и, такъ сказать, *нравственную обязательность* для истинно вѣрующаго христіанина—быть причастникомъ (конечно, въ разной степени) непосредственнаго откровенія, подаваемого Духомъ Божиимъ. Что касается *пути* къ достиженію этого *одуловленія* и *условій* его *подлинности*, предохраняющихъ ищущаго отъ пагубы „*прелести*“, то рѣчь объ этомъ будетъ въ слѣдующей статьѣ, носящей названіе: „*Догматъ, этика и мистика въ составѣ христіанскаго вѣроученія*“.—Этого вопроса касается и вышеупомянутая брошюра „Забутый путь опытнаго Богопознанія“.

М. Новоселовъ.

Прежде тѣ считались *сынами Божиими, кто былъ водимъ Духомъ Божиимъ* (Рим. VIII, 14). А теперь признають себя сынами Божиими многіе такіе, которые ничего не знаютъ объ этомъ Водителѣ. Происходитъ это по совершенно понятной причинѣ, а именно потому, что многіе, носящіе въ настоящее время имя христіанъ, по опыту знаютъ, что ими не движеть и ихъ не водить Духъ Божій. Да и многіе великіе ученые, богословы, учителя и епископы христіанства (обыкновенно такъ называемаго) совершенно заткнули свои уши, чтобы не слышать, и закрыли свои глаза, чтобы не видѣть, этого *внутренняю Вожатая*—и такимъ образомъ сдѣлались чуждыми Ему. Такимъ образомъ они собственнымъ опытомъ приведены къ такой дилеммѣ: или признать, что они до сихъ поръ не знаютъ еще Бога и имѣють только *тьнь знанія*, а не *истинное познаніе* Его,—или—что это познаніе *приобрѣтено* безъ непосредственнаго откровенія.

Знаніе духовное и по буквѣ различны.

Чтобы лучше понять это, слѣдуетъ различать между достовѣрнымъ познаніемъ Бога—и недостовѣрнымъ; между познаніемъ духовнымъ—и познаніемъ по буквѣ, между спасительнымъ сердечнымъ значіемъ — и парящимъ, воздушнымъ, головнымъ. Послѣднее—мы признаемъ это—можетъ быть *приобрѣтено* различными путями, но первое никакимъ инымъ, какъ только внутреннимъ непосредственнымъ проявленіемъ или откровеніемъ Духа Божія, свѣтлщаго въ сердцѣ, просвѣщающаго и отверзающаго разумѣніе *).

*) Эта истина признавалась самыми образованными и славными исповѣдниками христіанства. Они утверждали въ одинъ голосъ, что не было истиннаго познанія Бога, кромѣ того, которое было дано Его собственнымъ Духомъ во внутреннемъ откровеніи. Вотъ свидѣтельства древности объ этомъ:

„Есть разница“,—говоритъ Климентъ Александрійскій, — „между тѣмъ, что кто-либо говоритъ объ истинѣ, и что говоритъ истина, объясняя самое себя. Предположеніе объ истинѣ различается отъ самой истины; подобіе какой-либо вещи различается отъ самой вещи. Одно дѣло, что *приобрѣтено* упражненіемъ и ученіемъ,—и иное, что воспринято черезъ откровеніе вѣрую... Только послѣдній путь ведетъ къ познанію Божественной Истины, и она очень близка отъ насъ, даже въ нашихъ жилищахъ, какъ свидѣтельствуемъ боговидецъ Моисей“.

„Научаетъ насъ“,—утверждаетъ бл. Августинъ,—„внутренній Учитель,

Введеніе ложнаго познанія.

Вывести изъ употребленія этотъ вѣрный и несомнѣнный способъ истиннаго Богопознанія было одной изъ уловокъ дьявола, чтобы завлечь человѣчество въ свое царство. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ христіанская вѣра стала господствовать въ мірѣ, разсѣявъ густой туманъ языческаго многобожія,—тотъ, кто зналъ, какъ мало осталось надежды впредь обольщать міръ этимъ путемъ (многобожія), исполнилъ тогда человѣка ложнымъ познаніемъ истиннаго Бога. Онъ сталъ подстрекать его на дѣло исканія Бога ложнымъ путемъ, убѣждая его довольствоваться такимъ познаніемъ, которое было собственнымъ его приобрѣтеніемъ, а не наученіемъ Божиимъ. И эта уловка оказалась самой успѣшной, потому что приспособлялась къ естественному и развращенному настроенію и характеру человѣка, который больше всего любитъ превозносить себя. Насколько въ этомъ самопревозношеніи была умалена слава Божія, настолько достигъ своей цѣли дьяволъ, который не беспокоится о томъ, насколько Богъ признается на словахъ, лишь бы только ему самому всегда служили на дѣлѣ; ему не важно, какихъ великихъ и возвышенныхъ умозрѣній держится человѣкъ относительно Бога, пока онъ служитъ собственнымъ похотямъ и страстямъ, и повинуется его злымъ внушеніямъ.

научаетъ Христосъ. Божественное вдохновеніе; гдѣ нѣтъ этого вдохновенія и внутренняго просвѣщенія, тамъ тщетно дѣйствіе словъ извнѣ“.

„И если Духа Божія нѣтъ въ сердцѣ слушателя“, подтверждаетъ также Григорій Богословъ, „то напрасны разсужденія учителя, ибо, если Тотъ, Кто научаетъ, не находится внутри, то языкъ учителя, который внѣ, трудится понапрасну“.

„Потому что“, заключаетъ бл. Иеронимъ, „законъ духовень, и нужно откровеніе, чтобы понимать его“.

„Великія дѣла“, свидѣтельствуетъ св. Аѳанасій, „творитъ ежедневно нашъ Спаситель, Онъ влечетъ насъ къ благочестію, побуждаетъ къ добродѣтели, пробуждаетъ стремленіе къ небесному, научаетъ безсмертію, открываетъ познаніе Отца, даруетъ силу, смерть разрушающую, и Самъ Себя являетъ каждому“.

„Кто слышитъ только внѣшній и плотскій голосъ“, поучаетъ Левъ Великій, „тотъ слышитъ тварь, Богъ же есть Духъ, и Его можно слышать только чрезъ Духа; такъ и Иисуса никто не можетъ назвать Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“.

*Христіанство стало ремесломъ, созданнымъ человѣческими
наукой и стараніемъ.*

Такимъ образомъ христіанство обратилось, такъ сказать, въ ремесло, созданное наукой и стараніемъ человѣка, подобно всякому другому ремеслу или наукѣ. И люди не только присвоили себѣ имя *христіанъ*, но даже добились, путемъ нѣкоторыхъ искусныхъ измышленій, совершенно, впрочемъ, чуждыхъ духу и жизни І. Христа, того, что ихъ почитали за *знатоковъ* христіанства. Но если мы дадимъ правильное опредѣленіе *христіанина*, согласно Св. Писанію, и скажемъ, что христіанинъ это тотъ, *кто обладаетъ Христовымъ Духомъ и водимъ Имъ*, то сколькихъ *христіанъ*, да и изъ этихъ, такъ называемыхъ, великихъ *знатоковъ* и *докторовъ христіанства*, должны мы по справедливости лишить этого благороднаго титула?!

Итакъ, обладающіе всѣми средствами богословскаго знанія и достаточно свѣдущіе въ нихъ, — будь то буква Писанія или преданія Церкви, все еще не могутъ считаться истинными *христіанами*.

Внутреннее и непосредственное откровеніе—вотъ единственно вѣрный и надежный путь къ достиженію истиннаго и спасительнаго познанія Бога.

Однако, отсюда не слѣдуетъ, что тѣ прочія средства познанія совершенно исключаются и признаются бесполезными для человѣка. Вовсе нѣтъ. Но вопросъ не въ томъ, что можетъ быть выгодно или полезно, но что совершенно необходимо. Многие могутъ способствовать преуспѣванію дѣла—и не быть все-таки главнымъ, что двигаетъ дѣло.

Все сказанное можно свести къ слѣдующему: гдѣ есть истинное внутреннее познаніе Бога, чрезъ откровеніе Духа, тамъ все; и тамъ нѣтъ необходимости въ чемъ-либо другомъ. Но гдѣ наилучшее, высочайшее и глубочайшее знаніе—безъ этого внутренняго, тамъ нѣтъ ничего для достиженія великой цѣли спасенія. Эта истина покоится на слѣдующихъ безспорныхъ положеніяхъ:

Первое утвержденіе: Нѣтъ познанія Отца, какъ только чрезъ Сына.

Второе утверждение: Нѣтъ познанія Сына, какъ только чрезъ Духа.

Третье утверждение: Чрезъ Духа Богъ всегда открывалъ Себя Своимъ чадамъ.

Четвертое утверждение: Эти откровенія были предметомъ вѣры святыхъ.

Пятое утверждение: Это же самое продолжаетъ быть предметомъ вѣры святыхъ до сего времени.

Доказательство 1-го утвержденія.

Что касается перваго утвержденія, а именно, что нѣтъ познанія Отца, какъ только черезъ Сына, то оно легко доказывается тѣмъ, что основано на подлинныхъ словахъ Св. Писанія.

Остановимся немного на этомъ 1-мъ положеніи.

Безконечный и премудрый Богъ, являющійся *основаніемъ, корнемъ и источникомъ* всякаго дѣйствія, совершилъ все Своимъ вѣчнымъ Словомъ и Сыномъ. *Это—то Слово, Которое было въ началѣ у Бога, и Само было Богъ; все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. I, 1, 2, 3).

Такъ какъ этотъ безконечный и непостижимый Источникъ жизни и движенія дѣйствуетъ въ тваряхъ посредствомъ Своего собственнаго вѣчнаго Слова и Силы, то, естественно, никакая тварь не имѣетъ доступа къ Нему, какъ только въ Сынѣ и чрезъ Сына, Который Самъ засвидѣтельствовалъ это ясно и непререкаемо: *Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открытъ* (Мѡ. XI, 27; Лк. X, 22). Онъ же сказалъ въ другомъ мѣстѣ: *Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня* (Іоан. XIV, 6).

Потому Онъ и названъ *Посредникомъ между Богомъ и человекомъ*, что, отъ самой вѣчности будучи съ Богомъ, Самъ будучи Богомъ, а со временемъ принявъ на Себя человѣческую природу, Онъ является проводникомъ благодати и любви Божіей къ человѣческому роду, и опять чрезъ Него человѣкъ получаетъ и участвуетъ въ этихъ милостяхъ.

Отсюда легко вывести доказательство перваго утвержденія: Если никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына, и кому Сынъ

хочетъ открыть Его, то нѣтъ никакого иного познанія Отца, какъ только чрезъ Сына.

Но Отца никто не знаетъ, кромѣ Сына.

Поэтому нельзя познать Отца, какъ только чрезъ Сына.

Опять же, если Сынъ является путемъ, истиной и жизнью, и никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Него: то не можетъ быть познанія Отца, какъ только чрезъ Сына.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ знать кто-нибудь вещь, кто не пользовался путемъ, внѣ котораго она непознаваема? А такъ какъ доказано, что нѣтъ иного пути къ Отцу, какъ только чрезъ Сына, то, ясно, что, кто не пользуется этимъ путемъ, тотъ не можетъ ни знать Отца, ни прийти къ Нему.

Доказательство 2-го утвержденія.

Переходимъ ко второму утверженію, а именно, что нѣтъ познанія Сына, какъ только чрезъ Духа; или, что откровеніе Сына Божія бываетъ чрезъ Духа.

Нужно помнить, что рѣчь идетъ о спасительномъ, вѣрномъ и необходимомъ знаніи Бога. Что *таковое* не можетъ быть приобрѣтено иначе, какъ только чрезъ Духа, также явствуетъ изъ многихъ мѣстъ Писанія, такъ какъ Иисусъ Христосъ, въ Которомъ и чрезъ Котораго открылся Отецъ, открываетъ Себя Своимъ ученикамъ и друзьямъ въ Духѣ и чрезъ Духа. Какъ раньше, когда Онъ свидѣтельствовалъ и утверждалъ истину въ этомъ мірѣ, до конца являя Себя свидѣтелемъ вѣрнымъ, Его явленіе было внѣшнимъ, видимымъ (чувственно), такъ теперь, удалившись внѣшнимъ, видимымъ образомъ, Онъ учитъ и наставляетъ человѣчество внутренне чрезъ Своего собственнаго Духа: *Онъ стоитъ у двери и стучитъ. Если кто услышитъ голосъ Его и отворитъ дверь, Онъ войдетъ къ нему* (Апок. III, 20). Апостоль Павелъ говоритъ объ этомъ откровеніи ему Христа въ посланіи къ Галатамъ (1, 16), гдѣ онъ доказываетъ превосходство своего служенія и несомнѣнность своего призванія. То же подтверждается обѣтованіемъ Господа Своимъ ученикамъ: *Вотъ Я съ вами до скончанія міра*. Ясно, что здѣсь разумѣется внутреннее и духовное присутствіе Его, котораго удостоиваются и всегда будутъ удостоиваться истинно-вѣрующіе. Воспользуемся двумя ясными мѣстами Св. Писанія для подтвержденія и уясненія этой мысли.

Божіе познается чрезъ Духа Божія.

Вотъ первое мѣсто (1 Кор. II, 11—12): *Кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. Но мы приняли не духа міра сего, а Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога.*

Въ предшествующихъ стихахъ Апостолъ говоритъ о томъ чудесномъ, что приготовилъ Богъ любящимъ Его. Сказавъ, что *естественный человѣкъ не можетъ постигнуть этого*, Апостолъ прибавляетъ, что *оно открыто Духомъ Божиимъ* (ст. 9, 10) и объясняетъ это тѣмъ, что *Духъ все проникаетъ, и глубины Божіи*. Затѣмъ, въ вышеприведенныхъ стихахъ (11—12),—очень кстати и въ согласіи съ проводимой нами мыслью,—онъ прибѣгаетъ къ сравненію и замѣчаетъ: *какъ человѣческое познается только духомъ человѣка, такъ Божіе познается только Духомъ Божиимъ*. Иначе сказать: какъ ничто, стоящее ниже духа человѣческаго (напр., духъ звѣрей или иныхъ тварей) не можетъ собственно проникнуть или понять человѣческаго, какъ существа болѣе благородной и болѣе высокой природы, такъ и духъ человѣчскій, или естественный человѣкъ, умозаключаетъ ап. Павелъ въ 14-мъ стихѣ, не принимаетъ, или не разумѣетъ, Божьяго, или духовнаго, какъ явленія также высшаго порядка. Апостолъ указываетъ и причины этого, говоря: *да и не можетъ разумѣть, потому что объ этомъ надобно судить духовно*.

Итакъ изъ вышеприведенныхъ словъ Апостола можно сдѣлать слѣдующее заключеніе:

Если то, что принадлежитъ собственно человѣку, не можетъ быть понято какимъ-либо низшимъ или менѣе благороднымъ началомъ, чѣмъ духъ человѣка, то и относящееся собственно къ Богу и Христу не можетъ быть познано или понято болѣе низкимъ или менѣе благороднымъ, чѣмъ Духъ Божій и Христовъ.

Такъ какъ первое истинно, то истинно и второе. Отсюда: Духовное можно познать и понять только чрезъ Духа Божія.

А такъ какъ откровеніе І. Христа и истинное и спасительное знаніе Его духовно,

То откровеніе І. Христа и истинное и спасительное знаніе Его можно получить и понять только чрезъ Духа Божія. *Никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ.*

Другое мѣсто Св. Писанія принадлежитъ тому же ап. Павлу (1 Кор. 12, 3): *Никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ.* Эти слова, полныя глубокаго смысла и отвѣчающія вполне хорошо просвѣщенному разумѣнію духовнаго и дѣйствительнаго христіанина, могутъ, пожалуй, показаться очень странными плотскимъ и мнимымъ послѣдователямъ Христа, которые старательно не вдумывались въ нихъ.

*Духовныя истины являются ложью въ устахъ плотского
человѣка.*

Здѣсь, въ важнѣйшемъ для христіанина вопросѣ, Апостоль такъ много приписываетъ Святому Духу, что рѣшительно утверждаетъ, что безъ Него мы не можемъ исповѣдать *Іисуса Господомъ.* А это значитъ не что иное, какъ-то, что духовныя истины Евангелія являются ложью въ устахъ плотского или не духовнаго человѣка, потому что онѣ не познаны имъ, и не произносятся тѣмъ духомъ, который долженъ въ такомъ дѣлѣ направлять и возбуждать умъ. Онѣ могутъ быть сравнены въ данномъ случаѣ съ вымышленными театральными представленіями. Въ самомъ дѣлѣ онѣ, собственно говоря, могутъ быть названы дѣйствительнымъ и истиннымъ познаніемъ Бога и Христа не въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какой дѣянія Александра Великаго или Юлія Цезаря, представленныя теперь на подмосткахъ, могли бы быть признаны дѣйствительными ихъ дѣяніями, а лица, ихъ представляющія, дѣйствительными покорителями Азіи и побѣдителями Помпея.

Такое знаніе—болтовня попугая.

Ясно, что это знаніе Христа, не полученное чрезъ откровеніе Его собственнаго Духа, представляетъ собою, собственно говоря, не большее знаніе, чѣмъ болтовня *попугая*, котораго научили нѣсколькимъ словамъ, чтобы сказать, что это голосъ человѣка. Дѣйствительно, какъ можно обучить эту или какую другую птицу издавать человѣческіе звуки или

произносить цѣлую разумную мысль такъ, какъ она заучила ее при посредствѣ внѣшняго слуха, безъ усвоенія однако ея какимъ-либо живымъ началомъ разума, дѣйствующимъ въ ней,—совершенно таково же знаніе „Божьяго“, накопленное естественнымъ и плотскимъ человѣкомъ изъ словъ и писаній духовныхъ людей: оно не является истиннымъ для него, потому что зародилось въ естественномъ духѣ—и такимъ образомъ произведено не тѣмъ органомъ, которымъ слѣдуетъ,—ибо не происходитъ отъ духовнаго начала. Такое знаніе вещей духовныхъ для обладающаго имъ является не болѣе истиннымъ, чѣмъ для птицы—человѣческія слова, искусственно ею усвоенныя и произносимыя, но не происходящія отъ ея собственнаго разумнаго начала.

Сдѣлаемъ изъ вышеприведенныхъ словъ Апостола заключеніе:

Если никто не можетъ назвать *Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ*, то никто, слѣдовательно, не можетъ знать, что *Иисусъ есть Господь, какъ только Духомъ Святымъ*.

Если никто не можетъ знать, что *Иисусъ есть Господь, какъ только чрезъ Святаго Духа*, то не можетъ быть достовѣрнаго знанія или откровенія о Немъ, какъ только при посредствѣ Святаго Духа.

Доказательство 3-го утвержденія.

Третье утвержденіе таково: Богъ всегда открывалъ Себя Своимъ дѣтямъ чрезъ Духа.

Чтобы доказать истину этого утвержденія, нужно только рассмотреть, какъ изначала проявлялъ Себя Богъ по отношенію къ Своимъ тварямъ. Вотъ первое слово Моисея объ этомъ (Бытіе 1, 2): *И Духъ Божій носился надъ водами*. Нельзя, полагаемъ, отрицать, что сношенія Бога съ человѣкомъ—отъ Адама до Моисея—происходили чрезъ непосредственное проявленіе Его Духа. А затѣмъ, чрезъ все время „закона“, Онъ только такъ и говорилъ съ Своими дѣтьми. Это не можетъ отрицаться тѣми, кто признаетъ Писаніе дѣйствительно написаннымъ по внушенію Святаго Духа: ибо эти Писанія, отъ Моисея до Малахіи, говорятъ, что въ теченіе всего этого времени Богъ открывался Своимъ дѣтямъ чрезъ Своего Духа.

Но, пожалуй, кто-нибудь возразить, что послѣ того, какъ былъ данъ законъ, измѣнился способъ сношенія Бога съ человѣкомъ?

Вовсе нѣтъ. Во-первыхъ, Богъ говорилъ всегда безъ всякаго посредства съ евреями, потому что Онъ говорилъ всегда непосредственно къ *первосвященнику* съ мѣста между *херувимами*. Этотъ входилъ въ *Святое Святыхъ* и, возвращаясь, передавалъ всему народу голосъ и волю Бога, непосредственно открытые тамъ. Такимъ образомъ это непосредственное обращеніе никогда не прекращалось.

Никто не исключался отъ непосредственнаго общенія съ Духомъ Божиимъ.

Во-вторыхъ не лишался этого непосредственнаго сношенія никто изъ тѣхъ, кто ревностно къ нему стремился и ожидалъ его. Такъ многіе помимо первосвященника, — не бывшіе даже изъ колѣна Левіина или изъ пророковъ, — получали Духа Святаго и говорили отъ Его лица, какъ написано въ книгѣ Числь (XI, 25), гдѣ сказано, что *Духъ почилъ на семидесяти мужахъ старѣйшинахъ*. Этотъ Духъ почилъ также на двухъ мужахъ, которые были не въ скиніи, а въ станѣ, и когда нѣкто выразилъ желаніе, чтобы имъ было запрещено пророчествовать, Моисей не только не захотѣлъ этого сдѣлать, но возрадовался и пожелалъ, *чтобы всѣ въ народѣ Господнемъ были пророками*, чтобы *Господь послалъ Духа Своего* на нихъ (ст. 29).

Подтверженіе этому мы находимъ также у Нееміи (гл. IX), гдѣ старцы народа, по возвращеніи изъ плѣна, когда стали освящать себя постомъ и молитвою, говорили (ст. 20), перечисляя многія милости Божіи по отношенію къ ихъ отцамъ: *Ты далъ имъ Духа Твоего благого, чтобы наставлялъ ихъ* (ст. 20), *Ты медлилъ многіе годы и напоминалъ имъ Духомъ Твоимъ чрезъ пророковъ*.

Много духовныхъ глаголовъ относительно этого предмета встрѣчаемъ мы у царственнаго пророка Давида: *Не отвергни меня отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отними отъ меня, Духомъ владычественнымъ утверди меня* (L, 13, 14), *Куда пойду отъ Духа Твоего?* (CXXXVIII, 7).

Тому же источнику приписываетъ силу своего свидѣтель-

ства и пророкъ Исаія, говоря: *И нынѣ послалъ меня Господь Богъ и Духъ Его* (XLVIII, 16).

Излишне говорить объ откровеніяхъ Божіихъ при Новомъ Заѣтѣ: едва ли кто станетъ оспаривать обиліе откровеній, коихъ удостоились апостолы, евангелисты, первые ученики...

Доказательство 4-го утвержденія.

Четвертое утверженіе гласитъ: *эти откровенія были предметомъ вѣры святыхъ изстари.*

Это положеніе съ ясностью вытекаетъ изъ самаго понятія вѣры и разсмотрѣнія того, что составляетъ ея предметъ. „Вѣра“, говоритъ ап. Павелъ, *есть осуществленіе ожидаемаго, обличеніе вещей невидимыхъ*, — а это есть, какъ поясняетъ Апостоль въ той же главѣ на многихъ примѣрахъ, не что иное, какъ твердое и непреложное вѣрованіе ума въ то, на что онъ *полагается* и чѣмъ въ нѣкоторомъ смыслѣ *обладаетъ*, ибо ожидаемое является *осуществляющимся*, благодаря довѣрію къ обѣтованіямъ Божіимъ; и такимъ образомъ чрезъ свою вѣру душа получаетъ твердую, непоколебимую увѣренность въ вещахъ невидимыхъ или еще неосуществляющихся.

Предметъ вѣры—Deus loquens.

Предметомъ этой вѣры является *обѣщаніе, слово или свидѣтельство Бога*, говорящаго уму (духу) человѣка. Отсюда обычное выраженіе, что предметомъ вѣры является *Богъ глаголивый*. Это явствуетъ изъ всѣхъ тѣхъ примѣровъ, приведенныхъ въ этой главѣ Апостоломъ, гдѣ вѣра основывалась не на какомъ либо внѣшнемъ свидѣтельствѣ, не на словѣ или писаніи человѣческомъ, но на откровеніи Божіей воли, объявляемой человѣку во внутреннемъ откровеніи, какъ было, напр., съ Ноемъ. *Вѣрою Ной, получивъ откровеніе о томъ, что еще не было видимо, благоговѣя приготовилъ ковчегъ для спасенія дома своего; ея осудилъ онъ міръ, и сдѣлался наслѣдникомъ праведности по вѣрѣ.*

Вѣра Ноя.

Что было здѣсь предметомъ вѣры Ноя, какъ не Богъ, говорившій къ нему! У него не было ни писаній, ни пророчествъ, унаслѣдованныхъ отъ кого-либо жившаго раньше его; не было даже содѣйствія церкви или народа для под-

держки его, — и однако вѣра его слову (Божію), которою онъ прекословилъ всему міру, спасла его и его домъ.

Вѣра Авраама.

Замѣчательнымъ примѣромъ того-же является Авраамъ, получившій поэтому наименованіе „Отца вѣрующихъ“. О немъ сказано, что онъ *сверхъ надежды повѣрилъ съ надеждою*. Въ чемъ же выразилась его вѣра? Въ томъ, что онъ не только охотно покинулъ страну своихъ отцовъ, но и пошелъ, не зная, куда идетъ; въ томъ, что онъ повѣрилъ относительно рожденія Исаака вопреки естественной вѣроятности; но болѣе всего въ томъ, что онъ не отказался принести его въ жертву, не сомнѣваясь, что только Богъ былъ въ силахъ воскресить его изъ мертвыхъ, — его, про котораго было сказано ему, что *въ Исаакъ наречется тебѣ сѣмя*. И, наконецъ, въ томъ, что онъ положился на обѣщаніе, что сѣмя его будетъ владѣть землею, на которой самъ онъ былъ только странникомъ.

Предметомъ вѣры Авраама во всемъ этомъ было не что иное, какъ только внутреннее и непосредственное откровеніе, или: Богъ, объявляющій Свою волю ему, внутренне и непосредственно чрезъ Своего Духа.

Раньше упоминалось также о внѣшнихъ голосахъ, явленіяхъ и снахъ, какъ путяхъ откровенія. Поэтому уместно сказать о возможномъ возраженіи по поводу этого пункта.

1-е возраженіе.

Могутъ сказать, что тѣ, кто теперь основываетъ свою вѣру на непосредственномъ и объективномъ откровеніи, также должны слышать внѣшніе голоса, имѣть видѣнія или видѣть сны и явленія.

Нельзя отрицать, что Богъ пользовался служеніемъ ангеловъ, которые издревле, въ образѣ людей, внѣшнимъ образомъ говорили святымъ, и что Онъ многое открывалъ имъ въ сновидѣніяхъ и видѣніяхъ. Едва ли можно утверждать, что эти способы откровенія прекратились. Господь властенъ и свободенъ являть Себя Своимъ чадамъ, какъ Ему угодно. Но, рассматривая предметъ вѣры, мы должны держаться не того, какъ это бываетъ *иногда* и приспособительно къ

обстоятельствамъ, а того, какъ это происходитъ всегда и независимо отъ частныхъ условій.

Кромѣ того, мы должны дѣлать различіе между тѣмъ, что *само по себѣ* подвержено сомнѣнію и заблужденію — и потому пріемлется ради и по причинѣ другого, и тѣмъ, что не подвержено никакому сомнѣнію, но принимается просто ради самого себя, будучи *самою первою и самобытною истиной*.

Откровенія въ снахъ и видѣніяхъ.

Теперь разсмотримъ, въ какомъ смыслѣ или насколько эти внѣшніе голоса, явленія и сновидѣнія были предметомъ вѣры святыхъ. Обусловливалась ли эта вѣра тѣмъ, что они были просто голосами, явленіями или сновидѣніями? Разумѣется, нѣтъ; ибо святымъ не безызвѣстно было, что и дьяволъ могъ бы породить звуки словъ, довести ихъ до внѣшняго слуха и обмануть внѣшнія чувства, дѣлая видимыми вещи, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Да и сами мы развѣ не знаемъ по опыту, что почти то же самое могутъ производить фокусники, благодаря проворству своихъ рукъ? Поэтому Господь и воспретилъ святымъ основывать свою вѣру на такомъ ложномъ основаніи, какъ внѣшнія и ошибающіяся человѣческія чувства.

Что-же, въ такомъ случаѣ внушаетъ довѣріе къ этимъ видѣніямъ? Конечно, не что иное, какъ только сокровенное свидѣтельство Духа Божія въ ихъ сердцахъ, убѣждавшее ихъ, что голоса, сны и видѣнія были отъ Бога. Авраамъ повѣрилъ ангеламъ: но кто сказалъ ему, что эти люди были ангелы? Не должно думать, что его вѣра основывалась тогда на внѣшнихъ чувствахъ: она проистекала изъ сокровеннаго убѣжденія Духа Божія въ его сердцѣ.

Итакъ, вліяніе Духа должно быть признано—прежде всего и главнымъ образомъ предметомъ вѣры святыхъ. *Безъ этого* нѣтъ истинной и опредѣленной вѣры, а *черезъ это* много разъ вѣра зарождалась и укрѣплялась безъ какого-либо изъ названныхъ внѣшнихъ или видимыхъ пособій, что мы можемъ видѣть изъ многихъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ только находимъ: „*И сказалъ Богъ... И было слово Господне къ тому-то и къ тому-то* *)...

*) Умѣстно здѣсь припомнить слѣдующія слова преп. Серафима Саровскаго, сказанныя имъ своему духовному другу Н. А. Мотовилову: «Мы въ

2-е возраженіе.

Но если-бы кто сталъ упорно утверждать, что для откровенія нуженъ внѣшній, слышимый голосъ для плотского уха, то такому упорствующему можно бы отвѣтить вопросомъ: какое доказательство можетъ онъ привести въ пользу этого утвержденія, кромѣ своего собственнаго простого предположенія? Да, вѣдь и сказано: *Сей самый Духъ свидѣтельствуесть духу нашему*, а не нашему внѣшнему слуху (Рим. VIII, 16). И такъ какъ Духъ Божій есть въ насъ, а не только внѣ насъ, то Онъ и говоритъ нашему духовному, а не плотскому уху. Поэтому, когда такъ часто говорится въ Писаніи: *Духъ сказалъ, побудилъ, воспрепятствовалъ, призвалъ* того или другого, *сдѣлать* или *удержаться* отъ того или другого дѣла, во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ основанія заключать, какъ того желаютъ нѣкоторые, что это былъ не внутренній голосъ къ духовному слуху, а внѣшнее слово къ плотскому уху. Въ пользу такого мнѣнія едва-ли можно привести серьезныя доказательства.

Изъ всего вышесказаннаго естественно прійти къ слѣдующему заключенію, завершающему доказательство разсматриваемаго 4-го утвержденія:

То, во что кто-либо твердо вѣрить, какъ въ начало и основаніе своей надежды на Бога и жизнь вѣчную, то составляетъ предметъ его вѣры.

А такъ какъ внутреннее и непосредственное откровеніе Духа Божія, говорящаго въ святыхъ и къ святымъ, признавалось ими за начало и основаніе ихъ надежды на Бога и жизнь вѣчную, то

Поэтому эти внутреннія и непосредственныя откровенія являлись предметомъ ихъ вѣры.

настоящее время, по нашей почти всеобщей холодности къ святой вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей къ дѣйствіямъ Его Божественнаго о насъ Промысла и общенія человека съ Богомъ, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились отъ истинно-христіанской жизни. Намъ теперь кажутся странными слова Св. Писанія, когда Духъ Божій устами Моисея говоритъ: «и видѣ Адамъ Господа, ходяща въ рай», или когда читаемъ у апостола Павла: «идухомъ во Асію, и Духъ Божій не иде съ нами, обратихомся въ Македонію, и Духъ Божій иде съ нами».

Доказательство 5-го утверждения.

Переходимъ къ пятому и послѣднему утверженію, что это же самое продолжаетъ быть предметомъ вѣры святыхъ до сего времени.

Возможно, что согласные съ предыдущими положеніями окажутся противниками этого послѣдняго. Тѣмъ не менѣе въ самомъ этомъ положеніи заключенъ очень вѣскій доводъ, подтверждающій истину даннаго утверженія, а именно, что предметъ вѣры святыхъ одинъ и тотъ-же во всѣ вѣка, хотя и проявляется различно.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ вѣра одна, тамъ и предметъ вѣры одинъ. А что вѣра одна, это опредѣленно высказываетъ Апостоль (Ефес. 4. 5), сопоставляя *одну вѣру* съ *однимъ Богомъ*: это значитъ, что утверждать *два вѣры* такъ же нелѣпо, какъ утверждать *двухъ боговъ*.

Вѣра древнихъ святыхъ одинакова съ нашей.

Кромѣ того, если вѣра древнихъ (ветхозавѣтныхъ) была не тождественна съ нашей, т. е. не была *въ существенномъ* согласна съ нею и одинаково опредѣляема, то къ чему было бы Апостолу (Евр. XI) пояснять опредѣленіе нашей вѣры примѣрами вѣры святыхъ или стараться возбудить равенство нашу примѣромъ Авраама, если вѣра послѣдняго существенно разнилась отъ нашей? Никакого различія не возникаетъ изъ того, что *они* вѣрили во Христа по отношенію къ его внѣшнему явленію въ будущемъ, а *мы* какъ уже въ явившагося: ибо они тогда такъ вѣрили въ Него, имѣющаго прійти, что чувствовали Его присутствіе съ ними, и свидѣтельствовали, что Онъ близко; поэтому Апостоль и говоритъ: *всѣ они шли изъ духовнаго послѣдующаго камня: камень же былъ Христосъ*. И мы вѣримъ благодаря Его прошлому пришествію такъ, какъ будто также чувствуемъ и знаемъ, что Онъ *находится съ нами*, и мы *вкушаемъ Его*. „Если только“, говоритъ Апостоль, „*нѣтъ въ васъ Христа, вы отвержены*“. Итакъ вѣра наша одна и завершается въ одномъ и томъ же предметѣ.

Что касается второй части умозаключенія, т. е. что предметъ одинъ, когда вѣра одна, то Апостоль и это доказы-

ваетъ въ вышеупомянутой главѣ, гдѣ онъ на примѣрахъ древнихъ показываетъ намъ все достойное подражанія.

Въ чемъ же теперь нужно имъ подражать, какъ не въ томъ, что они вѣрили въ Бога? И что было предметомъ ихъ вѣры, какъ не внутреннее непосредственное откровеніе, какъ это было раньше показано? Ихъ примѣръ можетъ быть примѣнимъ къ намъ только въ томъ случаѣ, если мы вѣримъ въ Бога, какъ они, т. е. чрезъ тотъ же самый предметъ. Апостолъ поясняетъ это въ другомъ мѣстѣ собственнымъ примѣромъ (Гал. 1, 16). Онъ повѣствуетъ о себѣ въ посланіи къ Галатамъ, что, *когда Богъ благоволилъ открыть въ немъ Сына Своего, онъ не сталъ тогда же совѣтоваться съ плотью и кровью, но увѣровалъ и повиновался.* Тотъ же Апостолъ, увѣщевая Евреевъ (Евр. XIII, 7) слѣдовать вѣрѣ ихъ наставниковъ, приводитъ такое основаніе: *Иисусъ Христосъ* (цѣль и предметъ ихъ вѣры) *вчера, и сегодня, и во вѣки Тотъ-же,* очевидно внушая этимъ мысль, что въ предметѣ вѣры не произошло измѣненія.

Что касается разнообразія проявленій, то это не можетъ служить возраженіемъ противъ высказанной мысли: тотъ-же Ап. Павелъ, трижды упоминая объ этомъ разнообразіи (1 Кор. XII, 4, 5, 6) приводитъ всегда къ одному и тому же предмету: одинъ и тотъ же Духъ, одинъ и тотъ-же Господь, одинъ и тотъ-же Богъ.

Затѣмъ, если-бы предметъ вѣры былъ не одинъ и тотъ-же у насъ и у нихъ, то отсюда слѣдовало бы, что намъ пришлось бы познавать Бога какимъ-нибудь инымъ путемъ, а не чрезъ Духа. Но это уже очевидная нелѣпость.

Многіе изъ несогласныхъ съ доказываемымъ утвержденіемъ соглашаются, что Богъ познается чрезъ Духа, но отрицаютъ опять таки, что это бываетъ непосредственно и внутреннимъ образомъ, а только въ Писаніи и чрезъ Писаніе, въ которомъ истины (намѣренія) Духа, по ихъ мнѣнію, высказаны вполнѣ и окончательно,—и ими мы должны познавать Бога и во всемъ руководиться.

Христіане должны и теперь руководиться Духомъ, такимъ же образомъ, какъ древніе святыя.

Такъ-ли это? Дѣйствительно-ли теперешніе христіане не должны быть руководимы внутренне и непосредственно

Духомъ Божіимъ, какъ это было съ древними святыми? Едва-ли *).

Начнемъ разсмотрѣніе вопроса съ обѣтованія Христова, о которомъ мы узнаемъ изъ XIV гл. Ев. Іоанна: *И Я умолю Отца, и дастъ вамъ другого Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ. Духа истины, Котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его, и не знаетъ Его, а вы знаете Его, ибо Онъ съ вами пребываетъ, и въ васъ будетъ* (ст. 16—17).

— Утѣшитель-же Духъ Святой, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ (26). То же находимъ въ XVI гл.: *Когда же прійдетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину: ибо не отъ себя говоритъ будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ, и будущее возвѣститъ вамъ* (ст. 13).

Кто-же это, о комъ идетъ здѣсь рѣчь? Онъ именуется различно: Утѣшителемъ, Духомъ истины, Духомъ Святымъ, Посланникомъ Отца во имя Христа.

Уже этимъ достаточно изобличаются тѣ „плотскіе“ христіане, которые не знаютъ и не признаютъ никакой внутренней духовной Силы, кромѣ простой, естественной, чѣмъ достаточно свидѣлствуютъ о себѣ, что они *отъ міра, который не можетъ пріять Духа, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его* (Іоан. XIV, 17).

Гдѣ обрѣтается этотъ Духъ? „Онъ съ вами пребываетъ и въ васъ будетъ“ (Ibid).

Духъ Божій живетъ въ людяхъ.

Это пребываніе Духа въ христіанахъ съ одной стороны является фактомъ, который нужно хорошо знать—и въ него

*) «Желалъ бы я, Ваше Боголюбіе»,—обращается къ своему собесѣднику преп. Серафимъ,—«чтобы и вы сами стяжали этотъ присно-неоскудѣвающій источникъ благодати Божіей и всегда разсуждали себя, въ Духъ ли Божіемъ вы обрѣтаетесь, или нѣтъ,—и если—въ Духъ Божіемъ, то,—благоволень Богъ!—не о чемъ и горевать... Если же—нѣтъ, то надобно разобрать, отчего и по какой причинѣ Господь Богъ Духъ Святой изволилъ оставить насъ, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тѣхъ поръ, пока искомый Господь Богъ Духъ Святой не сыщется и снова будетъ съ нами Своею благодатію».

вѣрить, съ другой положительно утверждается въ Св. Писаніи, какъ только можетъ утверждаться что-либо другое.

„Вы не по плоти живете“, говоритъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Римл., VIII, 9,—„а по духу, *если только Духъ Божій живетъ въ васъ*“. И въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. VI, 19): „*Не знаете-ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, и (1 Кор. III, 16) что Духъ Божій живетъ въ васъ?*“

Безъ этого Апостоль не признаетъ никого христіаниномъ. „*Если-же,—говоритъ онъ,—кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его*“. Эти слова непосредственно слѣдуютъ за выше приведенными словами изъ посланія къ Римлянамъ: „*Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ*“.

Духъ, живущій внутри,—главный признакъ христіанина.

Это мѣсто показываетъ, что Апостоль считаетъ присутствіе Духа Божія въ человѣкѣ главнымъ признакомъ христіанина. Онъ доказываетъ это и положительно, и отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, въ стихахъ, предшествующихъ вышеприведенному, онъ свидѣтельствуетъ, что *плотскія помышленія суть вражда противъ Бога, и что живущіе по плоти Богу угодить не могутъ* (Рим. VIII, 7—8). Заканчивая эту мысль, онъ замѣчаетъ относительно Римлянъ, что они *не по плоти живутъ, если только Духъ Божій живетъ въ нихъ* (ст. 9). Опять въ томъ-же 9-мъ стихѣ онъ заключаетъ отрицательно: *Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его*, т. е. тотъ—не христіанинъ.

Итакъ, тотъ, кто считаетъ себя незнающимъ и чуждымъ внутренняго пребыванія Духа въ его сердцѣ, этимъ признается, что у него еще плотскія помышленія, которыя суть вражда противъ Бога, что онъ еще живетъ по плоти и не можетъ „угодить Богу“. Коротко говоря, какъ бы онъ ни зналъ *инымъ* образомъ Христа, какъ бы ни повѣрилъ въ Него, или какъ бы ни былъ хорошо знакомъ съ буквою Св. Писанія, онъ еще не достигъ настоящей ступени христіанскаго житія, не пріобщился должнымъ образомъ къ христіанской вѣрѣ. Ибо удалите только Духа—и христіанство уже не будетъ болѣе христіанствомъ, какъ мертвый трупъ человѣческой—уже не человѣкъ, когда изъ него вышла душа:

живые не могут уже болѣе жить съ нимъ, но хоронятъ отъ своихъ взоровъ, какъ какую-нибудь вредную или бесполезную вещь, какъ бы ни былъ онъ пріятенъ, когда дѣйствовалъ, будучи движимъ душою. Наконецъ, *что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что добродѣтельно, что похвально* (Филип. IV, 8) въ христіанской вѣрѣ, все это приписано Духу, безъ Котораго она не могла бы существовать, какъ внѣшній міръ безъ солнца. Ему всѣ истинные христіане, во всѣ вѣка, приписывали и свою крѣпость, и свою жизнь. Этимъ Духомъ, утверждаютъ они, они были обращены къ Богу, были искуплены отъ міра, подкрѣплены въ своей слабости, утѣшены въ своихъ печаляхъ, укрѣплены въ искушеніяхъ, ободрены въ страданіяхъ—и торжествовали среди всѣхъ преслѣдованій.

Во всѣ вѣка великія и замѣчательныя дѣйствія совершались Духомъ.

Дѣйствительно, писанія всѣхъ истинныхъ христіанъ полны повѣствованій о великихъ и замѣчательныхъ вещахъ, сдѣланныхъ,—по общему ихъ утверженію,—силою, властью и дѣйствіемъ Духа Божія, пребывавшаго въ ихъ сердцахъ. Духъ животворитъ, свидѣтельствуемъ евангелистъ Іоаннъ (VI, 63). Духомъ говорилъ Стефанъ такъ, что евреи не могли противостоятъ ему (Дѣян. VI, 10). Духъ давалъ провѣщать ученикамъ въ день Пятидесятницы (Дѣян. II, 4). Тѣ, которые живутъ по Духу, избавлены отъ всякаго осужденія (Рим. VIII, 1, 5). Духомъ Божиимъ, живущимъ въ насъ, мы освобождаемся отъ плотскихъ помысленій (ст. 7, 9). Духъ Христовъ, живущій въ насъ, оживляетъ наши смертныя тѣла (ст. 11). Этимъ Духомъ умерщвляются дѣла плотскія, и дается жизнь (ст. 13). Этимъ Духомъ мы усыновлены и зываемъ: *Авва, Отче!* (ст. 15). *Сей самый Духъ свидѣтельствуемъ духу нашему, что мы дѣти Божіи* (ст. 16). *Этотъ Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ... и ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченнымн* (ст. 26). Этимъ Духомъ открыто намъ то славное, *что приготовилъ Богъ любящимъ Его, чего не видѣлъ глазъ, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку...* при всѣхъ его умствованіяхъ (1 Кор. II, 9, 10). Тѣмъ же Духомъ даются и мудрость, и

знаніе, и вѣра, и дары исцѣленій, и чудотворенія, и языки, и пророчества (1 Кор. XII, 8, 9, 10). Этимъ же Духомъ всѣ мы крестились въ одно тѣло (ст. 13). Однимъ словомъ, что, касающееся спасенія души и жизни христіанина, совершается, какъ должно, или дѣйствительно получается безъ Него?

Духъ Святой—нашъ вожатый.

Объщая послать Духа Святаго въ міръ, Господь Іисусъ сказалъ ученикамъ: *Онъ наставитъ васъ на всякую истину, научитъ васъ всему и напомнитъ вамъ все* (Іоан. XVI, 13 и XIV, 26).

Разъ Господь назначилъ намъ такого чуднаго Наставника, то почему намъ нужно брать вожатымъ въ духовныхъ дѣлахъ нашъ собственный, плотскій и испорченный разумъ, какъ того многіе непремѣнно хотятъ? Не слѣдуетъ ли пожалѣть о всѣхъ такихъ, какъ Господь во время оно сѣтовалъ чрезъ Пророковъ на Израиля (Іерем. II, 13): *Два зла сдѣлалъ народъ Мой: Меня, источникъ воды живой, оставили, и выскли себѣ водоемы разбитые, которые не могутъ держать воды.* Въ самомъ дѣлѣ развѣ многіе не оставили, развѣ многіе не отвергають этого внутренняго и непосредственнаго руководителя, этого Духа, наставляющаго на всякую истину,—и не проложили для себя другихъ путей, конечно, неправильныхъ, которые не вывели ихъ ни изъ-подъ власти плоти и міра, ни изъ-подъ владычества ихъ собственныхъ страстей и грѣховныхъ склонностей: вотъ почему истина, которая правильно познается только чрезъ Духа Божія, до такой степени чуждою является на землѣ! *).

*) «Произошло это непониманіе (мѣсть Св. Писанія, гдѣ говорится о непосредственномъ водительство Духа Божія) оттого, что мы удалились отъ простора первоначальнаго христіанскаго вѣдѣнія и, подъ предлогомъ просвѣщенія, зашли въ такую тьму невѣдѣнія, что намъ уже кажется неудобопостижимымъ то, о чемъ древніе до того ясно разумѣли, что имъ и въ обыкновенныхъ разговорахъ понятіе о явленіи Бога между людьми не казалось страннымъ. Такъ Іовъ, когда друзья его укоряли въ томъ, что онъ хулитъ Бога, отвѣчалъ имъ: «какъ это можетъ быть, когда я чувствую дыханіе Вседержителя во поздрѣхъ моихъ?» т. е. какъ, де, я могу хулить Бога, когда Духъ Святой со мною пребываетъ. Если бы я хулилъ Бога, то Духъ Святой отступилъ бы отъ меня, а вотъ я и дыханіе Его ощущаю въ поздрѣхъ моихъ». (Преп. Серафимъ).

Возраженіе—и разъясненіе его.

Самое обычное возраженіе противъ непосредственныхъ откровеній Духа Божія сводится къ указанію на *недостовѣрность ихъ*.

Возраженіе это, однако, не попадаетъ въ цѣль. Одно дѣло утверждать, что *истинное и несомнѣнное откровеніе Духа Божія вѣрно и непремѣнно*, и другое дѣло утверждать, что тотъ или этотъ народъ, то или это отдѣльное лицо непремѣнно водится этимъ откровеніемъ во всемъ, что онъ говорить и пишетъ,—утверждать потому, что самъ онъ утверждаетъ, что онъ такъ именно руководимъ внутреннимъ и непосредственнымъ откровеніемъ Духа. Мы утверждаемъ только первое; послѣднее же можетъ, конечно, быть подвержено сомнѣнію. Но вѣдь вопросъ не въ томъ, *кто* такъ водимъ или не водимъ,—а въ томъ, всѣ ли не должны быть или не могутъ быть такъ водимы?

Доказательство достовѣрности водительства Духа.

Раньше было показано, что Христосъ общалъ Духа Своего, чтобы Онъ водилъ чадъ Его, и что каждый вѣрующій долженъ былъ и могъ быть водимъ Имъ. Теперь, если кто-либо отступаетъ отъ этого вѣрнаго Вожатаго въ дѣлахъ, а между тѣмъ на словахъ выражаетъ притязаніе на то, что онъ водимъ имъ въ дѣлахъ дурныхъ, то отсюда не слѣдуетъ, что истинное водительство Духа недостовѣрно, или что Ему не должно слѣдовать; такъ же, какъ не слѣдуетъ, что солнце не испускаетъ никакого свѣта, изъ того, что слѣпой чловѣкъ или добровольно закрывающій свои глаза падаютъ въ ровъ среди бѣла дня отъ недостатка свѣта; или, что не было сказано ни одного слова, потому что глухой ихъ не слыхалъ; или, что садъ, полный душистыхъ цвѣтовъ, не благоухаетъ, потому что потерявшій обоняніе не чувствуетъ его благоуханія. Ясно, что тутъ погрѣшность въ органѣ, а не въ самомъ предметѣ.

Всѣ эти погрѣшности поэтому нужно приписать слабости и порочности людей, а не Духа Святаго. Тѣ, кто очень сильно возстаетъ противъ этого непогрѣшимаго и вѣрнаго свидѣтельства Духа, обыкновенно приводятъ въ примѣръ древнихъ гностиковъ и современныхъ сектантовъ-мистиковъ. Эта ссылка нисколько не ослабляетъ силы и вѣрности высказаннаго утвержденія. Противъ нападокъ съ этой стороны мы

выставляемъ слѣдующее положеніе, какъ бы восполняющее или поясняющее предыдущее: *Божественныя, внутреннія откровенія, которыя мы признаемъ необходимыми для основанія истинной вѣры, не противорѣчатъ и не могутъ противорѣчить, какъ свидѣтельству Писанія, такъ и ученію святоотеческому.*

Если же кто-нибудь, опираясь на приведенные только что примѣры, построить такое умозаключеніе: *такъ какъ нѣкоторые злые и безбожные люди совершали злыя дѣянія и нечестиво утверждали, что были водимы въ этихъ дѣлахъ Духомъ Божиимъ, то, поэтому, никто не долженъ опираться на Духа Божія и искать Его водительства,*—если, повторяемъ, кто сдѣлаетъ такое заключеніе, тотъ будетъ утверждать очевидную нелѣпость. Признаніе такого вывода сдѣлало бы ненадежной всякую *вѣру въ Бога* и сомнительной надежду на спасеніе: *христіанство* отдано было бы въ жертву *скептицизму*. Нелѣпость вывода можетъ быть показана изъ слѣдующихъ умозаключеній, построенныхъ на такомъ же основаніи:

Такъ какъ Ева была обманута *ложью змія*,
То она не должна была вѣрить *объщанію Бога*.

Такъ какъ древній міръ былъ обольщенъ *злыми духами*.
То ни Ной, ни Авраамъ, ни Моисей не должны были полагаться на *Духа Господня*.

Такъ какъ *духъ лжи* говорилъ чрезъ 400 пророковъ, которые убѣдили Ахава выстроить и сражаться у Рамы Гилеадской,
То и свидѣтельству *истиннаго Духа* въ Михеѣ было ненадежно и опасно слѣдовать.

Такъ какъ *обольщающіе духи* вкрались въ древнюю церковь,
То, поэтому, нехорошо и ненадежно слѣдовать *помазанію*, которое „*научаетъ всему*“, которое *истинно и неложно*.

Кто рѣшится утверждать неизбѣжность подобныхъ выводовъ? *)

*) Еще разъ приведемъ слова преп. Серафима изъ той же знаменательной бесѣды его съ Н. А. Мотовиловымъ: «Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во снѣ видѣли и не въ мечтаніи, и не въ изступленіи воображенія разстроеннаго, а истинно, въявѣ. Очень ужъ мы стали невнимательны къ дѣлу нашего спасенія... Не ищемъ благодати Божіей, не допускаемъ ей по гордости ума нашего вселяться въ души наши, и потому не имѣемъ истиннаго просвѣщенія отъ Господа, посылаемаго въ сердца людей, всѣмъ сердцемъ алчущихъ и жаждущихъ правды Божіей».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ изъ всего сказаннаго относительно обѣтованія І. Христа о Духѣ Святомъ слѣдуетъ, что христіане всегда должны быть водимы внутренно и непосредственно Духомъ Божіимъ, пребывающимъ въ нихъ. Эту истину во всѣ вѣка исповѣдывала и проповѣдывала Церковь. Повторимъ сказанное въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ.

Обѣтованія Господа Христа Своимъ чадамъ были *Ей* и *Аминь*: они неизмѣнны и необходимо должны исполниться.

А такъ какъ Господь Іисусъ обѣщаль, что *Утѣшитель*, *Духъ Святой*, *Духъ истины* пребудетъ съ Его дѣтьми вѣчно, останется съ ними, будетъ въ нихъ, направить ихъ на всякую истину, научить ихъ всему и напомнить имъ все,

То *Утѣшитель*, *Духъ Святой*, *Духъ истины* и пребываетъ съ чадами Божіими, и направляетъ и научаетъ ихъ всему, обитая въ нихъ.

Опять: *Кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его*, т. е. не сынъ, не другъ, и не ученикъ Христовъ.

А такъ какъ каждый истинный христіанинъ есть *сынъ*, *другъ* и *ученикъ* Христа,

То каждый истинный христіанинъ имѣетъ Духа Христова.

Еще: Кто является храмомъ *Духа Святаго*, въ томъ живетъ и пребываетъ Духъ Божій.

А такъ какъ каждый истинный христіанинъ есть храмъ *Духа Святаго*,

То въ каждомъ истинномъ христіанинѣ живетъ и пребываетъ Духъ Божій.

Наконецъ: Въ томъ, въ комъ живетъ Духъ Божій, Онъ не безгласенъ, не бездѣйственъ и не бесполезенъ, но движеть, дѣйствуетъ, направляетъ, наставляетъ и учитъ всему, что только нужно ему знать: дѣйствительно напоминаетъ ему все.

А такъ какъ Духъ Божій живетъ въ каждомъ истинномъ христіанинѣ,

То, поэтому, Духъ Божій водить, наставляетъ и учитъ cadaго истиннаго христіанина всему, что нужно ему знать.

Новозавѣтное ученіе о Церкви*).

Церковью ап. Павелъ именуеть „новую тварь“, новое чело-вѣчество, живущее по любви Христовой и это чело-вѣче-ство онъ ставить въ тѣсное отношеніе съ Самимъ Христомъ. Церковь Апостолъ называетъ „*тѣломъ*“, а уже самое это названіе напоминаетъ о главѣ. Глава Церкви — Христось (Еф. 1, 22; 4, 15, 5, 23. Кол. 1, 18). Въ посланіи къ ефеса-намъ Апостолъ ведеть торжественную рѣчь, въ которой изо-бражаетъ величіе Христа. Богъ воскресилъ Его изъ мерт-выхъ и посадилъ одесную Себя на небесахъ, превыше вся-каго начальства и власти, и силы и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ буду-щемъ, и все покорилъ подъ ноги Его и поставилъ Его выше всего, главою Церкви, которая есть тѣло Его (Еф. 1, 19—23). Такого Главу далъ Богъ Церкви! „О, и Церковь куда Онъ возвелъ! Какъ бы нѣкоторою машиною поднявши ее, Онъ возвелъ ее на высоту великую, и посадилъ ее на томъ же престолѣ, потомучто гдѣ глава, тамъ и тѣло“ (св. Іоаннъ Златоустъ. На посл. къ Еф. бес. 3, 2. Творенія, т. 11, стр. 26). „Что значить выше всѣхъ? — спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ. Или—что Христось выше всего видимаго и со-зерцаемаго умомъ, или—что высшее изъ всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ имъ, то, что Сына Своего содѣлалъ главою“. „Возвысилъ Богъ чело-вѣчество въ лицѣ Спасителя; но выше всего то, что Онъ далъ Его во главу Церкви. Все Ему по-корено, но главою Онъ есть только Церкви. Минуя всѣ дру-гія твари, Богъ содѣлалъ Его главою только Церкви, ввелъ въ живой союзъ только съ Церковью“ (Еп. Теофанъ). Тол-кованіе посл. къ Ефес., стр. 122).

Итакъ, новое бытіе, составляющее какъ-бы одинъ орга-низмъ возглавляется Христомъ. Здѣсь у ап. Павла ученіе о

*) Окончаніе. См. „Гол. Церкви“ м. мартъ—стр. 79—103.

Церкви соприкасается съ ученіемъ о Лицѣ Господа Иисуса Христа, экклезіологія ставится въ связь съ сотериологіей. Христось есть новый Адамъ спасеннаго человѣчества (1 Кор. 15, 22. 45. Срвн. Рим. 5, 14. 17—19. 21), составляющаго Церковь, — Спаситель тѣла (Еф. 5, 23). Новочеловѣчество или Церковь стоитъ въ особенно тѣсной связи со своимъ Главой, что Апостолъ какъ-бы повторяетъ два раза подрядъ. Онъ сказалъ, что Христось—глава Церкви, но и еще прибавляетъ, что Церковь — тѣло Христово. Въ разной формѣ выражается одна и та же мысль о тѣсной и близкой связи Христа и Церкви. Эта близость Церкви ко Христу и изображается Апостоломъ въ томъ же посланіи къ ефесянамъ. Отношеніе Церкви ко Христу Апостолъ не только уподобляетъ отношенію тѣла къ головѣ, но и добавляетъ къ словамъ: „которая есть тѣло Его“—полнота (*πλήρωμα*). Наполняющаго все во всемъ (Еф. 1, 23). Слова эти, по общему признанію экзегетовъ, весьма затруднительны для истолкованія (См. *проф. Д. И. Богдашевскій. Посланіе св. ап. Павла къ Ефесянамъ*, стр. 330). Ясно, что этими словами Апостолъ желаетъ какъ бы усилить свою рѣчь о близости Христа и Церкви. „Чтобы ты, услышавъ слово „главу“, не принялъ его въ значеніи только власти, но въ смыслѣ собственномъ, не счелъ Его только начальникомъ, но видѣлъ въ немъ какъ-бы тѣлесную (дѣйствительную) главу, (апостолъ) прибавляетъ: исполненіе исполняющаго всяческаго во всѣхъ. Онъ считаетъ какъ-бы недостаточнымъ (названіе главы для того), чтобы показать родство и близость Церкви ко Христу (*св. Іоаннъ Златоустъ. На посл. къ Ефес. бес. 3, 2. Творенія, т. 11, стр. 26. Повторяетъ это и Икуменій. Migne, PG., t. 118, col. 1185 c.*). Для надлежащаго пониманія приведенныхъ словъ Апостола прежде всего необходимо опредѣлить значеніе *πλήρωμα*. Только что предъ этими словами Апостолъ говорилъ о Церкви, а потому и подъ *τὸ πλήρωμα* (полнота) естественно разумѣть Церковь. Но въ какомъ смыслѣ понимать самое слово *τὸ πλήρωμα*? Имѣетъ-ли оно здѣсь активное значеніе, или значеніе пассивное? Если слово *τὸ πλήρωμα* понять въ смыслѣ активномъ, то получается мысль, что Церковь дополняетъ Христа, Церковь—восполненіе Христа, наполняющаго все во всемъ. Эту именно мысль въ словахъ Апостола и находитъ св. Іоаннъ Злато-

усть. „Церковь, говорить, есть исполнение Христа, точно так же, какъ голову дополняетъ тѣло и тѣло дополняется головою. Видишь, какъ Апостоль представляетъ, что для Христа, какъ главы, нужны всѣ вообще члены, потомучто если-бы многіе изъ насъ не были — одинъ рукой, другой — ногой, третій инымъ какимъ-либо членомъ, то тѣло Его было-бы не полно. Итакъ тѣло Его составляется изъ всѣхъ членовъ. И значить: тогда только исполнится глава, тогда устроится современное тѣло, когда всѣ мы будемъ соединены и скрѣплены самымъ прочнымъ образомъ“. (На посл. къ Ефес. бес. 3, 2. Творенія, т. 11, стр. 26—27). Толкованіе Златоуста повторяетъ Икуменій (Migne, PG., t. 118, col. 1185 c) и блаж. Теофилактъ, при чемъ блаж. Теофилактъ поясняетъ мысль Златоуста слѣдующимъ образомъ: „Христось восполняется и какъ бы завершается всѣми членами въ лицѣ всѣхъ вѣрующихъ: восполняется какъ-бы рукою въ лицѣ милостиваго человѣка и инымъ способомъ помогающаго слабымъ, — какъ бы восполняется ногою въ лицѣ человѣка, принимающаго путешествіе ради проповѣди и призрѣвающаго своихъ братьевъ и инымъ членомъ восполняется въ другомъ вѣрующемъ“. (Толкованіе на посл. къ Ефес. Казань. 1881, стр. 93—94). У блаж. Иеронима та же мысль получаетъ болѣе грубое выраженіе — разумѣется количественное увеличеніе тѣла Христова — Церкви: „Онъ не сказалъ: „Который исполняетъ все во всѣхъ“, а сказалъ. Который исполняется всѣмъ во всѣхъ. Вѣдь иное значить *исполнять*, а иное — *исполняться*, потомучто въ одномъ случаѣ оно обозначаетъ дѣйствующаго, а во второмъ — подвергающагося дѣйствию. Дѣйствительно, какъ дополняется полководецъ, когда ежедневно умножаются его войска, появляются новыя области, и возрастаетъ количество народонаселенія, такъ и Господь нашъ Иисусъ Христось Самъ исполняется во всѣхъ, въ томъ отношеніи, что все вѣруетъ въ Него, и ежедневно приходятъ къ вѣрѣ въ Него; однако такъ, что Онъ исполняется всѣмъ во всѣхъ, т. е. что вѣрующіе въ Него исполнены всѣхъ добродѣтелей и, по слову Евангелія, даютъ Ему (*faciunt eum*) усовершиться въ возрастѣ, премудрости и благодати не только у Бога, но и у людей“ (Творенія, ч. 17, стр. 250). Мысль о восполненіи Христа Церковью ясно и раздѣльно выражаетъ и преосв. Тео-

фанъ: „Церковь—исполненіе Христа, можетъ быть, подобно тому, какъ древо есть исполненіе сѣмени. Что въ сѣмени совмѣщено сокращенно, то въ полномъ развитіи является въ деревѣ... Самъ въ Себѣ Онъ полонъ и всесовершенъ; но еще не во всей полнотѣ привлечь къ себѣ человѣчество. Оно постепенно все болѣе и болѣе общится съ Нимъ, и чрезъ то какъ бы Его наполняетъ,—дѣлу Его давая приходить чрезъ сіе въ полноту исполненія“. (На посл. къ Ефес., стр. 126. 127. Сран. И. Мансветова, Новозавѣтное ученіе о Церкви, стр. 245).

Но въ опредѣленіи значенія *πλήρωμα* филологи расходятся: одни (Гарлессъ, Ольтрамаръ, отчасти Ширлицъ) допускаютъ его активное значеніе, другіе понимаютъ *πλήρωμα* исключительно въ пассивномъ смыслѣ (см. Cremer. *Biblich—theolog. Wörterbuch*, S. 878. *Богдашевскій*, цит. соч., стр. 333). При пассивномъ значеніи *πλήρωμα* смыслъ Ефес. 1, 23 будетъ тотъ, что Церковь исполнена Христомъ. „Церковью называетъ Апостоль собраніе вѣрующихъ: ее нарекъ тѣломъ Христовымъ и исполненіемъ Отчвмъ; потомучто Отець исполнилъ ее всякихъ дарованій и въ ней, по пророческому слову, живетъ и ходитъ“ (Творенія, ч. 7, стр. 422). „Все наполняется Имъ, и Онъ во всемъ“ (св. Ефремъ Сиринъ. Творенія, ч. 7, стр. 182). „Всѣ вѣрующіе составляютъ Церковь, и бывъ исполнены Богомъ, ее дѣлаютъ исполненною Имъ“ (еп. Теофанъ, стр. 124). Такое толкованіе, по мнѣнію проф. Богдашевскаго, и является наиболѣе простымъ и естественнымъ. Церковь есть полнота (*τὸ πεπληρωμένον*), или, по производному отсюда значенію,—совершенство, безусловное совершенство. Въ наименованіи Церкви полнотой (*πλήρωμα*) нужно видѣть указаніе на ея существо: она исполнена или совершенна; она есть полнота силъ Христовыхъ (Цит. соч., стр. 336). Хотя и безъ спеціальнаго разбора текста, такое же пониманіе предлагаетъ и И. Мансветовъ: „Апостоль хочетъ какъ-бы усилить свою мысль о внутреннемъ тѣснѣйшемъ общеніи Христа съ Церковію, представляя оное подъ образомъ наполненія (*πλήρωμα*) послѣдней первымъ“ (Новозавѣтное ученіе о Церкви, стр. 90—91). Нужно еще замѣтить, что мысль объ исполненіи Церкви Христомъ весьма близко соприкасается съ раннѣйшей мыслью объ исполненіи Церкви св. Духомъ, какъ это особенно ясно выражено

въ словахъ ап. Іоанна: „что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего“ (1 Іоан. 4, 13. Срвн. 3, 24).

Но если мы и примемъ второе пониманіе Ефес. 1, 23, то все же можно присоединить и мысль Златоуста, которая ничего противорѣчащаго ученію св. Павла въ себѣ не заключаетъ. Превосходно и вполне справедливо рассуждаетъ по этому поводу проф. Д. И. Богдашевскій. „Толкованіе (Златоуста) весьма глубокое по мысли, и его нельзя совершенно игнорировать, какъ явно несостоятельное. Оно со всей силой указываетъ на тѣснѣйшую связь Христа съ Церковью, ибо глава не отдѣлима отъ тѣла, а неразрывно соединена съ нимъ, и жизнь тѣла не безразлична для главы. Восполненіе, само собою разумѣется, касается не существа Христа, Который полонъ и всесовершенъ, а дѣла Христова, которое черезъ Церковь вполне осуществляется; какъ глава мыслима только при существованіи тѣла, такъ и Спаситель, Искупитель—при спасаемыхъ и искупляемыхъ“ (Цит. соч., стр. 333).

Отношеніе Христа къ Церкви ап. Павелъ изображаетъ также подъ видомъ отношеній мужа къ женѣ. Этотъ образъ былъ уже знакомъ и даже какъ бы родной ап. Павлу. Отношенія между Богомъ и еврейскимъ народомъ въ книгахъ ветхаго завѣта очень часто изображались какъ отношенія мужа и жены, и завѣтъ Бога съ народомъ Его былъ какъ бы брачнымъ союзомъ (Второз. 32, 19. Іерем. 2, 2; 3, 20. Іезек. 16, 32. Ос. 2, 2. Малах. 2, 14. Срвн. Исх. 20, 5; 34, 14. Наум. 2, 4. Цар. 10, 16; 19, 31. Псал. 77, 58; 78, 5. Иса. 9, 7 и др.). Усвоенъ этотъ образъ и въ Новомъ Завѣтѣ (2 Кор. 11, 2), особенно въ Апокалипсисѣ (19, 7. 8; 21, 2 и др.). Наболѣе подробно раскрываетъ этотъ образъ ап. Павелъ, когда говоритъ о бракѣ. Брачный союзъ по Апостолу является настолько святъ, насколько онъ есть отобразъ союза Христа съ Церковью. Поэтому каждый совѣтъ, касающійся брака, Апостолъ подтверждаетъ ссылкой на Христа и Церковь. Мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ—глава Церкви, и Онъ же Спаситель тѣла, но какъ Церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ. Мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною, посредствомъ слова, чтобы представить ее

Себѣ славною Церковью, не имѣющую пятна, или порока, или чѣго-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна. Никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣшетъ ее, какъ и Господь Церковь, потому что мы—члены Тѣла Его, отъ Плоти Его и отъ Костей Его. Тайна сія велика; я говорю по отношенію ко Христу и къ Церкви (Ефес. 5, 23—27. 28—30. 32). Здѣсь Христосъ представляется обновителемъ жизни человѣчества; Онъ освятилъ и очистилъ Церковь, Себя предаль за нее, чтобы она была чиста и непорочна. Святые отцы при толкованіи приведенныхъ словъ ап. Павла удѣляютъ даже больше вниманія отношеніямъ Христа къ Церкви, чѣмъ мужа къ женѣ. Здѣсь же ап. Павелъ цитируетъ Быт. 2, 24: оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два въ плоть едину. Эти слова многіе толкователи понимаютъ аллегорически въ приложеніи къ союзу между Христомъ и Церковью. Особенно это толкованіе было распространено тамъ, гдѣ господствовалъ аллегорическій методъ толкованія, т. е. преимущественно въ Александріи. По свидѣтельству Анастасія Синаита, весьма многіе древнѣйшіе экзегеты всю исторію шестодневнаго творенія міра истолковывали въ приложеніи ко Христу и Церкви *). Но толкованіе это нужно вообще признать весьма распространеннымъ въ литературѣ святоотеческой. „Азъ глаголю, говоритъ, во Христа, такъ какъ и Онъ, оставивши Отца, сошелъ и пришелъ къ невѣстѣ и сдѣлался единъ духъ съ ней“ (*Св. Іоаннъ Златоустъ*. На посл. къ Ефес. 20, 4. Творенія, т. 11, стр. 172. Срвн. *Икуменія*, Migne, P. S., t. 118, соч. 1245 A). Подъ человѣкомъ, такимъ образомъ, разумѣется Богочеловѣкъ, а подъ „оставленіемъ отца и матери“—воплощеніе Сына Божія на землѣ. „Самъ Христосъ, оставивъ вышняго Отца, сочетался съ Церковію. Но оставилъ только видимо, по понятію вочеловѣченія“ (*Блаж. Θεодоритъ*. Творенія, ч. 7, стр. 447). „Какъ Церковь оставила идоловъ и преданность прежней жизни: такъ и Христосъ Самъ оставилъ Отца на небесахъ и мать на землѣ, и умеръ за Церковь, которую возлюбилъ, оживотворить Своею смертію и, превознесенною, ввести ее въ

*) См. 6 фрагментъ Папія въ Die apostolischen Vater, heraufgegeben von F. X. Funk. 2-te Aufb. Tübingen 1906, S. 130.

Свое Царство“ (*Св. Ефремъ Сиринъ*. Творенія, ч. 7, стр. 196). Такое аллегорическое толкованіе Быт. 2, 24 ясно высказываетъ блаж. Иеронимъ, который разсматриваетъ это мѣсто, какъ пророчество Адама. „Не вся,—какъ многіе полагаютъ,— исторія Адама и Евы, написанная въ книгѣ бытія, легко можетъ быть относима къ Христу и Церкви, но только то, что поставлено въ настоящемъ мѣстѣ... Дѣйствительно, первый человѣкъ и первый прорицатель Адамъ предсказалъ это о Христѣ и Церкви,—именно, что Господь и Спаситель нашъ оставитъ Отца Своего, Бога, и мать Свою, небесный Иерусалимъ, и придетъ на землю ради Своего тѣла, Церкви,—Онъ создалъ ее отъ ребра Своего и ради нее Слово было плотію“ (Творенія, кн. 17, стр. 360). Конечно, толкованіе это есть лишь болѣе или менѣе послѣдовательно развитая аллегорія, не имѣющая достаточныхъ основаній въ текстѣ.

Нѣкоторые новые экзегеты хотятъ видѣть 7 ап. Павла ученіе лишь объ ожидаемомъ единеніи Христа и Церкви при парусіи. Но кромѣ очевидной ненатуральности этого толкованія, противъ него говоритъ все ученіе ап. Павла о Церкви, такъ какъ единеніе Христа и Церкви Апостолъ разсматриваетъ, какъ дѣйствительное, а не какъ ожидаемое только. Да и въ данномъ мѣстѣ посланія къ Ефесянамъ ссылка на будущее единеніе Христа съ Церковью не имѣла бы никакой убѣдительности для мужей и женъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, подъ тайной, о которой говорится въ Ефес. 5, 32, естественнѣе разумѣть бракъ мужа и жены, о чемъ была и вся предыдущая рѣчь Апостола (Срвн. *проф. Д. И. Богдановскій*, цит. соч., стр. 642), тѣмъ не менѣе тайна брака, по мысли Апостола, опирается на тайну единенія между Христомъ и Церковью. Къ тому, что апостолъ говорилъ раньше объ отношеніи Христа къ Церкви, характеризуя его какъ отношеніе главы къ тѣлу, здѣсь Апостолъ добавляетъ изображеніе постоянной заботливости Христа о Церкви, такъ что заботливость эта можетъ служить примѣромъ для мужа въ его отношеніяхъ къ женѣ.

До сихъ поръ мы изложили ученіе ап. Павла о Церкви, какъ объ общечеловѣческомъ органическомъ единеніи искупленной и возрожденной твари, возглавляемой Христомъ. Но

въ ученіи ап. Павла о Церкви мы найдемъ необходимый элементъ всякаго логическаго опредѣленія,—онъ говорить и о цѣли бытія Церкви.

Когда Апостоль говоритъ о разныхъ дарованіяхъ и служеніяхъ въ Церкви, то онъ кратко опредѣляетъ и общую цѣль бытія Церкви. Дарованія и служенія, по Апостолу, существуютъ въ Церкви къ совершенію святыхъ (*πρὸς τὸν καθαρτισμὸν τῶν ἁγίων*), для созиданія (*εἰς οἰκοδομήν* тѣла Христова (Ефес. 4, 12) *). Совершается строеніе тѣла Христова, т. е. Церкви, и строеніе это состоитъ въ совершеніи святыхъ. Подъ святыми здѣсь должно разумѣть всѣхъ христіанъ, которые здѣсь названы „святыми“ (*οἱ ἅγιος*) въ смыслѣ выдѣленности, или какъ бы освященные. Церковь со всѣми ея дарованіями и служить къ совершенію христіанъ (*πρὸς τὸν καθαρτισμὸν*). Слово *καθαρτισμός* совершеніе въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчается только однажды въ этомъ мѣстѣ и нигдѣ болѣе. Оно можетъ имѣть два значенія: 1) возставлять въ свойственное состояніе, исправлять (Срвн. Гал. 6, 1) и 2) дѣлать вообще совершеннымъ. Второе значеніе наиболѣе соотвѣтствуетъ значенію родственнаго глагола *καθαρίζω*, въ которомъ онъ чаще употребляется въ Новомъ Завѣтѣ (1 Кор. 1, 10. 2 Кор. 13, 11. Сгемер, S. 185—187). Глаголь этотъ означаетъ дѣлать совершеннымъ въ нравственномъ смыслѣ, а потому и въ Ефес. 4, 12 подъ совершеніемъ святыхъ нельзя разумѣть увеличенія ихъ численнаго, какъ это дѣлаетъ Ив. Мансветовъ (Новозав. ученіе о Церкви, стр. 102). Мысль о численномъ возрастаніи Церкви скорѣе можно видѣть въ словахъ—для созиданія тѣла Христова, гдѣ стоитъ слово *οἰκοδομή* и при истолкованіи которыхъ преосв. Теофанъ говоритъ даже о Миссіонерскомъ обществѣ (Толкованіе на посл. къ Ефес. стр. 295—296). Слѣд., въ Ефес. 4, 12 мысль такая: дарованія существующія въ Церкви и служащія ей на пользу, имѣютъ цѣлью дѣлать христіанъ совершенными въ нравственномъ отношеніи. Сюда

*) Мы соединяемъ эти два выраженія какъ двѣ параллельныя мысли, а стоящее между ними—„въ дѣло служенія“, вмѣстѣ съ большинствомъ экзегетовъ, относимъ къ „далъ“ или „поставилъ“ стиха 11-го. См. Сгемер. *Biblichtheologisches Wörterbuch*, S. 187. *Проф. Д. Богдановскій*, цит. соч., стр. 541—543.

же можно прибавить и 2 Кор. 13, 9, гдѣ употреблено родственное слово *κατάρτισις*. Апостоль говоритъ, что онъ молится о совершенствѣ (*τῇ κατάρτισιν*) коринтянъ. Здѣсь, конечно, разумѣется нравственное совершенствованіе. Ученые экзегеты и понимаютъ слово *κατάρτισμός* въ Ефес. 4 12 преимущественно въ его второмъ значеніи (См. Stemer. *Bibltheolog. Wörterbuch*, S. 187. *Проф. Д. И. Богдасевскій*, цит. соч., стр. 540). Но думается, оба значенія слова *κατάρτισμός* не исключаютъ другъ друга, если принять во вниманіе общеправославскія воззрѣнія ап. Павла. Нравственное совершенствованіе человѣка, по Апостолу, есть въ то же время и возстановленіе первобытнаго состоянія его. Во Христѣ человѣкъ снова получаетъ то, что потерялъ въ Адамѣ (Рим. 5, 12—21). Первобытное состояніе человѣка есть единственно свойственное ему, ради котораго онъ и созданъ (1 Кор. 15, 53. 2 Кор. 1, 10). Спасеніе есть освобожденіе отъ грѣха, искажившаго природу человѣка, и, такимъ образомъ, можетъ быть названо возстановленіемъ того состоянія естества человѣческаго, въ которомъ оно было до грѣхопаденія Адама, а потому понятіе нравственнаго совершенства (*κατάρτισμός* во второмъ значеніи) должно совпадать съ понятіемъ возстановленія подлиннаго свойства человѣческаго естества (первое значеніе *κατάρτισμός*).

Подробнѣе „совершеніе святыхъ“ Апостоль характеризуетъ въ дальнѣйшихъ словахъ: доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова..., дабы истинною любовью все возвращали въ Того, Который есть глава Христосъ (Ефес. 4, 13, 15). Рѣчь идетъ о Церкви, а потому подъ „всѣ“ слѣдуетъ разумѣть христіанъ, членовъ Церкви, а не всѣхъ людей вообще, какъ это дѣлаетъ блажен. Иеронимъ, который пишетъ: „Мнѣ же кажется, что онъ говоритъ о всѣхъ людяхъ“ (Творенія, ч. 17, стр. 307). Всѣ христіане въ Церкви должны достигать и постепенно достигаютъ единства вѣры и познанія Сына Божія. Не одно только теоретическое согласіе или религіозно-догматическое единомысліе должно здѣсь разумѣть. „Вѣра едина“ есть необходимое условіе принадлежности къ Церкви, но здѣсь вѣра и познаніе Сына Божія взяты Апостоломъ въ болѣе глубокомъ смыслѣ, что и видно изъ добавленія: въ мужа совершеннаго,

въ мѣру полного возраста Христова. Каждый долженъ сдѣлаться мужемъ совершеннымъ, совершеннымъ въ вѣрѣ и жизни, которая не отдѣлима отъ вѣры. „Одно познаніе Сына Божія, чтобъ и между христіанами не было разномыслія, а всѣ одинаково понимали, что есть Сынъ Божій и что дѣло спасенія, совершенное Имъ на землѣ, и то, какъ его усвоить каждый можетъ и долженъ“ (*Еп. Теофанъ*, Толков. на посл. къ Ефес., стр. 297). „Единеніе вѣры то и означаетъ, когда мы всѣ будемъ одно, когда всѣ одинаково будемъ понимать этотъ союзъ“ (*Св. Іоаннъ Златоустъ*. На посл. къ Ефес. бес. 11, 3. Творенія, т. 11, стр. 99). „Чтобы объединялись мы сообща въ вѣрѣ и владычествѣ Божіемъ“ (*Св. Ефремъ Сиринъ*, Творенія, ч. 7, стр. 191).

Слова: *въ мѣру возраста исполненія Христова*—допускаютъ двойное пониманіе: возрастъ (*ἡλικία*) можетъ означать 1) высоту, ростъ и 2) возрастъ—*aetas*. Если принять первое значеніе, то предѣлъ совершенства—высота полноты Христовой; при второмъ пониманіи—возрастъ, въ которомъ можетъ быть воспринята полнота Христова. Въ контекстѣ рѣчь идетъ о возрастахъ,—поэтому лучше принять второе толкованіе. Въ Церкви христіане должны достигнуть того моральнаго возраста, когда воспримутъ полноту Христову. Здѣсь мысль та же, что и въ словахъ Апостола о томъ, чтобы въ христіанахъ вообразился Христосъ (Гал. 4, 19. Ефес. 3, 19), чтобы всякій человѣкъ былъ совершенъ о Христѣ Іисусѣ (Кол. 1, 28). Во Христѣ обитаетъ полнота Божества (Кол. 2, 9), и кто возлюбитъ Христа и соблюдеть заповѣди Его, того возлюбитъ Отецъ, и къ нему придетъ и обитель у него сотворить (Іоан. 4, 23. Срвн. Апок. 3, 20—21). Христіане могутъ имѣть умъ Христовъ (1 Кор. 2, 16. Срвн. Рим. 11, 34), въ нихъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ (Филип. 2, 5. Срвн. Мѡ. 5, 48. Лк. 6, 36). Въ этомъ именно смыслѣ Ефес. 4, 13 дополняется Ефес. 4, 15: имѣя истинную любовь (Срвн. *проф. И. Д. Богдашевскій*, цит. соч., стр. 553—556), возрастимъ въ Него всяческая иже есть глава Христосъ. „Повелѣваетъ имѣть истинную любовь и ея возвращать богатство добродѣтели о самомъ Владыкѣ“ (*Блаж. Теодоритъ*, Творенія, ч. 7, стр. 437). „Господь нашъ сталъ нашимъ знаменемъ совершенства“ (*Св. Ефремъ Сиринъ*, Творенія, ч. 7, стр. 192); Онъ какъ бы идеальный типъ, ко-

тому мы должны быть подражателями, да достигается чрез Него мѣра возраста человѣка нашего внутренняго (Св. Ефремъ Сиринъ, Тамъ же). Безъ Христа мы не можемъ творить ничего (Іоан. 15, 5). Всѣ стороны жизни вѣрующихъ должны быть проникнуты Христомъ, Его духомъ; къ Нему, такъ сказать, онѣ должны быть возведены: Имъ одушевлены (*проф. Богдашевскій*, цит. соч., стр. 557—557). Въ Церкви христіане должны совершенствоваться, пока, „изъ себя представивъ достойное Богу жилище, возымѣютъ Его вселившимся въ себѣ. Это и есть мѣра возраста исполненія Христова“ (Еп. Теофанъ, цит. соч., стр. 298).

Апостоль Павелъ изображаетъ и тотъ процессъ, которымъ возрожденное человѣчество уподобляется Христу. Мѣста, гдѣ этотъ процессъ изображается, чуть ли не самыя непонятныя, особенно въ ихъ славянскомъ текстѣ: изъ Него же все тѣло, составляемо и счищаемо приличнѣ всяцѣмъ осязаніемъ подаенія, по дѣйству въ мѣрѣ единныя коеяждо части, возвращеніе тѣла творить въ созданіе самаго себе любви (Ефес. 4, 16). Нѣсколько понятнѣе въ русскомъ переводѣ: изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупаемое посредствомъ всякихъ взаимно-скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созданія самаго себя въ любви. Параллель въ Кол. 2, 19: а не держа главы, изъ нея же все тѣло, составы и соузы подаемо и снемлемо, растить возвращеніе Божіе. Можно сказать словами св. Іоанна Златоуста: „довольно неясно онъ (Апостоль) изложилъ свои мысли—оттого, что хотѣлъ высказать все вдругъ“ (На посл. къ Ефес. бес. 11, 3. Творенія, т. 11, стр. 100). „Только умъ, озаренный даромъ премудрости и откровенія Св. Духа, восхищенный въ созерцаніе Божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, въ премірныя сферы,—только такой свѣтозарный умъ Апостола могъ прозрѣвать въ тайну чуднаго строенія церкви. Но тогда, когда этотъ воспарившій въ горнее умъ восхотѣлъ свои выпренія созерцанія облечь въ словесную форму, чтобы повѣдать ихъ вѣкамъ, то слово оказалось безсильнымъ вмѣстить въ себѣ все богатство и полноту ихъ содержанія“ (*Мансветовъ*. Новозавѣтное ученіе о Церкви, стр. 161).

Все тѣло Церкви находится въ процессѣ; оно составляется и совокупляется, почему и поставлены формы настояща-

го времени, указывающія на дѣйствіе продолжающееся. Первое (составляемо—*συναρμολογούμενον*) относится обычно къ вещамъ, второе (считѣваемо—*συμβιβάζόμενον*)—къ лицамъ и здѣсь усиливаетъ первое. Церковь, слѣд., есть совершенствующееся единство живыхъ личностей (Срвн. *проф. Д. И. Богдашевскій*, цит. соч. стр. 560. *Мансветовъ*, цит. соч., стр. 145).

Это единеніе совершенствуется—всѣцѣмъ осязаніемъ подаенія—*διὰ πάσης ἀφῆς τῆς ἐπιχορηγίας*. Изъ многочисленныхъ толкованій этихъ словъ наиболѣе типичны два: первое можетъ быть присоединено къ русскому переводу этихъ словъ, другое—къ славянскому, поскольку каждый вѣдь переводъ есть непрѣмѣнно толкованіе. Прежде всего слѣдуетъ установить, что понимать подъ словомъ—„подаеніе“ (*ἐπιχορηγία*). Въ классическомъ греческомъ языкѣ слово *χορηγεῖν* (= *χóρος* × *ἄγειν*) означаетъ: поставлять хоръ для празднествъ. Въ Новомъ Завѣтѣ это слово встрѣчается въ такихъ выраженіяхъ: подаеніемъ Духа Иисусъ Христовъ (Филип. 1, 19), подающій вамъ Духа и совершающій между вами чудеса (Гал. 3, 5), дающій (*ὁ ἐπιχορηγῶν*) сѣмя сѣющему (2 Кор. 9, 10. Срвн. еще 2 Петр. 1, 5. 11). Такое словоупотребленіе даетъ возможность разумѣть подъ *ἐπιχορηγία* подаеніе даровъ Св. Духа, какъ понимаютъ и многіе отцы Церкви. По мысли св. Иоанна Златоуста, у Апостола рѣчь о раздаянн даровъ (На посл. къ Ефес. бес. 11, 3. Творенія, т. 11, стр. 100), даровъ Духа, добавляетъ Св. Ефремъ Сиринъ (Творенія, ч. 7, стр. 192), духовныхъ дарованій (Блаж. Θεοδορίτῃ, Творенія, ч. 7, стр. 438). По мнѣнію блаж. Θεοφιλάκτα, подаеніе—Духъ, разливаемый и подаваемый Главою (Толкованіе, стр. 132). „*Подаяніе*, пишетъ еп. Θεοφάνῃ, есть дарованіе благодати Св. Духа“ (Цит. соч., стр. 308) *. Такое пониманіе слова *ἐπιχορηγία* принимаетъ проф. Д. И. Богдашевскій (Цит. соч., стр. 560. Срвн. стр. 561 прим. 3 и 4) и Ив. Мансветовъ (Новозавѣтное уч. о Церкви, стр. 152). Такимъ пониманіемъ *ἐπιχορηγία* исключается толкованіе нѣкоторыхъ, по которому оно означаетъ взаимную помощь, поддержку членовъ Церкви другъ другомъ (См. у *Богда-*

* См. еще М. Auret. Cassiodori. Complexiones in spistulas apostolorum. Migne, P. L., t. 70, col. 1347 B.

шевскаго, цит. соч., стр. 560 прим. 3 и въ изданіи твореній Ефрема Сирина, ч. 7, стр. 192, прим. 3).

Предшествующія слова—всяцѣмъ осязаніемъ, *διὰ πάσης ἀφῆς* многіе переводятъ—черезъ всякія связи, при чемъ или подъ связью разумѣется самое подаваніе Духа Святаго, или связь мыслится условіемъ самаго этого подаванія. Но при такомъ переводѣ словъ *διὰ πάσης ἀφῆς*, кромѣ его филологическихъ недочетовъ (о чемъ см. у *проф. Богдашевскаго*, цит. соч., стр. 561-562), обыкновенно теряется установленный смыслъ термина *ἐπιχορηγία*. Такъ русскій переводъ: посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей—совершенно опускаетъ мысль, связанную со словомъ *ἐπιχορηγία*: ни о какомъ подаваніи Духа упоминанія нѣтъ. Тоже и въ переводѣ А. С. Хомякова: согласуясь и слаживаясь во всякой пребывающей связи. Въ диссертациі Ив. Мансветова, хотя и признается между прочимъ установленное значеніе слова *ἐπιχορηγία*, но авторъ даетъ и апологію русскаго перевода, такъ что отбѣнокъ мысли, сообщаемый всему стиху словомъ *ἐπιχορηγία*, совершенно пропадаетъ. Авторъ даетъ такой дословный переводъ: „посредствомъ всякой связи подаванія или сообщенія“. Потомъ дается такой перифразъ: посредствомъ всякой связи подаванія или сообщенія жизненной силы, или: посредствомъ всякой связи, подающей или сообщаемой жизненную силу“. А потомъ авторъ рассуждаетъ такъ: „Но такъ какъ жизненная сила подается посредствомъ нервовъ, которыми всѣ отдѣльные и самые малѣйшіе органы и части тѣла соединены другъ съ другомъ и съ центральнымъ органомъ: то эти нервы и могутъ быть названы связями, скрѣпляющими тѣло какъ самымъ способомъ связыванія, такъ равно и подаваніемъ жизненныхъ элементовъ всѣмъ его частямъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ новому опредѣленію связей—какъ взаимно скрѣпляющихъ, и потому можемъ удержать такой переводъ выраженія: *διὰ πάσης ἀφῆς τῆς ἐπιχορηγίας* — „посредствомъ всякихъ взаимно (или другъ друга) скрѣпляющихъ связей“. (Новозавѣтное ученіе о Церкви, стр. 150. 152—153). Ясно видно, какъ въ этихъ довольно мало послѣдовательныхъ разсужденіяхъ постепенно больше и больше слово *τῆς ἐπιχορηγίας*—подаванія вытѣсняется, пока авторъ не прихо-

дить къ тексту русскаго перевода, гдѣ на это слово нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Слово *ἀφή* нужно переводить не словомъ „связь“, а иначе. *Ἀφή* происходитъ отъ глагола *ἄπτω* и потому можетъ прежде всего означать соприкосновеніе, осязаніе, а потомъ и вообще чувство. Св. Іоаннъ Златоустъ замѣняетъ его словомъ *αἰσθησις*. „Что такое—*осязаніемъ* *подаянія*? То есть, посредствомъ ощущенія“. (На посл. къ Еф. бес. 11, 3. Творенія, т. 11, стр. 100). „Осязаніемъ нарекъ Апостоль чувство, потому что оно есть одно изъ пяти чувствъ, и частію наименовалъ онъ цѣлое“ (*Блаж. Θεοδοριτῆς*, Творенія ч. 7, стр. 438). св. Ефремъ Сиринъ также приводитъ: „черезъ всякое воспріятіе“ (Творенія, ч. 7. стр. 192). Противники такого пониманія указываютъ обыкновенно на Кол. 2, 19, гдѣ по ихъ мнѣнію, *ἀφή* никакъ не можетъ означать чувства, а скорѣе указываетъ на связь, сдѣяніе. (Такъ de Wette, *Мансветовъ*, Новозав. ученіе о Церкви, стр. 147). Но думается, и въ Кол. 2, 19, *ἀφαι* могутъ обозначать воспріятія Духа Святаго, посредствомъ которыхъ, какъ и при посредствѣ внѣшнихъ связей (*συνδέσμων*) возрастаетъ тѣло Церкви, какъ и толкуетъ блаж. Θεοδοριτῆς, который пишетъ: „тѣло Церкви отъ Владыки Христа приѣмлетъ и источники ученія и начала спасенія. А что въ тѣлѣ сочлененія, то въ составѣ Церкви Апостолы, пророки и учителя“ (Творенія, ч. 7, стр. 503—504). Но что необходимо отмѣтить, такъ это тѣстную связь въ рѣчи Апостола между возрастаніемъ Церкви и благодатными дѣйствіями Св. Духа. Этой мыслью проникнуть весь разбираемый стихъ. Кромѣ разобраннаго „подаянія“, въ Ефес. 4, 16 находимъ еще слова: при дѣйствіи въ свою мѣру cadaго члена. Въ этихъ словахъ должно видѣть повтореніе извѣстной уже намъ мысли о распредѣленіи даровъ Св. Духа между вѣрующими (Рим. 12, 6. 1 Кор. 12, 4—11), тѣмъ болѣе что объ этомъ распредѣленіи даровъ Апостоль говорилъ всего нѣсколько стиховъ выше: каждому изъ насъ дана благодать его мѣрѣ дара Христова (Ефес. 4, 7).

Такимъ образомъ, славянскій переводъ—*διά πάσης ἀφῆς τῆς ἐπιχορηγίας*—всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, при всей его неудобно, вразумительности, довольно точно передаетъ смыслъ греческаго подлинника. Въ нѣкоторыхъ древне-сла-

вянскихъ апостолахъ (напр. Императорской публичной библиотеки изъ собр. гр. О. А. Толстого № 5, Чудовской святителя Алексія, собр. Погодина № 27 и мн. др.) читаемъ: всѣмъ обличеньемъ даянья *проф. Г. А. Воскресенскій*. Древне-славянскій Апостоль, вып. 5. Сергіевъ Посадъ 1908, стр. 288—289). Въ такомъ переводѣ, на нашъ взглядъ, весьма удачно отгѣняется та мысль, что воспріятіе даровъ Св. Духа въ тоже время есть и обнаруженіе этого дарованія въ церковномъ служеніи.

До сихъ изъясненными словами апостола Павла жизнь тѣла Церкви изображается въ такомъ видѣ: все тѣло постоянно болѣе и болѣе гармонически объединяется посредствомъ воспріятія благодатныхъ даровъ Св. Духа. Эти благодатные дары Св. Духа дѣйствуютъ въ каждомъ членѣ Церкви тѣмъ или другимъ образомъ, сообразно съ его силами и способностями. Слова—по дѣйству въ мѣрѣ единия каждо части—чаще относятъ къ дальнѣйшему—возраженіе творить, но воспріятіе даровъ Св. Духа и нравственное возраженіе тѣсно связаны между собою, а потому мысль нѣсколько не измѣнится по существу, если эти слова относить и къ предшествующимъ—всяцѣмъ осязаніемъ подаенія, какъ это дѣлаетъ блаж. Феофилактъ: „Христосъ нашимъ душамъ, которыя суть Его члены, раздаетъ свои благодатные дары не просто, но въ мѣрѣ каждой части, т. е. сколько каждая въ состояніи вмѣстить“ (Толкованіе, стр. 131. срвн. св. Іоанна Златоуста на посл. къ Ефес. бес. 11, 3. Творенія, т. 11, стр. 100). Тѣло Церкви, такимъ образомъ возвращеніе самого себя творить въ созданіе себя самого въ любви. Настоящее время „творить“ указываетъ на внутренней процессъ часто. „Въ любви“ слѣдуетъ относить не къ „въ созданіе“, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые (см. у *проф. Д. И. Богдасhevскаго*, цит. соч., 564 прим. 2) Также *блаж. Іеронимъ*. Творенія, ч. 17, стр. 310), при чемъ любовь мыслится цѣлью развитія церковнаго тѣла,—а къ возвращеніе творить. Любовь не есть только отдаленная цѣль церковнаго общества, она есть основной принципъ и исходное начало жизни возрожденнаго человѣчества. Христіане—укоренены и утверждены въ любви (Ефес. 3, 18). Все совершенствованіе, возраженіе церковнаго организма обусловлено причащеніемъ отдѣльныхъ его членовъ закону любви. Христіане

утверждаются Духомъ Христовымъ во внутреннемъ чело-
вѣкѣ (Ефес. 3, 16). Процессъ возрастанія есть дѣло благо-
дати Божіей, но воспріятіе этой благодати, „осязаніе подая-
нія“ ея возможно, конечно, только при любви. Безъ любви
дарованія, полученныя извѣстнымъ членомъ, были бы без-
полезны для жизни цѣлаго тѣла, ибо этотъ членъ замыкал-
ся бы въ себя, не зналъ бы другихъ членовъ и являлся бы
обособленнымъ (срвн. *проф. Д. И. Богдашевскій*, цит. соч.,
стр. 564). Да безъ любви невозможно было бы и самое воспріятіе
даровъ Св. Духа. „Почему онъ прибавилъ въ любви?“
спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ. Потому, что этотъ даръ
не можетъ иначе сообщиться. Въ дѣлѣ, если-бы случилось
рукъ отдѣлиться отъ тѣла, духъ (истекающій) изъ головного
мозга, ища продолженія и не находя его тамъ, не срывается
съ тѣла и не переходитъ на отнятую руку, но если не най-
детъ ее тамъ, то и не сообщается ей. То же бываетъ и здѣсь,
если мы не связаны между собою любовью“. „Любовь воз-
созидаетъ, соединяетъ, сближаетъ и сопрягаетъ насъ между
собою. Итакъ, если хотимъ получить Духа отъ Главы, бу-
демъ въ союзѣ другъ съ другомъ. Есть два рода отдѣленія
отъ Церкви: одинъ, когда мы охладѣваемъ въ любви, а дру-
гой, когда осмѣливается совершать что-либо недостойное по
отношенію этому тѣлу Церкви. Въ томъ и другомъ случаѣ
мы отдѣляемся отъ цѣлаго“. (На посл. къ Ефес. бес. 11, 3.
Творенія, т. 11, стр. 101. 102). *Икуменій* также говоритъ:
„безъ любви не сошелъ бы ни на кого Св. Духъ“ *Migne*,
P. G., t. 118, col. 1224 D. Срвн. *Фотія*, P. G., t. 118, col.
1224 с.).

Воспринимая при общей взаимной любви дарованія Духа
на общую пользу, Церковь во всѣхъ своихъ членахъ дости-
гаетъ своего созиданія, т. е. своего совершенства. Процессъ
совершенствованія Церкви *блаж. Іеронимъ* уподобляетъ ро-
сту тѣла ребенка, въ которомъ „по мѣрѣ своей по частямъ
вырастаютъ всѣ члены, однако такъ, что кажутся растущи-
ми не для себя, а для тѣла.“ Совершенство же, созиданіе
Церкви *блаж. Іеронимъ* понимаетъ такъ, что „каждый членъ
будетъ совершеннымъ по мѣрѣ и служенію своему; напр.,
ангелъ отступникъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ сотворенъ,
а человѣкъ, изгнанный изъ рая, снова будетъ возстановленъ,
какъ воздѣлыватель рая“ (Творенія, ч. 17, стр. 310—311).

Вышеизложенное пониманіе Ефес. 4, 16 вполне соотвѣтствуетъ общему строю воззрѣній ап. Павла (См. проф. Н. Н. Глубоковского. Благовѣстіе св. апостола Павла по его происхожденію и существу, кн. 2. СПБ. 1910, стр. 670 и дал.) и такъ именно давнее мѣсто понимаютъ святые отцы. Св. Іоаннъ въ объясненіе толкуемаго стиха пишетъ: „Такъ какъ наши души такъ же зависимы отъ Него (Христа), какъ члены (отъ духа), то Его промышленіе и раздаваніе даровъ, сообразно съ мѣрою того или другаго члена, производятъ возвращеніе каждаго. Этотъ духъ, распредѣляющійся по членамъ отъ головы, прикасаясь къ каждому изъ нихъ, такимъ образомъ производитъ на нихъ свое дѣйствіе. Можно и такъ сказать: тѣло, воспринимая это воздѣйствіе (духа) соразмѣрно своимъ членамъ, возрастаетъ такимъ образомъ. Или иначе: члены, получая соразмѣрное себѣ воздѣйствіе (духа), возрастаютъ. Или и еще: духъ, изливаясь обильно сверху, прикасаясь ко всѣмъ членамъ и распредѣляясь по нимъ, сколько каждый изъ нихъ можетъ принять въ себя, такъ возвращаетъ“. (На посл. къ Ефес. бес. 11, 3, Творенія, т. 11, стр. 100—101). Мысли св. Іоанна Златоуста повторяетъ блаж. Теофилактъ: „Тѣло растетъ и создается чрезъ то, что подаваніе Духа касается членовъ и что Онъ дѣйствуетъ въ нихъ, или что имъ доставляетъ силу дѣйствовать“ (Толкованіе, стр. 132). Блаж. Θεодоритъ пишетъ: „Владыка Христось, составляя главу, раздѣляетъ духовныя дарованія, сочетавая члены тѣла въ единое стройное тѣло“ (Творенія, ч. 7, стр. 438). Св. Іоаннъ Дамаскинъ разсуждаетъ: „Христось преподаетъ намъ Себя Самого по домостроительству, подаетъ причастіе съ Самимъ Собою, соединяя насъ и другъ съ другомъ, почему мы имѣемъ единеніе (συναρμογήν) другъ съ другомъ какъ бы въ зданіи и почему каждый можетъ принять подаваніе Духа, возглавляющее на возрастаніе совершенства въ любви“ (In epist. S. Pauli. Opera, ed. Le Quien t. 2. Parisiis 1712, col: 187 C.—D). Вполнѣ по святоотечески толкуетъ и Преосвящ. Теофанъ: „Вѣра христіанская сочетаваетъ вѣрныхъ со Христомъ и такимъ образомъ составляетъ изъ всѣхъ единое тѣло стройное. Христось творить сіе тѣло, каждому сообщая себя и Духа благодати ему подавая дѣйственно, осязательно, такъ что сей Духъ благодати, сходя на каждаго дѣлаетъ его тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть въ

тѣлѣ Церкви Христовой. Тѣло Христово, стройно сочетаваясь такимъ подаваніемъ Духа, растетъ затѣмъ въ себѣ, по той мѣрѣ, въ какой каждый членъ отвѣчаетъ своему назначенію или дѣйствуетъ во благо Церкви всею полнотою полученнаго дара благодати“ (Толкованіе на посл. къ Ефес., стр. 307).

Окидывая общимъ взглядомъ кратко изложенное ученіе апостола Павла о Церкви, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ разобранныхъ мѣстахъ его посланій онъ имѣетъ въ виду единую Церковь Христову. Церковь изображаетъ онъ подъ видомъ тѣла Христова. Конечно, здѣсь не можетъ быть и мысли о томъ, что подъ Церковью Апостоль разумѣетъ частную христіанскую общину. Въ одно тѣло, въ одного новаго человѣка возсозданы Христомъ и іудеи, и язычники. Два міра сливаются въ Церкви во едино. Ясно, что мысль Апостола охватываетъ болѣе широкіе горизонты, нежели отдѣльная христіанская община. О томъ же единствѣ, мыслимомъ въ понятіи ап. Павла о Церкви, говоритъ и уподобленіе брачнаго союза мужа и жены союзу Христа съ Церковью. Подъ этимъ образомъ Христовой невѣсты можетъ быть разумѣема только единая Церковь Христова. Относительно Ефес. 5, 32: во Христа и во Церковь—I. Meritan замѣчаетъ: „Весьма трудно подразумѣвать частную Церковь подъ тѣмъ, что Апостоль, кажется, относитъ къ христіанскому обществу, разсматриваемому въ его совокупности“ (Revue biblique, t. 7, 1898. p. 354. Схг, pp. 356. 357. 361—362. 368). Въ заключеніе своего анализа ученія ап. Павла о Церкви тотъ же Meritan говоритъ: „каеоличность и единство—вотъ два великихъ экклезіологическихъ положенія посланія къ ефесянамъ“ (Ibidem, p. 369).

Должно думать, что Апостоль эту идею единой Церкви всегда внѣдрялъ въ сознаніе тѣхъ многочисленныхъ христіанскихъ общинъ, которыя онъ во множествѣ основалъ, распространяя благовѣствованіе Христово отъ Іерусалима до Иллирика (Рим. 15, 19—20). Усвоивая ученіе Апостола о Церкви, христіанинъ необходимо долженъ быть мыслить себя членомъ единой Христовой Церкви. Gustav Hoennicke утверждаетъ, что богословіе Павла для немногихъ было понятно. Часто только рабски воспринимали слова Апостола, которыхъ правильно не понимали. А потому идеи ап. Павла въ

послѣдующее время оказывали незначительное вліяніе на религиозное сознание христіанскихъ общинъ (*Das Indenchristentum*, s. 242). Но для ученія о Церкви во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать исключеніе; по крайней мѣрѣ идея единой всеобъемлющей Церкви могла быть вполне доступна всякому. „Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна“. Членъ церкви Коринѣской не могъ понимать этихъ словъ Апостола въ томъ смыслѣ, что только члену своей мѣстной церкви онъ не можетъ сказать: ты мнѣ не нуженъ. Членъ тѣла Христова—всякій вѣрующій, гдѣ бы онъ ни находился; каждый коринѣянинъ и всякому ефесянину или римлянину также по мысли Апостола не могъ сказать: ты мнѣ не нуженъ. Идея единства Церкви должна была господствовать во всѣхъ христіанскихъ общинахъ. „Единая Церковь была однимъ изъ первыхъ и основныхъ понятій христіанства“ (*В. Н. Мышцынъ. Устройство христіанской Церкви въ первые два вѣка*, стр. 429). Но эта идея единства Церкви была ли только идеей, въ которую вѣровали, или она какъ-нибудь выражалась и во внѣ? Можно, конечно, согласиться съ тѣми учеными изслѣдователями, которые говорятъ, что идея единого религиознаго общества не была еще осуществлена въ дѣйствительности. „Если мы, говоритъ Адольфъ Гарнакъ, сравнимъ Церковь середины 3-го вѣка съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находилось христіанство на 150—200 лѣтъ раньше, то мы найдемъ, что теперь дѣйствительно есть религиозное общество, между тѣмъ какъ раньше были только общины, которыя вѣровали въ небесную Церковь, земнымъ образомъ которой они были, стремились дать ей нѣкоторое выраженіе кое-какими простыми средствами и какъ странники и пришельцы жили на землѣ въ будущемъ“ (*Lehrbuch der Dogmengeschichte. 4-te Auxl. I-er Bd. Tübungen 1909, S. 52*). Почти то же говоритъ Kostlin: „Каждая отдѣльная община должна была мыслить себя духовно соединенной со всѣмъ христіанствомъ и стремиться представить это единеніе выраженнымъ во внѣ (*Das Wesen der Kirche nach Lehre und Geschichte des Neuen Testamenetes. 2 te Auxl. Gotha 1872, S. 90*). „Союзъ, который отдѣльныя христіанскія общины связывалъ между собою, былъ по смерти апостоловъ былъ только союзомъ общей вѣры, сознаниемъ общаго объединенія подъ единымъ Главою и свободнымъ живымъ

общеніемъ между ними; закономѣрной организаціи, которая бы ихъ смыкала и объединяла вѣшне, еще не было“ (D. Thomasius. Die Dogmengeschichte der alten Kirche. 2-te Aufl. Erlangen 1886, S. 28. Схр. S. 103). „Ни въ I-мъ, ни даже до конца II вѣка не существовало никакихъ нормъ общеперковной правовой организаціи, не существовало ни соборовъ, ни приматства, которые имѣли бы обязательную силу для отдѣльныхъ церквей. Всѣ частныя церкви были независимы другъ отъ друга и представляли собой совершенно самостоятельныя въ правовомъ отношеніи единицы“ *). Однако приведенныя мнѣнія можно принимать лишь съ значительными оговорками. То, конечно, правда, что христіанство начинало не съ правовыхъ нормъ. Апостолы, оспывая новую христіанскую общину, не предлагали прежде всего проектъ организаціи и уставъ, который опредѣлялъ отношенія общинъ между собою. Дѣло Самого Христа было несравненно глубже: Онъ принесъ для людей новую жизнь, пересозданіе человѣческаго естества. Поэтому то въ Его ученіи и трудно находить какія-нибудь указанія для практическаго устроенія жизни. Въ посланіяхъ апостольскихъ хотя и есть нѣкоторыя указанія на житейскія дѣла вѣрующихъ, но указанія эти случайны, отрывочны и нигдѣ не составляютъ главнаго предмета апостольскихъ работъ. Св. Апостолы имѣли дѣло съ наученіемъ вѣрующихъ, съ возрожденіемъ іудеевъ и эллиновъ въ новаго человѣка (См. Дѣян. 6, 2: не хорошо намъ, оставивши слово Божіе, пещись о трапезахъ). Но всякая новая жизнь, являющаяся на землѣ, какія бы начала ни лежали въ ея основѣ, непремѣнно принимаетъ тѣ или другія вѣшнія формы. Анархизмъ всегда и вездѣ былъ только мечтой. Христіанство—„въ мірѣ“, и оно было бы какимъ-то совершенно непонятнымъ чудомъ, если бы сразу сводило небо на землю. „Крайніе протестанты всегда желали и желаютъ видѣть христіанство, чуждое всякихъ формъ. Но существуетъ ли такого рода христіанство, да и можетъ ли существовать? Безъ сомнѣнія, таково будетъ хри-

*) В. Н. Мышцынъ. Устройство христіанской Церкви, стр. 430. А. Н а г а с к. Entstehung und Entwicklung der Kirchenuertassung und des Kirchrechts. S. 35. Friedrich Loofs. Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte. 4-te Aufl. Halle 1906. § 12, 1. SS. 79—80.

стіанство въ раю небесномъ“ *). Такъ какъ христіанство начинало не съ формъ, а съ внутренняго содержанія жизни, то и вполнѣ понятно, что на первыхъ порахъ внѣшняя организація была малозамѣтна. Сказанное относится ко всей совокупности христіанской Церкви. Отдѣльныя общины, конечно, должны были имѣть внѣшнее устройство съ самага начала. Однако и идея единой Церкви выражалась во внѣ. Недоставало внѣшняго праваго единенія, но было внутреннее нравственное единеніе и единая Церковь не была идеей только, а самымъ реальнымъ фактомъ. Вѣдь когда ап. Павелъ говоритъ, что онъ гналъ Церковь Божию (Гал. 1, 13. 1 Кор. 15, 9), онъ разумѣлъ, конечно, всю Церковь и эта единая Церковь предносилась предъ нимъ какъ живая реальность, такъ что онъ находилъ возможнымъ ставить ее наравнѣ съ такими опредѣленными величинами, какъ греки или іудеи (1 Кор. 11, 32. Cfr. P. Vatiffol, *L'église naissante et le catholicisme*. p.p. 90—91).

Въ нѣкоторыхъ формахъ эта реальность Церкви выражалась и во внѣ.

Сами Апостолы не имѣли, конечно, какихъ-нибудь юридическихъ правомочій, но они имѣли моральный авторитетъ, какъ апостолы Господи. Они были свидѣтелями земной жизни Господа Иисуса Христа (Дѣян. 1, 21—22), Который и Самъ назвалъ ихъ Апостолами (Лук. 6, 13). Отсюда ихъ высокій авторитетъ въ Церкви. Отвергающій Апостоловъ—отвергаетъ Христа, а потому христіане должны были прибывать въ ученіи (Дѣян. 2, 42). Апостоловъ. Мы видимъ, что Апостолы иногда дѣйствуютъ вмѣстѣ (Дѣян. 6, 2; 15); вообще поддерживаютъ единеніе между собою (Гал. 1, 18; 2, 9). Двѣнадцать апостоловъ пользовались особеннымъ авторитетомъ и были первымъ органомъ, объединявшимъ Церковь. „Единеніе частныхъ церквей еще яснѣе выражалось въ безпрекословномъ повиновеніи всѣхъ однимъ общимъ своимъ наставникамъ-апостоламъ. Впрочемъ, это не было слѣдствіемъ какого-либо насилія и принужденія, по дѣйствіемъ кроткаго духа и несомнѣнной ихъ увѣренности

*) Проф. А. И. Лебедевъ. „Сущность христіанства“ по изображенію церковнаго историка Адольфа Гарнака. „Богословскій Вѣстникъ“. 1901, т. 3, стр. 437. Cfr. A. Loisy. *L'évangile et l'église*. p.p. 136—137. 146.

въ Божественномъ назначеніи ихъ служенія. Къ чему было принуждать, когда тотъ самъ себя назвалъ, дѣлалъ несчастнымъ и достойнымъ сожалѣнія и слезъ, кто отъ сего единенія уклонялся или въ наказаніе за грѣхи былъ отлучаемъ“ (*А. В. Горскій. Исторія евангельская и Церкви Апостольской. Изд. 2. Свято-Троицкая Сергіева Ллвра 1902, стр. 438*). Впослѣдствіи харизматики, о которыхъ мы узнаемъ изъ „Ученія двѣнадцати апостоловъ“ тоже были какъ бы первымъ, соединяющимъ отдѣльныя христіанскія общины. „Во вселенскомъ учительствѣ раздробленныя по огромному пространству христіанскія общины имѣли единственную прочную связь и основу союза. Эти апостолы и пророки, переходившіе съ мѣста на мѣсто и вездѣ принимаемые съ глубокимъ почетомъ,—они только могутъ объяснить, почему развитіе общинъ въ различныхъ провинціяхъ, несмотря на мѣстныя особенности условій, все-таки въ своемъ процессѣ обнаруживаютъ извѣстную мѣру однообразія“ *).

Дѣятельность ап. Павла явно показываетъ, что апостоль не только проповѣдывалъ устно и письменно идею единой Церкви, но и старался объединять отдѣльныя общины другъ съ другомъ. Всѣ церкви, основанныя апостоломъ Павломъ, были объединены уже тѣмъ, что основаны были однимъ человекомъ; ихъ основатель, ап. Павелъ, былъ для нихъ какъ бы общимъ связующимъ центромъ. Отъ лица одной церкви ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ шлетъ обыкновенно привѣтствія другимъ, присоединяетъ привѣтствія и отдѣльныхъ лицъ (Рим. 16, 16. 21—23; 1 Кор. 16, 19—20; 2 Кор. 13, 12; Филип. 4, 22; Кол. 4, 10—12. 14—15). Подобныя привѣтствія находимъ и въ соборныхъ посланіяхъ (1 Петр. 5, 13. 3 Иоан. 15). Посланія ап. Павла даютъ извѣстіе и о томъ, что между общинами былъ обмѣнъ апостольскими посланіями; этотъ обмѣнъ апостоль въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ-бы узаконяетъ (Кол. 4, 16), такъ что каждое почти его посланіе было окружнымъ и извѣстно было въ

* *Проф. А. А. Спасскій. Примѣчаніе къ переводу книги Гарнака. Религиозно-нравственныя основы христіанства въ историческомъ ихъ выраженіи. Харьковъ, 1907, стр. 215. Схг. Thomasius. Die Dogmengeschichte, S. 28. Prolegomena Гарнака къ изданію Δδαχῆ, въ Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, herausgeg. von Oscar von Gehardt und Adolf Harnack. II, 1. Leipzig. 1884, S.S. 103, 104, 105, 112.*

разныхъ церквамъ (2 Петр. 3, 15—16). О томъ же взаимобмѣнѣ свидѣтельствуемъ и посланіе ап. Петра, написанное пришельцамъ, разсѣяннымъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Вифиніи (1 Петр. 1, 1). Въ посланіяхъ ап. Павла встрѣчаемъ такіа выраженія: такъ я повелѣваю по всѣмъ церквамъ, такъ бываетъ во всѣхъ церквахъ у святыхъ (1 Кор. 7, 17; 14, 33). Онъ посылаетъ къ коринѳянамъ Тимофея, чтобы онъ напомнилъ имъ о путяхъ во Христѣ, какъ онъ (Павелъ) учитъ вездѣ, во всякой церкви (1 Кор. 4, 17). Солуняны Апостоль называетъ подражателями церквамъ Божиимъ во Христѣ Исусѣ, находящимся во Іудеѣ (1 Сол. 2, 14), о римлянахъ пишетъ, что вѣра ихъ возвѣщается во всемъ мірѣ (Рим. 1, 8). Вся исторія ап. Павла показываетъ, какъ настойчиво стремился онъ къ объединенію разсѣянныхъ по вселенной отдѣльныхъ церквей. Онъ всегда вдохновленъ идеей единой Церкви, которую и желаетъ видѣть осуществленной (С. Weizsäcker. Das apostolische Zeitalter, s. 598. Str. G. Hoernicke. Das Judenchristentum. s. 251). Вновь основанныя церкви Апостоль мыслить тѣсно связанными не только между собой, но и преимущественно съ древнѣйшей церковью Іерусалимской. Если язычники объединились съ іудеями въ духовномъ, то должны послужить имъ и въ тѣлесномъ (Рим. 15, 27). Но особенно замѣчательны тѣ мѣста посланій ап. Павла, гдѣ говорится о существованіи даже матеріальныхъ вспомоствованій между христіанскими общинами. Такое матеріальное общеніе (*κοινωνία*) было какъ-бы нѣкоторымъ установленіемъ; вопросъ объ этомъ вспомоствованіи возникалъ при самомъ основаніи новыхъ общинъ, какъ можно видѣть изъ Гал. 2, 9—10: Іаковъ и Киѳа и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, только чтобы мы помнили нищихъ, что и старался я исполнить въ точности. И дѣйствительно, съ фактомъ благотворенія и взаимной помощи между церквами мы встрѣчаемся многократно (1 Кор. 16, 1—4. 2 Кор. 8, 11—19. Рим. 12, 13). У Апостола находимъ даже указаніе на упорядоченіе сборовъ милостыни; онъ по разнымъ церквамъ заводитъ одинаковые порядки въ сборѣ милостыни (2 Кор. 8, 1—4. 19—21; 9, 1—5. 12. Филип. 4, 10—12. 15. 18; Рим. 15, 25—28. Дѣян. 11, 27—30). Ап. Павелъ постоянно желаетъ

несомнѣннаго признанія своей миссіонерской дѣятельности со стороны церкви іерусалимской (Дѣян. 21, 19 слл.) и старается собрать для нея на разныхъ мѣстахъ своего благовѣствованія пожертвованія, причемъ пожертвованія въ пользу іерусалимской церкви со стороны христіанъ изъ язычниковъ Апостоль считаетъ даже какъ бы ихъ долгомъ (Рим. 15, 27).

Наконецъ, мы должны также отмѣтить, что на самыхъ первыхъ порахъ христіанской жизни имѣетъ мѣсто такъ называемый апостольскій соборъ. Павелъ и Варнава, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, идутъ изъ Антохіи къ Апостоламъ и пресвитерамъ въ Іерусалимъ для разрѣшенія недоумѣній, возбужденныхъ нѣкоторыми пришедшими изъ Іудеи. Апостолы и пресвитеры со всею церковью разсудили, избравши изъ среды себя мужей, послать ихъ въ Антіохію съ Павломъ и Варнавою, именно: Іуду, прозываемаго Варсявою, и Силу, мужей начальствующихъ (ἡγουμένων) между братьями, написавши и вручивши имъ слѣдующее: Апостолы и пресвитеры и братія находящимся въ Антіохіи, Сиріи и Киликіи братіямъ изъ язычниковъ и т. д. (Дѣян. 15, 1—31). Какъ смотрѣть на фактъ этого собора? Имѣлъ ли апостольскій соборъ какой-нибудь юридическій авторитетъ? Собирался ли онъ по какому-либо ранѣе составленному уставу? Очевидно, нѣтъ. Однако же соборъ рѣшаетъ вопросъ, возникшій въ Антіохіи, и отправляетъ посланіе къ христіанамъ Антіохіи, Сиріи и Киликіи. Отношенія между церквами не регламентированы, но эти отношенія были. Церкви проникнуты были сознаниемъ своего соборнаго единства въ Церкви Христовой и это сознание при первомъ представившемся случаѣ вылилось въ опредѣленную форму именно собора.

Вполнѣ понятно, что сношенія были особенно часты и даже регулярны въ церквахъ сосѣднихъ, такъ что какъ-бы намѣчались группы церквей. Это видно уже и изъ привѣтствій апостола Павла. Въ посланіяхъ къ коринтеянамъ онъ шлетъ привѣтствіе и благословеніе всѣмъ святымъ по всей Ахаіи (2 Кор. 1, 1) и отъ всѣхъ церквей Асійскихъ (1 Кор. 16, 19). Говоритъ Апостоль и о братьяхъ по всей Македоніи (1 Сол. 4, 10) и о церквахъ галатійскихъ (1 Кор. 11, 1).

Протестантскіе ученые изслѣдователи особенно подчерки-

вають обособленность и полную самостоятельность отдѣльныхъ христіанскихъ общинъ, но нужно ли такъ настойчиво говорить о самостоятельности такъ настойчиво говорить о самостоятельности тамъ, гдѣ никто этой самостоятельности не ставилъ во главу своихъ религіозныхъ упованій. Религіознымъ упованіемъ была единая соборная Христова Церковь, единое церковное тѣло. При основаніи общины едва-ли и поднимался вопросъ о самостоятельности общины, о формѣ и нормѣ ея отношеній къ другимъ общинамъ, о порядкѣ управленія и т. под. Напротивъ, съ самаго начала всякая новая христіанская община становилась въ самыя тѣсныя отношенія къ другимъ, ранѣе основаннымъ, общинамъ. Не о самостоятельности общинъ, какъ мы уже видѣли, заботился ап. Павелъ, а о неразрывной связи ихъ съ церковью іерусалимской. Разрывъ между христіанами изъ язычниковъ и изъ іудеевъ Апостоль мыслилъ величайшимъ несчастіемъ, которое онъ всячески старался предовратить (Str. C. Weizsäcker Das apostolische Leitalter. SS. 597—599). Въ міръ вступала не организація, подобная организаціи государственной, но новый принципъ духовной жизни, принципъ любви, изливаемой на человѣчество Духомъ Святымъ. А при такомъ принципѣ жизни каждый другъ друга считаетъ выше себя и не стремится прежде всего къ охраненію своей независимости и личной самостоятельности. Такъ и нужно представлять взаимныя отношенія между христіанскими общинами апостольскаго времени. Протестантскіе ученые изслѣдователи, по нашему мнѣнію, гораздо больше заботятся о самостоятельности древле-христіанскихъ общинъ, чѣмъ заботились объ этомъ онѣ сами.

Въ начальный періодъ мужей апостольскихъ общеніе между церквами никогда не прекращалось. Приведемъ нѣкоторые факты. Еще въ первомъ вѣкѣ Климентъ, епископъ Римскій, пишетъ отъ лица всей римской церкви посланіе въ Коринѣвъ, гдѣ произошли нѣкоторые безпорядки. Разумѣется, никакихъ юридическихъ основаній, заключенныхъ въ какомъ-нибудь церковномъ кодексѣ правилъ, ни Климентъ, ни римская церковь не имѣли, но христіанская жизнь, жизнь Церкви Христовой никогда не идетъ по пути лишь юридическому. Посланіе Климента, какъ сообщаетъ церковный историкъ Евсевій Кесарійскій пользовалось боль-

шимъ уваженіемъ не только въ Коринѣѣ, но и въ сосѣднихъ церквахъ: его читали даже всенародно (Церк. Исторія, кн. 3, гл. 16, 2). Поликарпъ, епископъ Смирнскій, пишетъ посланіе въ Филиппы. Игнатій Антіохійскій, на пути изъ Сиріи въ Римъ, своими устными бесѣдами и наставленіями укрѣплялъ въ вѣрѣ и оберегалъ отъ еретиковъ христіанъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые проходилъ (Евсевія Церк. Исторія, кн. 3, гл. 36). Нужно было-бы выписывать значительную часть посланій св. Игнатія, если-бы мы хотѣли характеризовать сношенія и тѣсную взаимную связь христіанскихъ общинъ того времени. Въ посланіи къ филладельфійцамъ, смирнянамъ и къ Поликарпу св. Игнатій совѣтуетъ имъ, напр., отправить посла въ Антіохію по поводу прекращенія тамъ гоненій, чтобы сорадоваться въ общемъ собраніи (къ Филад. гл. 10, 1), чтобы онъ прославилъ тамъ неослабную любовь къ славѣ Божіей (къ Полик. гл. 7, 2. Къ Смирн. гл. 11, 2) и поздравилъ ихъ съ тою радостью, что у нихъ водворился миръ, возвратилось ихъ величіе и возстановилось ихъ малое тѣло — *σωματεῖον* (къ Смирн. гл. 11, 2. 3). А Поликарпу Игнатій пишетъ: „такъ какъ я... не могъ написать по всѣмъ церквамъ, то къ ближайшимъ церквамъ напишешь ты, какъ знающій волю Божію, чтобы и они сдѣлали то же самое. Кто можетъ, послали-бы нарочныхъ, а другія—письма чрезъ посланныхъ тобою“ (гл. 8, 1). А объ обмѣнѣ писаніями выразительно свидѣтельствуетъ посланіе Поликарпа. „Вы и Игнатій, говоритъ Поликарпъ, писали ко мнѣ, чтобы, если кто пойдетъ въ Сирію, отнесъ ваши посланія, что я и сдѣлаю, если будетъ удобное время, или самъ, или кого я пошлю. Письма Игнатія, присланныя намъ, и другія, имѣющіяся у насъ, мы послали вамъ, какъ вы требовали: они приложены къ этому посланію; изъ нихъ вы можете получить много пользы, ибо они содержатъ вѣру, терпѣніе и всякое назиданіе о Господѣ нашемъ“. (Посл. Поликарпа, гл. 13, 1—2).

Вполнѣ понятно, что факты всѣхъ этихъ посланій обусловлены были тѣмъ нравственнымъ авторитетомъ, которымъ обладали ихъ авторы, но очевидно, достаточно было общихъ моральныхъ связей, если Церковь для выраженія идеи своего единства не нуждалась въ искусственныхъ юридическихъ нормахъ. Не потому не было единой виѣш-

ней организаціи, что она будто-бы противна новозавѣтной идеѣ Церкви, какъ склонны представлять дѣло нѣкоторые изъ протестантскихъ ученыхъ, напр. Руд. Зомъ, а только потому, что въ дѣйствительности было единеніе болѣе глубокое и тѣсное. Тѣ формы общенія церквей, которыя можно отмѣтить въ первыя времена бытія Церкви, больше свидѣтельствуютъ о проникновенности христіанъ идей единой Церкви, чѣмъ формы общенія позднѣйшаго, чисто формальнаго, юридическаго, бумажнаго. Недаромъ Тертулліанъ даже въ свое время, когда была полная церковная организація, говорилъ: „единство Церкви доказыаается общеніемъ мира, названіемъ братства и оказываніемъ (*contesseratio*) гостепріимства“ (*De praescr. cap. 20, Migne, Ph, t. 2, col. 37 B*). Очевидно, въ глазахъ Тертулліана единство церковное болѣе доказывалось фактическимъ единеніемъ церквей, чѣмъ какими-либо внѣшними организаціями. Общія вѣрованія и общія упованія побуждали христіанскія общины къ единенію и внѣшнему, какъ это выражено въ „Ученіи двѣнадцати апостоловъ“: если вы въ безсмертномъ сообщники, насколько болѣе въ смертныхъ (благахъ) (4, 8). Въ томъ же „Ученіи“ есть евхаристическая молитва, въ которой дважды въ поэтической формѣ выражается мольба о томъ, чтобы Господь Богъ собралъ Церковь Свою со всѣхъ концовъ міра, въ царство Свое. „Какъ сей преломляемый хлѣбъ былъ разсѣянъ на холмахъ и, будучи собранъ, сталъ единымъ, такъ да будетъ соединена Церковь Твоя отъ концовъ земли въ царство Твое“ (9, 4) „Помяни, Господи, Церковь Твою, избавь ее отъ всякаго зла и усоверши ее въ любви Твоей, и собери ее отъ четырехъ вѣтровъ, освященную въ царство Твое, которое Ты уготовалъ ей“ (10, 5). Эти евхаристическія мольбы христіанъ нерѣдко переоцѣниваются. Именно, дѣлается заключеніе, будто по мысли христіанъ того времени, существо Церкви требуетъ единства лишь въ царствѣ Божіемъ (*Harnack. Prolegomena, S. 88*). Но если принять во вниманіе, что въ то время христіанство дѣйствительно было разсѣяно небольшими общинами отъ края до края земли, то такая форма молитвы будетъ вполне понятна. Христіанамъ того времени не могло даже и представиться, что можетъ скоро настать время, когда христіанская вѣра покоритъ міръ и будетъ единая, даже внѣшне организованная,

христіанская Церковь. Это единство было, конечно, весьма желательнымъ; по скольку могли, христіане и стремились къ нему. Но полное осуществленіе внѣшне-организованнаго единства казалось еще чѣмъ-то весьма отдаленнымъ. Въ той же евхаристической молитвѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что, хотя и говорится о разсѣянности Церкви, но говорится именно о Церкви, а не о церквахъ. Видно, что христіане всѣ разсѣянные по концамъ вселенной общины представляли именно единой церковью. Наконецъ, необходимо еще отмѣтить, что въ той же молитвѣ рядомъ съ приведенными словами рѣзко выражено свойственное первохристіанству эсхатологическое чаяніе скорого пришествія Христова и кончины міра, о чемъ и возносится мольба (10, 6). Если имѣетъ такъ скоро наступить кончина міра, то, конечно, мысль объ организациі единой Церкви въ сознаніи христіанъ должна была отодвинуться на второй планъ. Вообще молитва „Ученія 12 апостоловъ“, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуется лишь о томъ, что христіане того времени не могли себѣ представить всей міровой исторической миссіи христіанства, но и по ихъ вѣрованію, Церковь, хотя и разсѣянная, была едина.

Единство Церкви, какъ „братства“, выражено и въ посланіи Климента римскаго къ коринѣянамъ. Это посланіе заканчивается молитвой не только о коринѣянахъ, но и о всѣхъ, которые повсюду призваны Богомъ. Климентъ проситъ также сообщить о желаемомъ и вождельнномъ мирѣ и согласіи, чтобы и римская церковь могла порадоваться благоустройству коринѣянь (65, 1 — 2. Cfr. A. Harnack. Der erste Klemensbrief. Berlin 1909 S. 53).

Всѣ эти кратко указанная нами свидѣтельства и факты древнѣйшихъ временъ доказываютъ ту истину, что христіанамъ съ самаго начала не чужда была идея единой Церкви, какъ видимаго, историческаго существующаго общества Христовыхъ послѣдователей. Единая Церковь для христіанъ съ самаго перваго времени была не какимъ-либо умопостигаемымъ предметомъ вѣры, а самымъ реальнымъ фактомъ. Ни о какой „невидимой“ Церкви никто не училъ и никто въ нее не вѣрилъ (Schanz. Der Begriff der Kirche. Theologische Quartalschrift, 1893, S. 552). Объ единой видимой Церкви проповѣдовали св. апостолы, сами они основали единую Цер-

ковъ и съ самаго начала существовала та же единая Церковь. Отсутствие или—сказать точнѣе—неполное развитіе и осуществленіе этого единства въ области церковно-правоваго устройства нисколько не противорѣчило догматическому ученію объ единствѣ видимой Церкви, потому что единство Церкви не есть прежде всего и исключительно единство организаціи, а есть единство жизни въ единомъ тѣлѣ, оживляемомъ Св. Духомъ.

Доц. Моск. Дух. Академ. **Владиміръ Троицкій.**

Первый всероссійскій единовѣрческій съѣздъ въ Петербургѣ *).

Ж У Р Н А Л Ы

№№ 5 и 6.

25 января.

I. Утреннее засѣданіе.

Предсѣдательствуетъ Высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Волинскій; присутствуютъ преосвященные: Серафимъ Кишиневскій, Кириллъ Тамбовскій, Анастасій Серпуховскій, Владиміръ, бывшій Благовѣщенскій и Андроникъ Тихвинскій и члены съѣзда. Секретарскія обязанности исполняетъ священникъ Григорій Дрибинцевъ.

Были прочитаны журналы предыдущихъ засѣданій, въ которыхъ оказались нѣкоторые пропуски и неточности. Постановлено: по исправленіи указанныхъ недостатковъ, представить означенные журналы къ подписи.

Прибыль преосвященный Тихонъ, епископъ Уральскій.

Священникъ Симеонъ Шлеевъ предложилъ вниманію собранія свой докладъ „о благоустроеніи единовѣрческаго прихода“ и въ концѣ онаго „правила“ о благоустроеніи церковно-приходской жизни въ единовѣрческихъ приходахъ. „Правила“, по предложенію предсѣдателя, были прочитаны полностью.

Виноградовъ (изъ Москвы) говорилъ о необходимости рассмотреть эти „правила“ въ особой комиссіи.

Священникъ Гр. Дрибинцевъ прочелъ составленныя на Московскомъ Единовѣрческомъ Съѣздѣ 1909 года „Правила Соединеннаго Совѣта Московскихъ Единовѣрцевъ“ и затѣмъ заявилъ, что, въ виду особой важности представленныхъ

*) Окончаніе.—См. „Г. Церкви“ м. апрѣль, стр. 91—105.

о. С. Шлеевымъ правилъ, необходимо было бы ихъ отпечатать отдѣльной брошюрой для ознакомленія съ ними членовъ Сѣзда.

Преосвященный Серафимъ, епископъ Кишиневскій, сказалъ, что въ настоящее время въ Св. Синодѣ разсматривается уставъ для православныхъ приходовъ, который могъ бы послужить образцомъ и для проектируемыхъ о. С. Шлеевымъ правилъ. Этотъ уставъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, примѣнительно къ особенностямъ церковно-приходскаго быта единовѣрцевъ, скорѣе могъ бы пройти черезъ законодательныя учрежденія.

Если бы вы были раскольники, или иновѣрцы, сказали Владыка, то и въ составленіи „правилъ“ могли бы рассчитывать на разрѣшеніе законодательными учрежденіями совсѣмъ особыхъ правилъ, но такъ какъ вы православные старообрядцы, то необходимо, чтобы ваши „правила“ не разнились отъ устава общеправославныхъ приходовъ въ тѣхъ пунктахъ, которые подлежатъ утвержденію гражданской власти, иначе мало надежды на то, что вашъ уставъ будетъ утвержденъ.

Священникъ Сим. Шлеевъ заявилъ, что составленныя имъ правила не есть сколокъ съ раскольническихъ и сектантскихъ, но что они составлены по образцу устава, представленнаго въ свое время въ предсоборное присутствіе профессоромъ И. С. Бердниковымъ.

Предсѣдатель подтвердилъ сказанное преосвященнымъ Серафимомъ о томъ, что въ настоящемъ видѣ уставъ едва-ли можетъ пройти: пункты, подлежащіе разсмотрѣнію Государственной Думы, должны быть общіе съ синодальною редакціей, а особенности единовѣрческихъ приходовъ должны пройти въ порядкѣ внутренняго управленія духовнаго вѣдомства.

Прибыль преосвященный Веніаминъ, епископъ Гдовскій.

О необходимости избрать комиссію для разсмотрѣнія проектируемаго устава говорятъ затѣмъ депутаты: Болдыревъ, Виноградовъ, авторъ устава священ. Сим. Шлеевъ и свящ. Гр. Дрибинцевъ; послѣдній стоитъ за то, чтобы въ комиссію были выбраны представители отъ разныхъ мѣстностей Россіи, а не только отъ столицъ.

Постановлено: во время перерыва избрать комиссію изъ

12 лицъ духовенства и мірянъ и по два кандидата къ нимъ съ той и другой стороны. Въ 12 час. дня объявляется перерывъ.

Посль перерыва.

Объявляются результаты избранія въ комиссію по разсмотрѣнію приходскаго устава. Избранными оказались:

а) *Отъ духовенства:*

Предсѣдательствующій Преосвященный Серафимъ, епископъ Кишиневскій.

Члены Комиссіи: священ. Викт. Сальменскій (отъ Пермск., Уфимск., Вятск. и Екатеринбург. епархій), священ. Владим. Серебровскій (отъ Казанск., Нижегород. и Самар.), священ. Григ. Шлеевъ (отъ Московск., Владим. и Калуж.), священ. Андр. Сосновскій (отъ Урала, Вятск. и Саратов.), священ. Сим. Шлеевъ (отъ С.-Петербурга), Протоіер. Іоан. Ивановъ (отъ Таврич. и Херсонск.), священ. Клим. Букинъ (отъ Полоцк. Псков. и С.-Запад. епарх.), священ. Григ. Григоровскій (отъ „Стародубья“).

в) *Отъ мірянъ:*

Я. Пашковъ (гор. Москва), А. Н. Шапошниковъ (Нижег. еп.), И. Ф. Звѣревъ (С.-Петерб.), В. П. Карповъ (Самар. еп.), Н. С. Смородинцевъ (Екатеринб.), Ф. А. Витовъ (гор. Иваново-Вознес.), А. Ф. Аверкіевъ (Тобольск. еп.), А. М. Дмитріевскій (Волын. еп.).

Возобновляются пренія по вопросу *объ единовѣрческихъ благочинныхъ*. За необходимость имѣть благочинныхъ изъ числа единовѣрческихъ священниковъ высказываются депутаты: И. Ф. Звѣревъ, Аникинъ, А. А. Папковъ, священ. А. Сырниковъ, священ. С. Шлеевъ, который говоритъ о томъ, какъ этотъ вопросъ рѣшенъ въ Предсоборномъ Присутствіи, и священ. Гр. Дрибинцевъ; послѣдній приводитъ на справку пожеланія о томъ же единовѣрцевъ разныхъ мѣстъ, выраженные въ присланныхъ въ Подготовительную Комиссію бумагахъ.

Священникъ Г. Челпановъ и М. М. Диковъ высказываются за сохраненіе указа Св. Синода отъ 5 апрѣля 1845 г., причемъ первый допускаетъ избраніе благочинныхъ и изъ числа православныхъ священниковъ, сочувствующихъ Единовѣрью.

Протоіерей Д. Александровъ говоритъ о томъ, что по точному смыслу указа 1845 года благочинные не избираются, а назначаются епископомъ изъ среды единовѣрческаго духовенства.

М. Н. Виноградовъ и священ. Гр. Григоровскій высказываются за расширеніе рамокъ указа 1845 года, причемъ послѣдній замѣчаетъ, что желанія нѣкоторыхъ единовѣрцевъ имѣть благочинныхъ и изъ числа православныхъ священниковъ должны быть приняты во вниманіе. По желанію собранія секретаремъ былъ прочитанъ полностью указъ Св. Синода отъ 5-го апрѣля 1845 года.

Священникъ Широкихъ (Вятской епар.) сѣтуетъ по поводу отсутствія специальной „инструкціи“ для благочинныхъ единовѣрческихъ церквей.

Послѣ рѣчи Преосвященнаго Тихона, Епископа Уральскаго, о томъ, какъ у него въ епархіи всѣ дѣла по Единовѣрью разрѣшаются имъ при посредствѣ благочинныхъ изъ единовѣрцевъ и о желательности завести такой порядокъ вездѣ, Предсѣдатель ставитъ на голосованіе слѣдующіе вопросы:

1) Единовѣрческіе благочинные назначаются изъ среды единовѣрческаго духовенства; единовѣрческіе приходы не должны возбуждать ходатайствъ о назначеніи имъ благочиннаго изъ среды православнаго духовенства.

Встаетъ большинство за эту формулу.

2) Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ единовѣрческихъ церквей немного, или гдѣ изъ среды единовѣрческаго духовенства нельзя найти лицъ способныхъ занять эту должность, благочинными могутъ быть, по желанію единовѣрцевъ и православные священники.

За эту формулу встаетъ большинство, но раздаются возраженія; предлагается формула свящ. Сим. Шлеева:

3) Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ единовѣрческихъ церквей немного и некого назначить благочиннымъ изъ среды единовѣрческаго духовенства, дѣлами единовѣрія вѣдаетъ самъ епархіальный архіерей непосредственно.

Принимается почти единогласно.

Миссіонеръ протоіерей Д. Александровъ внесъ слѣдующее особое мнѣніе: „для Оренбургской епархіи и для Сибири, гдѣ единовѣрческіе приходы раскинуты другъ отъ друга на

сотни верстъ и гдѣ имѣтъ особаго единовѣрческаго благочиннаго нѣтъ возможности по громадности разстоянія, да и содержаніе такового обременительно,—разрѣшить епархіальнымъ преосвященнымъ приписывать единовѣрческіе приходы къ ближайшимъ православнымъ благочиннымъ, внушивъ послѣднимъ чтобы, управляя единовѣрческими приходами, православные благочинные руководились правилами и законами объ Единовѣрїи. Протоіерей Дим. Александровъ“.

Въ 2 часа послѣ пѣнія „Достойно есть“ предсѣдатель объявилъ утреннее засѣданіе закрытымъ.

II. Вечернее засѣданіе.

Кромѣ преосвященныхъ, бывшихъ и на утреннемъ засѣданіи, присутствуютъ еще Сергій, архіепископъ Финляндскій, и Никаноръ, епископъ Олонецкій. Засѣданіе открывается въ 6 час. вечера.

Предсѣдатель Высокопреосвященный Антоній предложилъ собранію перейти къ обсужденію вопроса о *благочинническихъ, епархіальныхъ и всероссійскихъ сѣздахъ*.

О. Сим. Шлеевымъ былъ прочитанъ протоколъ по этому вопросу единовѣрческой комиссіи Кіевскаго Миссіонерскаго Сѣзда и общаго его собранія.

Постановили: присоединиться къ пожеланіямъ Кіевскаго Миссіонерскаго Сѣзда.

А. Дмитріевскій (Волынской епарх.) предлагаетъ свой проектъ устава о всероссійскихъ православно-старобрядческихъ сѣздахъ.

Предсѣдатель предлагаетъ передать проектъ Дмитріевскаго въ комиссію по разсмотрѣнію приходскаго устава.

Передается.

Преосвященный Серафимъ, епископъ Кишиневскій, говоритъ о необходимости имѣть при каждомъ епархіальномъ архіереѣ епархіальный единовѣрческій совѣтъ, который бы собирался по мѣрѣ накопленія дѣлъ и разбиралъ ихъ совмѣстно съ епископомъ.

Предсѣдатель поставилъ на голосованіе вопросъ: желательны ли такіе совѣты.

За желательность епархіальныхъ единовѣрческихъ совѣтовъ собраніе голосуетъ единогласно.

За симъ епископъ Тихонъ Уральскій произнесъ рѣчь о

религіозно нравственномъ воспитаніи дѣтей въ семьяхъ и вообще о необходимости обратить серьезное вниманіе на воспитаніе христіанскихъ добродѣтелей въ средѣ мірянъ. Это подниметь и иноческую жизнь въ монастыряхъ, ибо въ обители поступаютъ изъ міра люди еще въ семьяхъ духовно-разслабленные съ вкоренившимися въ нихъ грѣховными привычками.

Далѣе преосвященный доложилъ собранію о томъ, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время ввѣренный ему Спасо-Преображенскій монастырь на Иргизѣ, о существующей тамъ школѣ для подготовленія единовѣрческихъ клириковъ и о вліяніи этой школы и монастыря на окружающее старообрядческое населеніе.

Собраніе благодарить преосвященнаго Тихона.

Священникъ Сим. Шлеевъ прочелъ докладъ „О всероссійскомъ Братствѣ Единовѣрцевъ“. Докладчикъ предложилъ и проектъ устава этого Братства, но особенно не настаивалъ на его принятіи, такъ какъ, по его словамъ, Съѣзду предстоитъ одно изъ двухъ: или утвердить уставъ Братства, или положеніе о Всероссійскихъ Съѣздахъ.

О. Д. Александровъ дѣлаетъ справку о томъ, что хотя VI отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія и одобрилъ проектъ о Всероссійскомъ Братствѣ Единовѣрцевъ, но Кіевскій Миссіонерскій Съѣздъ отнесся къ сему отрицательно и призналъ желательнымъ лишь открытіе епархіальныхъ братствъ (читаетъ по „Миссіон. Обзорнію“).

О. Сим. Шлеевъ, возражая о. Александрову, дополняетъ справку послѣдняго изъ „Церковн. Вѣдомостей“ за 1908 г., стр. 1570 и предлагаетъ, несмотря на отказъ Кіевского Миссіонерскаго Съѣзда взять на себя инициативу ходатайства о Всероссійскомъ Братствѣ Единовѣрцевъ, ходатайствовать объ учрежденіи Всероссійскаго Единовѣрческаго Братства.

Предсѣдатель спрашиваетъ, что желательно собранію, — комиссія ли при Св. Синодѣ, Всероссійское Единовѣрческое братство, или Періодическіе Съѣзды.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ постановлено отложить до представленія комиссіей по разсмотрѣнію приходскаго устава своихъ заключеній.

Затѣмъ читается докладъ священ. Сим. Шлеева „О древнемъ архіерейскомъ чиновникѣ“.

Докладчикъ предлагаетъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о томъ, чтобы Преосвященные Епископы служили по этому, вновь напечатанному съ благословенія Св. Синода святительскому служебнику въ единовѣрческихъ перквахъ.

Собраніе единодушно присоединяется къ этому предложенію о. С. Шлеева.

Предсѣдатель:—„Принято“.

Объявляется въ 7 ч. 40 м. веч. перерывъ.

Посль перерыва.

Профессоромъ Н. Покровскимъ была предложена лекція о древней иконописи, иллюстрированная туманными снимками съ древнихъ иконъ при помощи проекціоннаго фонаря.

Лекція почтеннаго профессора была прослушана съ глубокимъ интересомъ и по окончаніи оной собраніе горячо благодарило Н. В. Покровскаго.

Архіепископъ Антоній дополнилъ лекцію профессора Н. В. Покровскаго рѣчью о преимуществахъ иконнаго стариннаго письма передъ новымъ — итальянскимъ и совѣтовалъ присутствующимъ не увлекаться новыми вѣяніями въ области церковнаго искусства, но строго держаться старины.

Собраніе благодарило Владыку за добрые и полезные совѣты.

Пѣніемъ молитвы „Достойно есть“ засѣданіе закончилось въ 9 час. 45 мин. вечера.

Ж У Р Н А Л Ы

№№ 7 и 8.—

26 января.

І. *Утреннее засѣданіе* открылось подъ Предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія Волинскаго и въ присутствіи, кромѣ членовъ съѣзда, епископовъ: Серафима Кишиневскаго, Кирилла Тамбовскаго, Никанора Олонецкаго, Тихона Уральскаго, Анастасія Серпуховскаго, Андроника Тихвинскаго, Веніамина Гдовскаго и Владиміра, бывшаго Благовѣщенскаго.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній предложилъ собранію въ докладахъ держаться уже принятаго порядка: вначалѣ прочитывать постановленіе Кіевскаго Миссіонерскаго Съѣзда, затѣмъ письменные доклады настоящаго

Съѣзда, по возбужденному вопросу, и далѣе—устные, на что Съѣздомъ и было выражено свое согласіе. Послѣ этого Предсѣдатель предложилъ Съѣзду перейти къ обсужденію вопроса *о клятвахъ патріарха Макарія 1656 года.*

Прежде чѣмъ приступлено было къ чтенію докладовъ по этому вопросу и ихъ обсужденію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній обратился къ Съѣзду съ призывомъ мира, любви и спокойствія при ихъ обсужденіи: „гнѣвъ правды Божіей не содѣлываетъ“.

Затѣмъ секретаремъ И. Гр. Шлеевымъ прочитано было изъ „Церк. Вѣдомостей“ постановленіе Кіевскаго Миссіонерскаго Съѣзда о снятіи клятвъ соборовъ (Церк. Вѣд. 1908 г. 1740).

По прочтеніи постановленія К. М. Съѣзда первый ораторъ Морозовъ указалъ въ своей рѣчи, что святители наши и Св. Синодъ имѣютъ возможность, безъ авторитета и голоса Восточной Церкви, снять клятвы и дать единовѣрцамъ епископа, за подтвержденіемъ же сего слѣдуетъ обратиться къ Высочайшей Волѣ.

Представитель старообрядцевъ часовеннаго безпоповскаго согласія А. Кузнецовъ обратилъ вниманіе Съѣзда на великое знаменательное, историческое его значеніе въ жизни старообрядцевъ. Послѣ того, какъ клятвы соборовъ 1656-66 и 67 г.г., по ходатайству настоящаго Съѣзда, Св. Синодомъ будутъ сняты, то разрушится двухъ-вѣковая преграда разединенія насъ съ вами; онъ говорилъ, что старообрядцы только въ этомъ случаѣ соединятся съ Православною Церковію, такъ какъ, по ихъ глубокому убѣжденію и по свидѣтельству науки въ лицѣ профессора Каптерева, Нильскаго и Филиппова, клятвы, по духу того времени, соборами положены на обряды и служатъ главнымъ разединеніемъ насъ съ вами. Въ послѣдующее время старообрядчество въ лицѣ инока Никодима ходатайствовало черезъ князя Потемкина о снятіи вышеозначенныхъ клятвъ, тѣмъ самымъ показывая, что клятвы соборовъ лежатъ на обрядахъ и ихъ держателяхъ и что поэтому одно изъ главныхъ условій воссоединенія старообрядчества съ Православною Церковію—снятіе клятвъ соборовъ: тогда рухнетъ стѣна, раздѣляющая старообрядцевъ отъ церкви“.

Предсѣдатель Съѣзда Высокопреосвященнѣйшій Антоній

въ виду историческаго, великаго и святаго значенія этого дня, когда представителемъ внѣперковнаго старообрядчества первый разъ мирно ведется обсужденіе съ нами и высказывается желаніе присоединиться къ Православной Церкви, предложилъ Съѣзду прославить столь знаменательный день молитвою: „о Тебѣ радуется обрадованная всякая тварь“, которую съ высокимъ воодушевленіемъ собраніе Съѣзда и пропѣло.

Съ докладомъ о необходимости снятія клятвъ собора съ старыхъ обрядовъ и ихъ держателей выступилъ священникъ о. Симеонъ Шлеевъ. Въ своемъ докладѣ о. Шлеевъ доказывалъ, что клятвы собора 1656 года положены на обряды и ихъ держателей, съ распространеніемъ оныхъ клятвъ и на православныхъ, содержащихъ старые обряды. Въ заключеніе своего доклада о. Сим. Шлеевъ предложилъ Съѣзду православныхъ старообрядцевъ присоединиться къ ходатайству предъ Св. Синодомъ о снятіи клятвъ и порицаній съ старыхъ обрядовъ и ихъ держателей, дабы успокоить совѣсть мятущихся и найти успокоеніе въ присоединеніи къ Св. Православной Церкви, тѣмъ болѣе, что починъ—ходатайство такого рода было сдѣлано на Кіевскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ и въ VI отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія самими іерархами Православной Церкви и православными миссіонерами: покойнымъ нынѣ прот. Крючковымъ и священ. Александровымъ, чему свидѣтелями ихъ подписи.

Послѣ перерыва, на поставленный Предсѣдателемъ Съѣзда вопросъ, согласенъ ли настоящій Съѣздъ православныхъ старообрядцевъ съ постановленіемъ Кіевского Миссіонерскаго Съѣзда о снятіи клятвъ собора, попросили слова православные миссіонеры.

Первый—священникъ миссіонеръ Козловъ прочиталъ докладъ протоіерея Крюčkова о клятвахъ соборовъ 1657—66 и 67 годовъ и приложилъ записку по этому вопросу Преосвященнаго Назарія.

Въ докладахъ какъ перваго священника-миссіонера Козлова, такъ и втораго священника-миссіонера Александрова, которые, имѣя въ виду преимущественно соборъ 1667 года, а не 1656 года, о которомъ говорилъ предыдущій докладчикъ священ. о. С. Шлеевъ, доказывалось обратное и проводился тотъ взглядъ, что клятвы соборовъ лежатъ на хули-

теляхъ Православной Церкви, содержащихъ старыя обряды, а не на самыхъ обрядахъ и ихъ содержащихъ, находящихся въ единеніи и покорности Православной Церкви. Въ концѣ преній Предсѣдателемъ Съѣзда была предложена слѣдующая формула, которая и была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ Съѣзда:

„Просить Св. Синодъ о томъ, чтобы онъ благоволилъ опредѣлить слѣдующее: старыя и исправленные чины признаетъ вслѣдъ за бывшими ранѣе опредѣленіями Архипастырей равночестными и православными, но если-бы кто изъ держащихъ старыя чины продолжалъ думать, будто на него положены и на немъ тяготѣютъ за одно только содержаніе сихъ чиновъ проклятія духовныхъ писателей, греческихъ патріарховъ, или даже какого либо собора: то такую клятву мы снимаемъ и ни во что вмѣняемъ, оставляя и подтверждая ее только на тѣхъ, кто ради разности въ чинахъ проклинаетъ Св. Церковь. Когда будетъ въ Россіи соборъ, то будемъ просить о подтвержденіи сего нашего опредѣленія; о томъ же будемъ просить и Восточныхъ Патріарховъ“.

II. Вечернее засѣданіе открылось подъ Предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія Волинскаго; помимо перечисленныхъ Владыкъ, бывшихъ на утреннемъ засѣданіи, присутствовали: Высокопреосвященнѣйшіе Сергій, Архіепископъ Финляндскій, и Арсеній, Архіепископъ Новгородскій,—Епископъ Серафимъ Кишиневскій отсутствовалъ. Разсматривался § 6 программы *о мѣропріятіяхъ привлеченія старообрядцевъ въ лоно Православной Церкви.*

Священ. Нижегород. епарх. Влад. Серебровскій указалъ на печальное положеніе бѣглопоповствующихъ въ Нижегород. епархіи и на очень успѣшное уловленіе ихъ въ различныя старообрядческія толки и секты. Это, по мнѣнію докладчика, зависитъ отъ стѣснительныхъ мѣръ единовѣрцамъ, которыя предпринимаются Епархіальнымъ начальствомъ якобы въ огражденіе своихъ православныхъ (оффициально старообрядцы числятся православными) отъ уловленія въ единовѣріе.

Съѣздъ единогласно постановилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о безпрепятственномъ разрѣшеніи принимать на таинства исповѣди и св. причащенія старообрядцевъ (въ

частности о которыхъ шла здѣсь рѣчь—спасова-согласія), хотя-бы они и записаны были въ православныхъ книгахъ.

О. Сушковъ высказалъ, что въ Екатеринбургской епархіи старообрядцевъ—часовеннаго толка насчитывается до 60000 челов., которые, сознавая свое печальное положеніе, стремятся къ принятію священства: одни переходятъ въ австрійщину, нѣкоторые охотно пошли бы въ единовѣріе, но выставляютъ главнымъ препятствіемъ клятвы и неимѣніе единовѣрческаго епископа.

Рѣчи ораторовъ: Кузнецова, Сѣдова, Карякина и Акципетрова, въ виду затрогиваемаго ими въ своихъ рѣчахъ вопроса о клятвахъ, постановленіе о которыхъ въ утреннемъ засѣданіи состоялось, были Предсѣдателемъ Съѣзда останавливаемы.

Православный мисс. прот. Д. Александровъ въ своей рѣчи старался уменьшить среди остальныхъ мѣръ привлеченія старообрядцевъ въ Церковь значеніе снятія клятвъ и предлагалъ поѣхать съ нимъ въ Сибирь и за-Уралье и здѣсь убѣдиться, что старообрядцы не идутъ въ Православную Церковь не изъ за клятвъ, а изъ за другихъ причинъ. Въ числѣ мѣропріятій имъ указаны были: устройство единовѣрческихъ церквей, изданіе миссіонерскаго доступнаго журнала, распространеніе книгъ, брошюръ и листовъ противораскольническаго содержанія.

О. С. Шлеевъ, вопреки предшествующему оратору, доказывалъ, что въ Сибирь и за-Уралье единовѣрцамъ ѣхать незачѣмъ, что они живутъ со старообрядцами въ Россіи $\frac{1}{2}$ сотни лѣтъ и сами вышли и выходятъ изъ старообрядцевъ, и что главною причиною раздѣла ихъ съ Православною Церковію послужили и сейчасъ служатъ клятвы, и что снятіе клятвъ необходимо,—и Св. Синодъ сдѣлалъ бы богоугодное дѣло, если-бы отнесся къ этой духовной нуждѣ со всеѣмъ вниманіемъ; чтобы убѣдить единовѣрцевъ въ противномъ для этого мало миссіонерскихъ увѣщаній, раздававшихся здѣсь,—единовѣрцы миссіонерскія увѣщанія болѣе всѣхъ другихъ слышали. Св. Синодъ могъ бы пригласить для разрѣшенія историческаго вопроса о бывшихъ клятвахъ 1656 и 1657 г.г. ученую комиссію.

Затѣмъ, въ числѣ прочихъ мѣропріятій, указанныхъ докладчикомъ священ. о. Шлеевымъ, важнѣйшія: необходимо

возвышать сознательное отношеніе единовѣрцевъ къ вѣрѣ Христовой, для чего необходимо устраивать школы съ единовѣрческими обычаями, вѣббогослужебныя чтенія и бесѣды литургическаго характера съ объясненіемъ обрядовъ и богослужебныхъ чиновъ,—открывать библіотеки съ книгами духовно-нравственнаго содержанія и распространять бесплатно брошюры и листки, издавать единовѣрческій журналъ съ особымъ въ немъ миссіонерскимъ отдѣломъ. Всѣ эти пожеланія свящ. С. Шлеева Съѣздъ подавляющимъ большинствомъ принялъ.

Далѣе, Епископъ Олонецкій Преосвященный Никаноръ, въ числѣ мѣропріятій для привлеченія старообрядцевъ въ лоно Православной Церкви, посовѣтовалъ всемѣрно заботиться о соблюденіи въ православныхъ храмахъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, строгой уставности, истовыхъ поклоновъ и крестнаго знаменія.

Священ. Влад. Серебровскій просилъ Съѣздъ присоединиться къ ходатайству предъ Св. Синодомъ объ изданіи разъясненія истинности и равночестности старыхъ обрядовъ и чиновъ съ новыми Христовой Церкви.

На это Съѣздъ изъявилъ свое согласіе.

Священникомъ о. Григоріемъ Дрибинцевымъ былъ прочитанъ Съѣзду докладъ объ образованіи единовѣрческаго фонда, цѣль котораго—помощь бѣднѣйшимъ единовѣрческимъ приходамъ. Для привлеченія средствъ въ фондъ докладчикъ указалъ на еженедѣльные тарелочные, годовые по подписнымъ листамъ и $\frac{1}{100}$ отчисленія съ церковныхъ доходовъ. Для болѣе детальной разработки и выработки устава Съѣздъ постановилъ передать докладъ о. Григорія въ комиссію съ тѣмъ, чтобы она дала свой отзывъ.

Предсѣдатель Съѣзда обратился съ рѣчью, въ которой просилъ духовныхъ отцовъ Съѣзда увѣщавать прихожанъ и самимъ стремиться къ уничтоженію языческихъ погребальныхъ триумфовъ (возложеніе вѣнковъ на гробъ покойнаго, украшеніе могилъ богатѣйшими памятниками и пр.), а стараться располагать другъ друга къ пожертвованіямъ на построеніе Божіихъ храмовъ хотя бы по завѣщаніямъ.

Такое пожеланіе Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія Волынскаго, являясь однимъ изъ лучшихъ средствъ

усиленія фонда, Съѣздомъ было принято съ большою благодарностію.

Въ концѣ засѣданія говорилъ князь А. А. Ухтомскій объ улучшеніи положенія пѣвчихъ въ единовѣрческихъ церквахъ и давалъ объясненіе термина „новообрядческаго“, за который въ прошедшее засѣданіе получилъ нареканія отъ миссіонеровъ. Этотъ терминъ, по объясненію князя Ухтомскаго, онъ употребилъ въ отношеніи не того богослужебнаго чина, который утвердился по книгамъ патріарха Никона, но въ отношеніи того безчинія, которое въ настоящее время существуетъ во многихъ городскихъ и домовыхъ церквахъ. Съѣздъ благодарилъ князя А. А. Ухтомскаго за его разъясненіе.

Въ 10 часовъ вечера Предсѣдатель Съезда Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній Волинскій закончилъ засѣданіе общимъ пѣніемъ молитвы „Достойно есть“ и Архипастырскимъ благословеніемъ присутствовавшихъ.

Ж У Р Н А Л Ы.

№№ 9 и 10

27 января.

I. Засѣданіе утреннее съ 12 час. дня.

Засѣданіе открыто Предсѣдателемъ Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, въ присутствіи епископовъ: Веніамина Гдовскаго, Владиміра бывшаго Благовѣщенскаго, Анастасія Серпуховскаго, Андроника Тихвинскаго и членовъ съѣзда. Заслушано предложеніе старосты Никольской единовѣрческой церкви Звѣрева о выраженіи благодарности Его Высокопревосходительству оберъ-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру за его ревностное и любовное отношеніе къ съѣзду, высказанное имъ своимъ посѣщеніемъ и предоставленіемъ помѣщенія съѣзду. Предложеніе принято единогласно и постановлено: послать депутацію изъ 5 священниковъ и 5 мірянъ, каковой и поручить выразить признательность Г. Оберъ-Прокурору.

Петербург. депутатъ о. Алексѣй Шеляпинъ ходатайствовалъ предъ съѣздомъ отъ имени Петербургскихъ Единовѣрцевъ о переименованіи Никольской Единовѣрческой церкви въ Спасо-Преображенскій Никольскій Соборъ, съ устройствомъ при немъ штатной протоіерейской вакансіи, а свя-

щенника о. Симеона Шлеева въ протопопы сего собора. Предсѣдатель съѣзда доложилъ о другомъ такого рода ходатайствѣ, а именно о возведеніи Московской Свято-Троицкой Единовѣрческой церкви въ соборъ и объ устройствѣ при ней штатнаго протоіерейскаго мѣста. Собраніе единогласно просило Предсѣдателя возбудить эти оба ходатайства предъ вышею властью.

Полковникъ Богдановскій (Петербургъ) въ числѣ мѣрь къ привлеченію старообрядцевъ въ лоно Православной Церкви предложилъ, чтобы единовѣрческому духовенству была разрѣшена свободная проповѣдь среди какъ иновѣрцевъ, такъ и православныхъ и чтобы принятіе въ Православную Церковь иновѣрцевъ совершалось по чину древнихъ потребниковъ.

Г. Новиковъ въ числѣ мѣрь привлеченія старообрядцевъ (Ярославской губ.) въ лоно Православной Церкви проектировалъ обратить вниманіе на подготовку священниковъ къ пастырству, чтобы священники вели проповѣдь въ духѣ мира и любви и обращались съ теплымъ словомъ къ старообрядцамъ.

О. Варсонофій (архимандр. Новгород. епарх.) по тому же вопросу выразилъ ту мысль, что необходимо обратить вниманіе на убѣжденіе и проповѣдь начетчиковъ и къ нимъ и цѣлой ихъ паствѣ обратить свою проповѣдь въ духѣ любви, кротости и смиренія, и, главнымъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда среди старообрядцевъ идутъ богословскіе споры, такъ какъ доброе слово обращенное къ нимъ въ этотъ моментъ скорѣе можетъ примирить съ Церковью.

По вопросу, затронутому тремя послѣдними ораторами, постановлено принять къ руководству и свѣдѣнію, а по докладу г. Богдановскаго возбудить ходатайство; дальнѣйшія пренія Предсѣдатель объявилъ законченными.

Прочитаны журналы засѣданія №№ 5 и 6, указаны необходимыя исправленія. Протоіерей Александровъ вновь выразилъ желаніе по вопросу о приходѣ подать отдѣльное мнѣніе.

О. Сим. Шлеевъ по предложенію Предсѣдателя читаетъ тѣ исправленія, какія внесла приходская комиссія въ его проектъ о приходѣ и выработанныя имъ положенія объ управленіи такового.

Проф. Н. А. Заозерскій указаль, что предлагаемыя пра-

вила не есть что-либо новое, а являются тѣми правилами и преданіями, кои не всюду записаны, но имѣются въ сознаниі прихожанъ по руководству въ жизни. Настоящая коммисія только эти правила просмотрѣла, исправила и согласовала съ Высочайшими указами и постановленіями объ единовѣрцахъ (напр. 1845 года). Докладчикъ продолжаетъ читать правила, тѣ параграфы, кои намѣчены къ исправленію. При чемъ заявилъ, что въ указанныхъ правилахъ, въ вопросѣ о церковномъ имуществѣ, слово Церковь, какъ распорядительная единица, понимается въ смыслѣ собранія вѣрующихъ даннаго прихода и имѣющихъ право голоса на собраніяхъ.

Рѣшеніе вопроса о принятіи устава въ цѣломъ оставлено открытымъ и перенесено на обсужденіе дальнѣйшаго, имѣющагося состояться засѣданія.

Въ 2 часа дня собраніе объявлено закрытымъ.

II. *Вечернее засѣданіе.*

Послѣ молитвы Св. Духу Предсѣдателемъ съѣзда Высокопреосвященнымъ Антоніемъ засѣданіе объявлено открытымъ въ 6 часовъ вечера въ присутствіи архіепископовъ: Сергія Финляндскаго, Арсенія Новгородскаго, епископовъ: Серафима Кишиневскаго, Кирилла Тамбовскаго, Тихона Уральскаго, Владиміра бывшаго Благовѣщенскаго, Андроника Тихвинскаго, Анастасія Серпуховскаго, Веніамина Гдовскаго, Геннадія Балахнинскаго и членовъ съѣзда.

Секретарь М. Т. Ивановъ прочиталъ докладъ Кіевскаго съѣзда и Предсоборнаго присутствія по вопросу объ единовѣрческомъ епископѣ. По выслушаніи его, обсужденій не было. О. Симеонъ Шлеевъ по этому же вопросу сдѣлалъ свой довольно обширный докладъ, который имѣетъ быть приложенъ къ трудамъ Съѣзда. Обсужденій по существу не произошло и объявленъ перерывъ на 20 минутъ. По возобновленіи засѣданія Предсѣдатель прочелъ формулу, предложенную о. Сим. Шлеевымъ въ цѣляхъ болѣе скорого рѣшенія вопроса о епископахъ.

Проф. Н. А. Заозерскій сдѣлалъ докладъ по вопросу объ единовѣрческомъ епископѣ въ смыслѣ желательности такового не столько для самихъ единовѣрцевъ, сколько для Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Преосвященный епископъ Анастасій Серпуховскій въ своей рѣчи заявилъ, что

учрежденіе отдѣльной единовѣрческой каѳедры излишне. Св. Православная Церковь съ любовію приняла въ свое лоно отпадшихъ чадъ ея. Церковь есть едина, а посему и епископъ долженъ быть одинъ. Епископъ Анастасій закончилъ словами приснопамятнаго митрополита Филарета: „Братія, Вы единовѣрны намъ, а мы единовѣрны вамъ: а учрежденіе отдѣльнаго единовѣрческаго епископа послужить средостѣніемъ между нами и вами“. Затѣмъ Предсѣдатель Съѣзда предложилъ собранію: или выслушать дальнѣйшихъ ораторовъ, или же просить о. Сим. Шлеева формулировать свое предложеніе. По рѣшеніи этого вопроса, собраніе согласилось на послѣднее. Тогда о. Сим. Шлеевъ прочиталъ свою формулу: „просить Святѣйшій Синодъ устроить при Св. Синодѣ совѣтъ Всероссійскаго Съѣзда единовѣрцевъ. Совѣтъ долженъ состоять изъ 30 членовъ, избранныхъ на 3 года на Всероссійскихъ Съѣздахъ. Совѣтъ этотъ или комиссія возглавляется единовѣрческимъ епископомъ, членомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. На мѣстахъ же единовѣрцы подчиняются православнымъ епископамъ, при коихъ учреждаются совѣты епархіальныхъ единовѣрческихъ Съѣздовъ. При благочинномъ устроится комиссія изъ духовенства и мірянъ. Во главѣ прихода стоитъ приходскій совѣтъ изъ причта и мірянъ“. По выслушаніи этого предложенія, миссіонеръ о. Александровъ выражаетъ благодарность за такое предложеніе о. Симеона Шлеева и всякія пренія по вопросу о епископѣ единовѣрческомъ считаетъ излишними. Предсѣдатель предложилъ Съѣзду высказаться, согласны ли они съ формулой, предложенной о. Симеономъ Шлеевымъ. Съѣздъ высказался за принятіе единогласно этой формулы, вслѣдствіе чего Предсѣдатель Высокопреосвященный Антоній заявилъ, что выслушивать остальные доклады по этому вопросу излишне и объявилъ вопросъ этотъ считать оконченнымъ.

Депутатъ Морозовъ заявилъ о желаніи помолиться и благодарить Бога за спасеніе жизни Высокопреосвященнаго Антонія отъ грозившей ему опасности со стороны дерзкаго злоумышленника. Съѣздъ, выразивъ глубокое сочувствіе Высокопреосвященному, единогласно принялъ предложеніе Морозова. Высокопреосвященный выразилъ благодарность Съѣзду, приглашалъ желающихъ помолиться въ его подворье

на 30 января сего года. Съѣздъ затѣмъ выбралъ изъ среды себя нѣсколько лицъ, которыхъ уполномочилъ подписать журналы Съѣзда. Послѣ чего собраніе объявлено закрытымъ.

Ж У Р Н А Л Ъ.

№ 11.

28 января.

1. Утреннее засѣданіе.

Засѣданіе Съѣзда открылось въ 9¹/₂ часовъ утра подъ Предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, архіепископа Волынскаго, въ присутствіи іерарховъ: Анастасія Серпуховскаго, Андроника Тихвинскаго и Владиміра бывшаго Благовѣщенскаго, а равно и членовъ Съѣзда.

Въ началѣ засѣданія о. С. Шлеевымъ былъ прочитанъ разсмотрѣнный и исправленный комиссіей Съѣзда проектъ благоустройства единовѣрческаго прихода. Этотъ проектъ Съѣздомъ одобренъ и принятъ единогласно.

Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ пѣвчаго Никольской гор. С.-Петербурга единовѣрческой церкви о ненормальномъ положеніи церковныхъ пѣвцовъ. Этотъ докладъ съ предлагаемыми имъ мѣрами улучшенія положенія пѣвцовъ также одобренъ и утвержденъ Съѣздомъ единогласно.

Далѣе о. С. Шлеевъ предлагаетъ Съѣзду проекты уставовъ епархіальныхъ, и всероссійскихъ православно-старообрядческихъ съѣздовъ,—проекты, разсмотрѣнные и одобренные въ особой комиссіи, по порученію Съѣзда. Единогласно уставы о съѣздахъ принимаются собраніемъ безъ всякихъ измѣненій и дополненій.

Однимъ изъ секретарей Ив. Гр. Шлеевымъ читается протоколъ предыдущаго собранія и послѣ незначительныхъ поправокъ протоколъ собраніемъ одобренъ.

Вслѣдъ затѣмъ читается докладъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія православно-старообрядческаго духовенства. Въ поясненіе къ нему Высокопреосвященнѣйшій Предсѣдатель Съѣзда говоритъ, что интересы православнаго духовенства, и пожеланія докладчика, поскольку они осуществимы, будутъ приняты во вниманіе. Собраніе присоединяется къ мнѣнію доклада.

Потомъ членомъ комиссіи по изысканію средствъ на открытіе высшаго богословскаго заведенія для православныхъ

старообрядцевъ читается докладъ о томъ, чтобы сборы съ приходовъ на это дѣло предварительно были обсуждены на приходскихъ и епархіальныхъ собраніяхъ. Съѣздъ соглашается. Въмѣстѣ съ тѣмъ принимается еще одно предложеніе, по которому причты, въ виду обученія ими своихъ дѣтей въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не могутъ быть освобождаемы отъ общаго сбора въ пользу духовно-учебныхъ заведеній.

Попутно Высокопреосвященнѣйшій Антоній внесъ предложеніе просить Синодъ о разрѣшеніи совѣту Съѣзда сдѣлать справки относительно сборовъ съ приходовъ въ епархіяхъ на учрежденіе высшей богословской школы для православныхъ старообрядцевъ.

Въ концѣ засѣданія въ собраніе прибылъ Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Владиміръ Карловичъ Саблеръ. Съѣздъ единогласно выразилъ ему свою благодарность за его участіе къ нуждамъ единовѣрія и за любезный пріемъ.

Въ отвѣтъ Г. Оберъ-Прокуроръ произнесъ къ Съѣзду рѣчь, въ которой благодарилъ Съѣздъ „за любовь и добрыя пожеланія“, сожалѣлъ о томъ, что не могъ лично присутствовать въ собраніяхъ, такъ какъ былъ занятъ дѣлами перво-степенной государственной важности, отстаивая церковную школу въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ о ней шло сужденіе. Свою продолжительную рѣчь Г. Оберъ-Прокуроръ закончилъ слѣдующими словами: „отъ всего сердца еще разъ приношу искреннюю благодарность за добрыя чувства, которыми весьма дорожу“. Все собраніе, какъ одинъ человекъ, вновь благодарило Г. Оберъ-Прокурора и пропѣло ему „многая лѣта“. Вслѣдъ за этимъ члены Съѣзда пропѣли молитву „Спаси Господи“.

Въ заключеніе Высокопреосвященнѣйшій Антоній предложилъ собранію избрать членовъ въ проектируемый совѣтъ Съѣзда отдѣльно отъ духовенства и отдѣльно отъ мірянъ.

Избраны отъ духовенства:

Священники: о. Сим. Шлеевъ (г. С.-Петербургъ), о. Гр. Шлеевъ (г. Москва), о. Алексан. Зеленинъ (Пермская губ.), о. Серебровскій (Нижегород. еп.), о. Сушковъ (Екатеринб. еп.), о. Лебедевъ Иоан. (Донская обл.), о. Сосновцевъ Андр. (Самар. еп.), о. Чередниковъ Иоан. (Чернигов. еп.), о. Ря-

бовъ Іоан. (Вятской еп.), о. Тихоміровъ Алексій (г. Оренбургъ), о. Горяновъ Терент. (Херсон. еп), о. Семеновъ Никол. (Тобольск. еп.), о. Челпановъ Гавр. (Полоцк. еп.), о. Маркинъ П. (Уфимск. еп.), о. Богословскій Алексѣй (г. Иваново-Вознесенскъ, Влад. г.).

Отъ мірянъ:

Звѣревъ И. Ф., кн. Ухтомскій А. А., Богдановскій М. А. (г. С.-Петербургъ), Сандинъ Г. И., Пашковъ Я. М., Макаровъ П. В., Виноградовъ М. Н., Гурьяновъ В. П. (г. Москва), Кузьминъ И. И. (г. Самара), Смородинцевъ Н. С. (г. Екатеринбургъ), Оглоблинъ Н. С. (г. Вятка), Сергѣевъ А. Ф. (г. Нижній-Новгородъ), Осиповъ В. Д. (г. Кострома), Аверкіевъ А. Ф. (Тобольская губ.), Мельниковъ Н. А. (Саратовская губ.).

Кромѣ того, въ кандидаты избраны:

а) отъ духовенства:

О. Крючковъ Пр. (г. С.-Петербургъ), о. Дрибингсвъ Гр. (г. С.-Петербургъ), о. Костинъ Іоаннъ (Симбирск. еп.), о. Мацуровъ Мих. (г. Казань), о. Знаменскій Алексѣй (г. Рига).

б) отъ мірянъ:

Шапошниковъ А. Н. (Нижній-Новгородъ), Щепкинъ И. П. (Уфимская губ.), Новиковъ А. А. (Ярославская губ.), Головинъ (Тверская губ.), Мумриковъ П. И. (Владимірская губ.).

По предложенію нѣкоторыхъ членовъ собранія, Съѣздъ предложено закрыть въ воскресенье 29 января, закончивъ его торжественнымъ молебствіемъ, которое назначено въ 3 часа дня.

Собраніе Съѣзда 28 января закончилось въ 12 час. дня молитвой. Члены Съѣзда, во главѣ съ Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, отправились въ Никольскую единовѣрческую церковь, что на Николаевской улицѣ, гдѣ преосвященнѣйшимъ Веніаминомъ была отслужена панихида по всѣмъ подвизавшимся за единеніе церковное дѣятелямъ единовѣрія, начиная съ конца 18 вѣка.

Вопросы миссии въ свѣтской беллетристикѣ.

Въ нашей беллетристикѣ послѣднихъ лѣтъ иногда встрѣчаются произведенія, заслуживающія вниманія дѣятелей православной миссии. Таковы, напримѣръ, рассказъ В. Гончарова: „Новая секта“ и повѣсть З. Гиппиусъ: „Сумасшедшая“.

Фабула небольшого рассказа В. Гончарова проста. Въ глуши, на разстояніи не менѣе сорока верстъ отъ населенныхъ мѣстъ, пріютилась маленькая желѣзнодорожная станція. Обитатели ея люди православные и религіозные. По необходимости лишены церковныхъ службъ, они однажды задумали пригласить на станцію священника изъ большой казачьей станицы, почти за 60 верстъ, и отслужить всенощную наканунѣ праздника Покрова Пресв. Богородицы. Собраны были, хотя и съ трудомъ, для этого деньги. Пославъ въ станицу и уполномоченный—Нестеровъ пригласить священника и купить свѣчей, ладону... Къ пріѣзду священника служащіе произвели „генеральную приборку“ въ залѣ третьяго класса, гдѣ имѣла быть церковная служба, оставили въ правомъ углу св. иконы, убрали ихъ, зажгли предъ ними восковыя свѣчи и весь залъ освѣтили яркимъ огнемъ лампъ. Къ вечернему поѣзду народъ былъ въ полномъ сборѣ. Вотъ подошелъ поѣздъ. Показался Нестеровъ и пробѣжалъ въ контору начальника станціи.—„Ну, что, пріѣхали“?—спросилъ Ивановъ (начальникъ станціи).—„Нѣтъ! Говорятъ, надо служить въ станицѣ“...—„Не пріѣхалъ? — „Не пріѣхалъ. Не взялъ десяти рублей. Вотъ и помолились! Эхъ ты, Господи, доля наша горькая! — слышались раздраженные голоса изъ толпы“... Въ это время къ начальнику станціи подошелъ всѣми уважаемый станціонный сторожъ—старикъ Ефимъ Злобинъ и громко проговорилъ: „господинъ начальникъ, дозволейте намъ всѣмъ такъ помолиться.. Церковную службу я хорошо знаю.

Я буду читать молитвы за священника и діакона. Потребныя книги всё есть“... И съ разрѣшенія Иванова Злобинъ впервые отправилъ всенощную, при умилительномъ пѣніи мѣстнаго „хорика“ пѣвчихъ, подъ руководствомъ Нестерова. Народъ остался весьма доволенъ. Въ другой разъ тотъ же Злобинъ совершалъ для станціонныхъ пасхальную утреню... Съ той поры на станціи всенощныя наканунѣ большихъ праздниковъ и воскресныхъ дней стали обычнымъ явленіемъ. Вскорѣ къ Злобину стали обращаться и съ другого рода просьбами: „Ефимушка, отецъ родной, поди отслужи панихиду, плакала стрѣлочница. Ребенокъ-то умеръ... и Злобинъ, уступая усиленнымъ просьбамъ, бралъ книгу въ руки, тихо шагая за стрѣлочницей“... Или: „отецъ родной, Ефимушка, проводи „молоденчика“ на кладбище, — приставаль отецъ умершаго ребенка“... и Злобинъ, безъ шапки, съ книгою въ рукахъ, идетъ впередъ, за нимъ несутъ гробикъ... „Упокой, Господи, душу усопшаго младенца“... Молитва прочтена. Ефимъ большимъ крестомъ перекрестить младенца, посыплеть землей. Отецъ заколотить крышку гроба. Мать рыдаетъ, причитываетъ и черезъ нѣсколько времени всё на своихъ мѣстахъ, точно ничего не было... — На этомъ кончается первая половина разсказа.

Допустимъ, что все это снимокъ съ натуры и безъ прикрасъ. Допустимъ, что священникъ не отозвался почему нибудь на сердечно-религіозный порывъ сердца станціонныхъ... Согласимся, что и Ефимъ Злобинъ не сдѣлалъ ничего противозерковнаго, такъ какъ-де ограничивался только чтеніемъ, и то по нуждѣ, молитвъ, положенныхъ по уставу священнику и діакону, но не возбраненныхъ для чтенія и мірянамъ, безъ какого-либо посягательства на спеціальныя права и обязанности священныхъ лицъ. Болѣе того, назовемъ поступокъ станичнаго священника недостойнымъ званія пастыря и восхвалимъ жизнь Злобина, стяжавшаго всеобщую любовь и уваженіе. Не будемъ сѣтовать и на автора за его изображеніе ненормальныхъ отношеній со стороны нѣкоторыхъ пастырей къ долгу своего священнаго служенія: отъ такого изображенія можно ожидать только пользы для Церкви... Но пожалѣемъ, что авторъ во второй половинѣ своего разсказа „пересолил“ и въ угоду властной модѣ сильно сгустилъ краски не въ пользу нашего духовенства.

— „Здравствуйте, начальник. Какъ васъ Господь милуеть,—кричалъ священникъ изъ вагона второго класса стоявшаго на станціи поѣзда.

— Покорнѣйше благодарю, отецъ Петръ, — подходя къ вагону, здоровался Ивановъ.

— Ну что, начальникъ, какъ у васъ новая секта процвѣтаетъ?

— Какая новая секта?

— Какая, вы лучше меня знаете. Безпоповщина. Теперь только и разговоръ объ этомъ.

— Позвольте, отецъ Петръ, вы ошиблись! Это не у насъ вѣрно.

Раздался третій звонокъ.

— Да нѣтъ, начальникъ, не ошибся. Вонъ онъ, попь-то вашъ, у звонка стоитъ. Не хорошо поступаете, отвѣчать будете.

Ивановъ, ухватившись обѣими руками за окна вагона, точно повисъ на немъ, желая объясниться со священникомъ, но поѣздъ уже взялъ полный ходъ“.

Какая, повидимому, безобидная сценка!.. Но, когда всмотрись въ нее пристальнѣй, поразишься, до чего тонко она настраиваетъ читателя противъ священника. И это постоянное и непріятно рѣжущее ухо слово: „начальникъ“, и ироническій упрекъ: „какъ у васъ новая секта процвѣтаетъ?“... и толстый намекъ на то, что объ этой „безпоповщинѣ“ (!!...) только и разговоръ, разумѣй-де, въ духовномъ вѣдомствѣ.., и, наконецъ, мораль съ таинственной угрозой: „не хорошо поступаете, отвѣчать будете!“.. — какъ все это неприглядно рисуетъ православнаго пастыря душъ!.. Понятно, что авторъ хотѣлъ сказать этою сценкою читателямъ: смотрите, молъ, какъ пастыри утоляютъ духовную жажду пасомыхъ—и сами не ѣдутъ на призывъ и, пожалуй, изъ-за корысти и другимъ не даютъ *вмѣстѣ* помолиться; а чуть гдѣ народъ соберется безъ нихъ помолиться, сейчасъ бурю поднимутъ и, не разобравши въ чемъ дѣло, протрубятъ: „новая секта“... „безпоповщина“.., да затѣмъ по начальству и дѣльце пустятъ!..

Нужно-ли доказывать, что наше духовенство не такъ ужъ наивно и опрометчиво, чтобы смѣшать православіе съ „сек-

тою“, да еще на этой почвѣ инсинуировать предъ свѣтскими властями?!...

Какъ-бы въ оправданіе угрозы священника, вслѣдъ за отъѣздомъ послѣдняго, въ первомъ классѣ курьерскаго поѣзда прибылъ на станцію „молодой чиновникъ въ формѣ путейскаго округа съ портфелемъ въ рукахъ“ и заявилъ „начальнику“, что пріѣхалъ „произвести слѣдствіе, по поводу новой секты...—Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Нечего сказать—помолились; не дай Богъ и ворогу“!..

— „Какъ твое имя, отчество и фамилія?—спрашивалъ чиновникъ Злобина въ квартирѣ послѣдняго и въ присутствіи начальника станціи Иванова.

— Ефимъ, по отцу Васильевъ, фамилія Злобинъ.

— Ты какой же будешь секты?—штундистъ, безпоповецъ или старовѣръ?

Злобинъ удивленно молчалъ. Но мало по-малу онъ понялъ въ чемъ дѣло. Губы его затряслись. Онъ судорожно перебиралъ пальцами свою длинную, сѣдую бороду и пристальнымъ пронипательнымъ взглядомъ окинулъ чиновника съ ногъ до головы. Чиновникъ это замѣтилъ. Молчаніе и взглядъ Злобина вывели его изъ терпѣнія.

— Смирно! Руки по швамъ,—закричалъ онъ.

Злобинъ сталъ во фронтъ. Онъ учащенно дышалъ. На лицѣ появились красныя пятна. Видимо, большихъ усилій стоило Злобину сдержаться.

— Какой секты? я спрашиваю. Религія твоя?

— Православный христіанинъ—глухо отвѣтилъ Злобинъ.

— Глаза, глаза опустить! Смирно! Руки по швамъ! Онъ ткнулъ пальцемъ въ грудь Злобина“...

Разсказъ кончается, какъ и слѣдовало ожидать отъ автора, увольненіемъ Злобина отъ службы. Такъ-де духовенство почтило вѣрнаго сына православной Церкви! А между тѣмъ Злобинъ сила; пожелай онъ сказать толпѣ: „братцы, обижаютъ меня, помогите“—и вся толпа, какъ одинъ чело-вѣкъ, кинулась-бы за нимъ въ огонь и въ воду“, а то пожалуй и въ „новую секту“...

Мы вполне соглашаемся со взглядомъ автора на вліяніе на народныя массы отдѣльныхъ изъ народной-же среды лицъ и, съ своей стороны, полагаемъ, что такими лицами, какъ жемчужиной, должны дорожить и духовенство, и свѣт-

скія власти. Вотъ почему мы и скорбимъ, что авторъ не сдѣлалъ главной темой своего разсказа именно этой мысли, а пустился въ тенденціозную обрисовку „начальства“, работая предъ модой въ явный ущербъ и правдѣ и достоинству произведенія.

Несравненно глубже по мысли повѣсть Э. Гиппиусъ: „Сумасшедшая“. Здѣсь предъ нами выступаютъ въ обыденной жизни люди двухъ совершенно противоположнымъ міровоззрѣній. Съ одной стороны исправникъ Иванъ Васильевичъ, его сестра Клавдія изъ сельскихъ учительницъ и фельдшеръ Касьянъ Демьянычъ, а съ другой—жена исправника Вѣра Ивановна. Наиболѣе яркимъ выразителемъ убѣжденій первой категоріи лицъ является исправникъ. Выбывъ изъ университета—„исторія тамъ одна вышла“ и, конечно, „идейная“—онъ все-же достагочно усвоилъ, какъ сказала-бы Ина Костровина:*) „здоровое направленіе... трезвыя идеи! Научно позитивныя... И отмѣнно-либеральныя!.., съ культомъ господъ профессоровъ и литературныхъ знаменитостей, особенно изъ тѣхъ, кто пострадалъ, хотя-бы только въ видѣ высылки въ Бологое... или въ Клинь“!.. Въ немъ профессоръ—натуралистъ Грязевъ изъ семидесятниковъ напелъ-бы для себя яраго, и, что особенно важно для Грязевыхъ, безотчетнаго поклонника... Одни только слова: „наука“, „культура“, „знаніе“... уже бросали исправника въ трудно объяснимый трепеть, а при видѣ людей „науки“ онъ послушно и богомольно, иногда вопреки свидѣтельству собственнаго сознанія („кажется мнѣ, что никакой у нея душевной болѣзни нѣтъ и не бывало“).., склонялся предъ ними, будь—то докторъ или фельдшеръ Касьянъ Демьянычъ, который, по его мнѣнію, также понималъ, что такое наука...

„Единой моей вѣрой было—гуманность, человѣколюбіе, сильная жизненная помощь тому, кто нуждается въ свѣтѣ и въ хлѣбѣ“,—говорилъ исправникъ своему сосѣду на почтовыхъ... Теперь принципъ гуманности, просвѣщенія торжествовать начинаетъ. Все теперь въ эту сторону пошло. Случится съ кѣмъ изъ вышихъ поговорить — увидите... Человѣчество развивается. Культура, наука, знаніе — хоть мед-

*) Повѣсть П. Боборыкина: „Исповѣдники“. Вѣст. Европ. 1902 г. янв.—апр.

ленно, а дѣлають свое дѣло. Люди стоятъ на прямомъ пути ко всеобщему счастью... На прямомъ,—хотя, можетъ быть, и не на торномъ. Еще придется потерпѣть... да все само собой образуется, силою вещей. Замѣьте: просвѣщеніе ширится, угасаютъ суевѣрія, одно за другимъ; развивается разумъ, а съ нимъ разумное удовлетвореніе потребностей, уваженіе къ чужой личности во имя идеала человечности“...

Съ этой точки зрѣнія исправникъ видитъ „настоящій свѣтъ, возсіявшій на Руси“, на примѣръ. въ лекціяхъ фельдшера простому народу по гигиенѣ, а высшее призваніе женщины полагаетъ въ исполненіи ею двухъ словъ: „учи да лечи“... Словомъ, онъ весь живетъ въ томъ періодѣ исканій Костровина, когда послѣдній еще избѣгалъ вопросовъ „своего нутра“. Поэтому на религіозность, на посты, на молитву и проч... онъ смотритъ или какъ на суевѣріе, или какъ на ханжество, или даже какъ на „клерикальность“! Если онъ и признаетъ религію, то лишь какъ силу моральную, нравственную и притомъ не неизмѣняемую, а всегда прогрессирующую и въ этотъ видитъ ея истинный историческій смыслъ. Все остальное: догматы, обряды, богослужебный культъ... — онъ признаетъ суевѣріемъ, терпимымъ лишь въ цѣляхъ будущаго, когда силою вещей дѣло повернется „въ разумную сторону“, на прим., отъ вѣры въ безсмертіе личности къ вѣрѣ въ „естественное безсмертіе — въ дѣтяхъ“. — „Не слѣдуетъ прямо оскорблять нѣкоторыхъ суевѣрій, — говоритъ онъ фельдшеру послѣ того, какъ послѣдній неудачно предложилъ народу въ предупрежденіе заразы отъ холеры вмѣсто „молебна Владычицѣ“ и молитвеннаго вопля: „спаси Господь“!..—подумать лучше объ известкѣ...—Многое нужно обходить, осторожно ведя народъ впередъ, не отнимая преждевременно того, что они со временемъ бросятъ сами“...

Самъ-же исправникъ, если и ходитъ къ обѣднѣ, причащается.., то только потому что „нельзя-же, знаете, у насъ все на виду, это ужъ извѣстный порядокъ“, да притомъ „всякій взрослый человѣкъ, которому приходится стоять въ Церкви, можетъ молиться въ душѣ, какъ ему угодно. Онъ только не долженъ оскорблять сосѣда требованіемъ принять его вѣрованіе... Наконецъ, надо понимать, что есть періодъ дѣтства въ жизни человечества“...

Впрочемъ, тамъ, гдѣ исправникъ самовластенъ, онъ не

признаетъ и такой постепенности отъ „суевѣрій въ разумную сторону“, а дѣйствуетъ, какъ и фельдшеръ, сразу и въ достиженіи намѣченной цѣли не брезгуетъ никакими средствами.

— „Завтра я думаю идти къ обѣднѣ, съ Андрюшей. Буду его причащать, говорить Вѣра Ивановна своему мужу — исправнику.

— Причащать?! Нѣтъ, душа моя. Совершенно лишнее. Во-первыхъ, Андрюшино здоровье мнѣ дорого; не говоря уже о тѣснотѣ и духотѣ—вспомни, что тутъ приносятъ цѣлую кучу неизвѣстныхъ ребятъ, а ложка одна... А далѣе, я нахожу, что никакихъ обрядовъ надъ нимъ исполнять, ни говорить съ нимъ о подобныхъ вещахъ теперь, пока онъ не можетъ сознательно ихъ принять, или отвергнуть—не слѣдуетъ. Это, если хочешь, недобросовѣстное насиліе. Выростетъ онъ, — разумъ ему подскажетъ, что дѣлать. Его будетъ воля“...

И ребенка насильно оторвали отъ матери, вліявшей на Андрюшу „нераціонально“, и притомъ съ угрозой отдать его изъ дому... въ дѣтскій садъ—школу, которую намѣревалась открыть Клавдія...

Но этого было мало. Сперва въ Вѣрѣ Ивановнѣ стали замѣчать „усиленную чувствительность“, затѣмъ обнаружили „истеричность, взбалмошность и ненормальность“, предлагали ей для излеченія: „Четыи — Миней почитать... или спрыснуть ее съ уголька“... и.., наконецъ, объявили ее „сумасшедшей“!..

Попутно, предъ тѣмъ же сосѣдомъ на почтовыхъ, исправникъ высказываетъ свой взглядъ и на наше духовенство... Въ повѣсти эти сужденія исправника и слѣдующія за ними по вопросамъ миссіи вставлены слишкомъ некстати; но безъ нихъ повѣсть была-бы не достаточно современной и поэтому авторъ и пришилъ ихъ.

„Да у насъ, знаете, и трудно клерикальностью (!) особенно увлечся, говоритъ исправникъ своему спутнику. Со священниками мы живемъ въ эдакой житейской дружбѣ, семейно знакомы, всячески привыкаемъ къ нимъ; съ другой стороны, сказать вамъ правду, священники наши съ женами — наименѣе культурная часть городского общества. Какъ-бы, что ли, неровня намъ немножко, и всё это чув-

ствуютъ, и они сами прежде всего, что имъ, конечно, дѣлаетъ честь. Я, вы понимаете, не о барствѣ говорю, сами можете судить, а объ общемъ, что ли, уровнѣ умственнаго развитія. Оно и естественно: академисты тамъ и другіе, если по чисто ученой части—въ монахи идутъ, или, если умный даже и священникъ, понявшій моральное, нравственное значеніе религіи, ея истинный историческій смыслъ—(sic!..), онъ сейчасъ въ деревню не пойдетъ, его мѣсто гдѣ-нибудь въ Петербургѣ; деревня еще до него не доросла, а тамъ онъ полезенъ. Къ намъ идутъ наши-же, большею частью изъ за хлѣба; поучится въ городѣ въ семинаріи, свой-же братъ мужичокъ,—и готово. Пасеть стадо понемножку. Въ догматахъ и въ прочемъ выученномъ крѣпокъ, разъяснить, коли нужно, бабѣ, которая икона — Владимірская или Казанская — по воздуху шла, или которой изъ нихъ надо молебень служить отъ потери зрѣнія—можетъ; чего-же еще? Другъ друга они понимаютъ съ мужикомъ, потому что до семинаріи-то вмѣстѣ парнишками раковъ ловили; такой батюшка не мудрствуетъ, а потому въ православіи крѣпокъ, въ ересь его не свернешь. Вотъ недавно даже у насъ мужичка совсѣмъ простаго въ священники поставили, — въ свое же село. Онъ, правда, надѣла не имѣлъ, въ уѣздномъ училищѣ учился — не кончилъ,—такъ, перебивался кой чѣмъ; агентомъ отъ товарищества машинокъ Зингеръ былъ, все развѣзжалъ по уѣзду; да со священниками нашими и сошелся, понемножку миссіонерить началъ, перенялъ у нихъ; вѣдь нашу сторону знаете, раскольниковъ у насъ—страхъ! Повравился нашимъ батюшкамъ, они и устроили ему какъ-то. Попить теперь въ селѣ—ничего“.

„Въ городѣ, конечно, пообразованнѣе немножко батюшки, да и понатерлись, а все таки, знаете, вродѣ этого. Оно для ихъ положенія и лучше. Спокойнѣе. Я такъ смотрю, что все это пока нормально и необходимо для будущаго, когда силою вещей дѣло повернется въ разумную сторону“.

За-одно съ духовенствомъ исправникъ рубить съ плеча и миссіонеровъ и высказываетъ свой взглядъ по модному вопросу роста у насъ раскола и сектъ.

„Вотъ говорилъ я вамъ о нашей губерніи: у насъ раскола, и штунды, и молоканъ, и другихъ разныхъ сектъ — видимо—невидимо; однако, теперь уменьшается. Отчего? Ду-

маете, отъ миссіонерства? Ничуть. Кого тамъ миссіонеръ нашъ обратитъ, и куда? Развѣ какого-нибудь, кому неудобно въ сектѣ оставаться, по дѣламъ, что-ли. А уменьшаться стало силою вещей. Вѣтеръ съ другой стороны подулъ. Прежде, бывало, имъ всякое выслѣживанье, преслѣдованье, съ серьезностью къ нимъ, съ опаской—они и топорчатся. Повоюемъ, молъ! Знай нашихъ! А нынче—и глядѣтъ то на нихъ очень не хотятъ. Бду я, напримѣръ, по уѣзду, случится тамъ что-нибудь; въ вѣру ихнюю я даже и не вникаю, спрашиваю для формы: молоканинъ? старовѣръ? ладно. Штундистъ? и то ладно; подай штрафикъ, тамъ, какой ни на есть, и продолжай, коли охота. Они видятъ, старовѣры особенно, что никто ими даже не интересуется, хватъ — и осѣли; духъ-то воинственный поспалъ. Къ работѣ повнимательнѣе, глядишь — ребятъ въ школу къ попу посылаютъ. Мальчишка подростетъ, поосмотрится, видитъ—церковнику-то времени побольше, поспокойнѣе, повыгоднѣе; иной и въ семинарію угодить. Такъ тихо — мирно время-то свое и беретъ.

Иные, скажу вамъ, всячески меня заинтересовывали: мы, говорятъ, ни молокане, ни штундисты, ни баптисты. Кто-же вы? Духоборы?—Нѣтъ.—Кто-же? — Мы, говорятъ, „ищущіе“. У насъ, говорятъ, совсѣмъ не то.—Я, однако, не сталъ вникать. Такой, объявляю имъ, секты нѣтъ, я васъ запишу молоканами, мнѣ рѣшительно все равно. А если вамъ по существу угодно говорить — идите къ батюшкѣ, можетъ быть онъ васъ опредѣлитъ. Ужъ не знаю, ходили-ли.

Впрочемъ, какъ народъ,—сектанты ничего; даже потише и поначитаннѣе церковныхъ; чтеніе только у нихъ несуразное. Вбокъ все пошло. Духоборы эти, да толстовцы—тоже, по моему, ненормальное, потому что преждевременное явленіе“...

Не будемъ говорить о томъ, что если-бы мы пожелали среди нашихъ исправниковъ поискать Ивана Васильевича, то съ фонаремъ Діогена не нашли-бы его. Если Иванъ Васильевичъ и исправникъ, то такъ же, какъ Хлестаковъ генераль, т. е. исправникъ, „да только съ другой стороны“ и въ своемъ родѣ единственный... Но что касается убѣжденных Ивана Васильевича, то съ ними дѣйствительно приходится сталкиваться часто, хотя и не въ полицейской средѣ...

Мы не можемъ согласиться съ Иваномъ Васильевичемъ, что проповѣдуемая имъ идеи „гуманности и просвѣщенія“ въ духѣ лекцій профессора Грязева въ наше время начинаютъ торжествовать. Напротивъ, въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, рѣзко обозначился протестъ противъ увлеченія „научно-позитивными“ и „отмѣнно-либеральными“ идеями и самое „просвѣтительство“ въ этомъ духѣ выдохлось у многихъ. Все это тонко подмѣтилъ П. Боборыкинъ и высказалъ въ своей повѣсти: „Исповѣдники“ устами Костровина и въ рѣчи Булашова съ Грязевымъ. Отсюда понятна тревога и негодование семидесятника за судьбу у насъ натурализма... „Все послѣднее десятилѣтіе полно другихъ исканій“, говоритъ Булашовъ Грязеву и, дѣйствительно, вопросы „своего нутра“ занимаютъ теперь у насъ господствующее положеніе. И развѣ только Иванъ Васильевичъ изъ своего захолустья проглядѣлъ это и, по-прежнему, слѣпо боготворить своихъ школьныхъ кумировъ!.. Впрочемъ, духъ нашего времени не совсѣмъ минулъ Ивана Васильевича, но краемъ крыла своего коснулся и его.. И у Ивана Васильевича „случаются минуты“, когда все его „нутро“ протестуетъ противъ обоготворенія людей „науки... культуры“...—и тогда ему кажется, что у Вѣры Ивановны никакой душевной болѣзни и не бывало... Правда, онъ тотчасъ старается избавиться отъ такой „минутной слабости“ и направить свои мысли въ „разумную сторону“.., но уже борьба, эта двойственность его внутренней жизни и, что особенно важно, эта боязнь признать шаткость „научно-позитивнаго“ міровоззрѣнія и нормальность религіозныхъ запросовъ жены, вопреки требованіямъ „современной науки... культуры... знанія“...—дѣлаютъ его положеніе и жалкимъ и до боли смѣшнымъ: это настоящій рабъ *своего* времени! Такъ „разумная сторона“, куда онъ желалъ-бы *постепенно* повернуть религіозную жизнь народа и куда сразу и притомъ сильно повернулъ религіозную жизнь своей семьи, для него самого щепень, но онъ боится открыто признаться въ этомъ, потому что—онъ рабъ, лишенный своей воли и способности разсуждать, но призванный лишь исполнять начертанія своихъ „боговъ“... Ему мало дѣла до того, что эти „боги“ оказались на глинянныхъ ногахъ... Онъ не видитъ и не хочетъ видѣть этого... Что-жъ удивительнаго, если въ порывѣ фа-

нати́зма онъ, вопреки своей совѣсти, призналъ жеву свою „сумасшедшею“?!... Что-жъ удивительнаго, если, подъ видомъ пресѣченія „недобросовѣстнаго насилія“, онъ творить „совѣстное“ и въ тысячу разъ грубѣйшее насиліе надъ женою и приемышемъ?!.. Все — и поразительное лицемѣріе, и возмутительнѣйшее насиліе, и гнусныя козни надъ людьми, вплоть до объявленія ихъ „сумасшедшими“, — съ точки зрѣнія Ивана Васильевича, — позволительно, разъ только преслѣдуются цѣли „науки... культуры... знанія“!..

Мы обошли-бы молчаніемъ сужденія этого „интереснаго типа“ о нашемъ духовенствѣ и по вопросамъ миссіи, если бы авторъ повѣсти не видѣлъ въ этихъ сужденіяхъ особой цѣны...

Какъ хотите, но исправникъ, разсуждающій о „клерикальности“ — это что-нибудь да значить... И Касьянъ Демьянычъ навѣрное уже рѣшилъ, что война съ турками будетъ!.. Особенно, если принять во вниманіе, что подъ „клерикальностью“ Иванъ Васильевичъ разумѣетъ — страшно сказать... „религіозность“ вообще и, въ частности, желаніе „поститься и молиться“!..

Но, къ счастью, по мнѣнію Ивана Васильевича, у насъ трудно особенно увлечься „клерикальностью“, — еще есть надежда избѣжать войны съ туркомъ, — развѣ такъ пошалимъ немножко! А причина въ томъ, что наши-де „священники съ женами наименѣе культурная часть городского общества... въ смыслѣ общаго уровня умственнаго развитія“ и вліять на это общество не могутъ... Крѣпко зазубрилъ Иванъ Васильевичъ разсужденія „Русской Рѣчи“ и „Вѣстн. Европы“, что Церковь и духовенство не могутъ оказывать вліянія на образованныхъ людей, такъ какъ послѣдніе-де живутъ, движутся и существуютъ началами не религіи, а современной цивилизаціи; они выше религіи и въ своемъ развитіи переросли ее!... Жаль только, что онъ проглядѣлъ теченіе жизни за послѣдніе пятнадцать лѣтъ... Но вотъ Боборыкинъ подмѣтилъ иное и устами, и типомъ Костровина опровергъ это лжепророчество!.. Да и помимо этого, кто дерзнетъ утверждать, что католическое духовенство образованнѣе нашего, а католическая паства невѣжественнѣе православной?! Откуда-же въ лонѣ католической церкви зародился и тамъ-же былъ выращенъ клерикализмъ, и притомъ

не шуточный, какимъ его представляетъ себѣ нашъ доморощенный антиклерикаль, а настоящій, какимъ онъ заявилъ себя въ исторіи?!

Если въ чемъ и провинилось наше духовенство предъ Иваномъ Васильевичемъ, такъ развѣ въ томъ, что никогда оно не повернетъ „своего нутра“ въ „разумную сторону“, и даже болѣе того, никогда не признаетъ этой „стороны“ разумной!.. Отсюда—изъ этого сознанія вытекають у Ивана Васильевича и всѣ его выходки противъ нашего духовенства, какъ, на примѣръ, противъ его образованности и весьма похвальной близости къ простому народу... И какъ-бы ни былъ силенъ зубовой скрежетъ Ивановъ Васильевичей, а наше духовенство не перестанетъ утверждать, что тысячи православныхъ мужичковъ живутъ чище и разумнѣе такихъ же тысячъ людей „науки... культуры“... вспомните, не къ тому-же ли заключенію пришелъ и Булашовъ, исколесившій Русь побольше и повнимательнѣе Ивана Васильевича.

„Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ“... Но нашъ исправникъ человѣкъ всесторонній и, главное „современный“..., а потому о чемъ ни спросите его, у него на все готовъ отвѣтъ и притомъ какъ послѣднее слово „науки..., культуры..., знанія“... Не великое горе, что кроитъ онъ все одинъ и тотъ же Тришкинъ кафтанъ!.. Вотъ, на примѣръ, васъ интересуютъ причины роста у насъ раскола и сектъ... Да, полно-те,—стоитъ-ли по нынѣшнимъ временамъ вамъ самимъ голову ломать!.. Послушаемъ лучше, что скажетъ намъ Иванъ Васильевичъ.

Бросьте-ка выслѣживанье, преслѣдованье, серьезность по отношенію къ разнымъ отщепенцамъ, говоритъ полицейскій оракуль, и дѣлу крышка—всяческіе тамъ расколы и секты сразу осядутъ, духъ то воинственный у нихъ поспадетъ, а тамъ, глядишь, и ребятъ въ школу къ попу пошлютъ... Увидятъ ребята, что церковнику-то времени побольше, поспокойнѣе и повыгоднѣе, да тихо-мирно и къ Церкви прильнуть. А то миссіонеры!.. Миссіонерство здѣсь не причемъ... Да и кого тамъ миссіонеръ обратитъ и куда? Развѣ кого-нибудь, кому неудобно въ сектѣ оставаться, по дѣламъ, что-ли...

Насъ поражаетъ замѣчательно быстрое, не подтвержда-

емое никакими фактами, рѣшеніе Ивановъ Васильевичемъ вопроса о единеніи сектантовъ и раскольниковъ съ Православною Церковью.

Лишь въ одномъ и то, очевидно, случайно измѣнилъ Иванъ Васильевичъ самому себѣ, когда проговорился, что раскольники и сектанты изъ-за матеріальныхъ выгодъ готовы измѣнить своимъ вѣрованіямъ... Только напрасно онъ видитъ эти выгоды на сторонѣ „церковниковъ“... Въ томъ-то и дѣло, что въ различныхъ сектахъ нашему мужичку живется повольготнѣй: и „попу“ не платить, и въ церковь не ходить, и въ школахъ ребятъ закону Божию не учить *), и въ „пресвитеры“ легко угодить, и отъ многихъ радѣтелей помощь получать..., а тамъ и въ почетѣ быть... Не менѣе выгодно мужичку и „расколоть“... Вотъ эти-то выгоды, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, и держатъ нашъ народъ во тѣмъ раскола и сектѣ. Такъ что ужъ если кто и бросаетъ свое отщепенство, то отнюдь не по матеріальнымъ соображеніямъ, и тѣмъ болѣе не „по дѣламъ“ своимъ, такъ-какъ и по мнѣнію Ивана Васильевича „сектанты, какъ народъ, *ничего*“ и слѣдовательно особой чистоты и святости собой не являютъ... По нашимъ-же наблюденіямъ, старое сектантство, какъ наприм., молоканство распустилось во всю..., а новое, наприм., штунда шагнула по тому-же пути также далеко, поэтому теперь у нея не только слишкомъ рѣдко практикуется способъ отлученія порочныхъ членовъ отъ общины—церкви, но и самое ученіе о личной святости повсюду бросается и святость Церкви толкуется въ православномъ смыслѣ...

Что касается пользы миссіонерства въ дѣлѣ вразумленія заблудшихъ, то, очевидно, Иванъ Васильевичъ отрицаетъ ее лишь потому, что онъ врагъ вообще „серьезныхъ“ мѣръ по отношенію къ расколу-сектантамъ... По его мнѣнію, необходимо бросить „интересоваться“ этими отщепенцами и

*) Въ земскихъ школахъ слушаніе Закона Божія для дѣтей раскольниковъ и сектантовъ необязательно, что и привлекаетъ къ этимъ школамъ симпатіи родителей означенныхъ дѣтей. Понятно, что православныя дѣти скорбятъ, когда сидятъ въ душевной комнатѣ за урокомъ Закона Божія, а ихъ товарищи погуливаютъ!.. Ненормальность такого порядка нами уже была отмѣчена на страницахъ «Мисс. Обзор.» въ статьѣ: «Законъ Божій въ начальныхъ народныхъ школахъ» (февр. 1902 г.).

тогда они „осядут“... Но, мы глубоко убѣждены, что совѣтъ Гамаліила—самый острый мечь *противъ* Церкви!..

Теперь понятно, почему такой „интересный типъ“, какъ Иванъ Васильевичъ, вызвалъ въ религіозной и образованной Вѣрѣ Ивановнѣ искреннее къ себѣ отвращеніе. Въ обществѣ мужа и К^о вѣра Ивановна чувствовала себя глубоко „несчастной“... ей было „душно, противно“... Она ясно сознавала, что вѣра Ивана Васильевича „въ человѣчество“, въ сущности, есть вѣра „въ калошу пустую“..., что всѣ эти „гуманники... просвѣтители... зашиваютъ Божью землю въ мертвую баранью шкуру..., задавливаютъ душу человѣческую“..., что отъ ихъ девиза: „человѣкъ для человѣка, человѣкъ во имя человѣка“—пахнетъ мертвечиной..., что, наконецъ, небо для нихъ замкнуто и отъ ихъ взора скрытъ Тотъ, во чье имя человѣкъ долженъ устраивать свою жизнь на землѣ... Тогда, гдѣ-же у нихъ „просторъ... ширина“?!.. А безъ этого человѣку и душно и противно жить на землѣ!.. Знаешь, на что ты похожъ, сказала однажды мужу Вѣра Ивановна? Вотъ, бываетъ, что подадутъ супъ, не за обѣдомъ—а такъ, отдѣльно, когда ѣсть не хочется. Полную—полную тарелку, подадутъ безъ скатерти, и свѣтлый такой, ярко-желтый бульонъ, съ большими, выпуклыми жировыми кругами, медленными, потому что бульонъ чуть тепленькій. И ни одной капли соли туда не положено, совсѣмъ прѣсный. И надо этотъ бульонъ ѣсть маленькой чайной ложечкой. Вотъ такіе вы всѣ. А у кого еще въ придачу злоба—это какъ если-бы въ этотъ бульонъ еще кто-то подошелъ и плюнулъ. — Постоянно видѣть такой „бульонъ“, да еще съ „плевокми“ Вѣра Ивановна не смогла, а перемѣнить условія домашней жизни была не въ силахъ, такъ-какъ столкнулась еще и съ грубой физической силой... И она предпочла сообщество „сумасшедшихъ“...

Всѣ симпатіи автора повѣсти на сторонѣ Вѣры Ивановны. Но, какъ типъ, Вѣра Ивановна слабо очерчена и объ этомъ нельзя не пожалѣть...

И. Айвазовъ.

Мистицизмъ въ эпоху Александра I.

Въ наше время интересно остановиться на данной темѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, юбилейныя воспоминанія, а во-вторыхъ, значительное сходство той переходной эпохи и ея переживаній, въ частности религіозныхъ, съ переживаніями нашего времени, которыя тоже исполнены неясныхъ исканій, непровѣренныхъ стремленій, необоснованныхъ надеждъ. Тогда процвѣтало масонство, и верхи нашего общества сильно увлекались мистицизмомъ и оккультизмомъ... И въ наше время опять мы слышимъ про успѣхи масонской пропаганды, видимъ вредное для истинной духовной жизни увлеченіе оккультизмомъ, какъ его идейной стороной—„теософіей“, такъ и его практикой—„теургіей“. Многихъ и теперь увлекаетъ заманчивая высь туманныхъ мечтаній теософіи (въ Петербургѣ есть даже цѣлое Теософское общество); многіе живо интересуются спиритизмомъ, жадно прислушиваются къ разнымъ гаданіямъ и подозрительнымъ гадалкамъ, къ жалкимъ юродивымъ, мірскимъ „старцамъ“ и „странникамъ“, въ которыхъ хотятъ видѣть избранниковъ Божьихъ, и какихъ-то пророковъ, способныхъ яко бы въ минуты озаренія вѣщать людямъ волю Божию.

Слѣдовательно, и въ наше время мистицизмъ всякихъ оттѣнковъ и направленій, въ частности—мистицизмъ религіозный, разлился цѣлой, широкой и даже бурной рѣкой.

Сущность мистицизма въ широкомъ смыслѣ слова, какъ религіозно-философскаго направленія, заключается въ вѣрѣ въ мистическое воспріятіе, на основѣ которой строится цѣлое міровоззрѣніе, т. е. заключается „въ стремленіи къ достиженію истины путемъ непосредственнаго внутренняго созерцанія ея, помимо внѣшнихъ способовъ чувственнаго

опыта, наблюденія и научнаго изслѣдованія, которое даетъ истину не полную, отрывочную, разсудочную“ *).

Мистицизмъ же религіозный, разсматриваемый здѣсь пока лишь съ отрицательной точки зрѣнія на него, состоитъ въ чувствѣ постоянного живого духовнаго общенія съ Богомъ и стремленіи къ духовному возрожденію, но при этомъ въ сферѣ религіи совершенно отрицается какъ значеніе разума, такъ и внѣшній церковный авторитетъ и внѣшняя обрядность.

Когда говорятъ о мистицизмѣ Александровой эпохи, то разумѣютъ именно мистицизмъ религіозный, слѣдовательно понимаютъ это слово въ болѣе узкомъ смыслѣ.

Мистицизмъ Александра вѣка стоитъ въ тѣсной связи съ масонствомъ Екатерининской и Александровской эпохъ. Масонство,—широкое религіозно-общественное движеніе, возникшее съ начала XVIII-го вѣка въ Англіи, распространившееся на континентъ и уже съ 30-хъ годовъ этого столѣтія появившееся въ Россіи,—представляетъ собой разновидность мистицизма, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ этого слова. Религіозный же мистицизмъ входилъ въ него, какъ составной элементъ, входилъ въ различной степени и окраскѣ.

Наши масоны своимъ ученіемъ, своими теософскими мечтаніями и своей литературной дѣятельностью подготовили путь къ развитію религіознаго мистицизма. Изъ среды масоновъ вышли или имѣли къ нимъ то или иное отношеніе всѣ видные дѣятели мистическаго движенія. Изъ XVIII-го вѣка, въ особенности изъ преданій Новиковскаго кружка, проникаетъ далеко въ XIX-ый вѣкъ и старый масонскій мистицизмъ, конечно, видоизмѣняясь и варьируясь въ своемъ содержаніи.

Во внутренней исторіи нашего масонства XVIII-го вѣка можно различить 3 періода: 1) первый,—вліяніе первоначальнаго англійскаго масонства, характеризуется немного-сложностью своего содержанія, именно, мы видимъ въ немъ христіанство въ деистической окраскѣ, крайній религіозный космополитизмъ, т. е. граничащее съ индиферентизмомъ признаніе совершенной вѣроисповѣдной свободы, и филан-

*) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи,—стр. 154.

тропію, взаимную помощь и дружеское общеніе; но 2) скоро сюда уже присоединяется кромѣ сложной внѣшней организаціи, соединенной съ ложной обрядностью и основанной на чиновначалии и строгой дисциплинѣ, — теоретическій элементъ,—однако, въ сильной мистической, лучше оккультической, окраскѣ: интересъ къ таинственному высшему знанію; откуда—занятія теософіей, алхиміей, магіей и пр.; наконецъ, 3) подъ вліяніемъ французской революціи, въ масонствѣ начинаютъ сильнѣе пробиваться общественно-политическія теченія, тоже опредѣленной, либерально-космополитической, окраски *).

Что касается внѣшней исторіи нашего масонства XVІІІ-го вѣка, то можетъ быть намѣчена такая схема ея: правительство обратило серьезное вниманіе на масонство, какъ на опредѣленную общественную силу, вслѣдствіе дѣятельности Новиковскаго кружка. Екатерина ІІ не сочувствовала масонамъ не только потому, что сама была чужда всякому мистицизму, но и по тенденціямъ просвѣщеннаго абсолютизма: ей не нравилось притязаніе масонства на независимость и тайну **). Въ своихъ сочиненіяхъ она осмѣивала масоновъ; вольтерьянцы въ этомъ слѣдовали за императрицей.

Съ 1785 года противъ масоновъ правительство предпринимаетъ уже репрессивныя мѣры, и ходъ развитія масонства задерживается.

Но вотъ вступилъ на престолъ Имп. Александръ І,—въ русской государственной политикѣ началось прогрессивно-либеральное направленіе и масонство опять возрождается, а съ нимъ и религіозный мистицизмъ, дотолѣ скрытно жившій въ масонскихъ кружкахъ.

До 1812 года правительство относилось къ мистицизму съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ и даже препятствовало его широкому распространенію ***); это было главнымъ образомъ потому, что въ то время не опредѣлились еще религіозныя симпатіи Имп. Александра; 1812-ый же годъ, оказавшій на Россію и всѣхъ русскихъ потрясающее впечатлѣніе, не безъ

*) *Пытинъ*. Исторія рус. литер., т. ІV, стр. 127 и сл.

**) *Пытинъ*, *ibidem* 937.

***) *Знаменскій*. Чтенія по Исторіи рус. Церкви въ эпоху Александра І, стр. 152.

основанія считаютъ „воротами, черезъ которыя вошло въ Россію господство мистицизма“ *). Итакъ, религиозный мистицизмъ, въ качествѣ составного элемента масонской доктрины, изъ XVIII-го вѣка перешелъ въ XIX-ый и скоро занялъ здѣсь доминирующее положеніе. Какими же причинами, внутренними и внѣшними, объясняется господство мистицизма въ русскомъ обществѣ Александровской эпохи?

Главныя причины распространенія религиознаго мистицизма слѣдующія: унаслѣдованное изъ XVIII-го вѣка вольнодумство, увлеченіе французской философій матеріализма и сенсуализма, религиозное невѣжество высшаго русскаго общества и недостатокъ вліянія на это общество современнаго духовенства. Постараемся объяснить, какъ эти обстоятельства могли повліять на распространеніе мистицизма.

Нечего говорить о господствѣ французской философій, враждебной религіи,—въ Россіи второй половины XVIII го и начало XIX вѣка: это фактъ извѣстный; однако, отсутствіе вѣры, или недостатокъ ея, не могутъ долго удовлетворять человѣческое общество, особенно русское,—отсюда исканіе Бога, жажда сердечной вѣры. Но при этомъ исканіи не только должно хотѣть искать, необходимо знать, гдѣ и какъ искать, необходимы добрыя примѣры и вліяніе; всего этого не было въ высшихъ слояхъ русскаго общества, которые главнымъ образомъ и захватила волна мистицизма.

Русское дворянство начала XIX-го вѣка вообще было довольно невѣжественно **), мало образовано и въ сущности плохо воспитано, а въ особенности въ религиозномъ отношеніи: воспитатели и учителя большею частью французскіе эмигранты, обычно сами люди невѣжественные и мало-нравственные, что могли дать иное, кромѣ образованія, совершенно лишеннаго національной основы, безрелиgioзнаго и неглубокаго, въ лучшемъ случаѣ сводящагося къ чисто внѣшнему лоску и блеску такъ называемаго „свѣтскаго воспитанія“.

Намъ вспоминаются слова Пушкина въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, относящіяся именно къ данной эпохѣ:

*) *Рункевичъ*. Исторія рус. Церкви въ XIX в., стр. 35.

**) См. объ этомъ и вообще для послѣдующаго статьи академика *Дубровина* въ „Русской старинѣ“ 1894—1895 г.г.

„Насъ всѣхъ учили понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть“.

Особенно поразительно было религіозное невѣжество: дѣти не получали почти никакого наставленія въ религіи и рѣдко учились церковно-славянскому языку, такъ что не могли читать по-славянски Св. Писаніе и сознательно присутствовать при богослуженіи; если читали Евангеліе, то на французскомъ языкѣ. Часто даже среди людей образованных встрѣчалось поразительное незнаніе основныхъ истинъ православной вѣры. Большею частью вся религія сводилась къ слѣпой церковной обрядности, и къ этой обрядовой сторонѣ религіи относились такъ внѣшне, что даже атеисты считали своей обязанностью въ исполненіи обрядовъ слѣдовать общему теченію. При всемъ этомъ могъ ли интеллигентный человекъ того времени, ищущій сердечной вѣры, обратиться къ вѣрѣ православной, церковной, если онъ не зналъ и не понималъ церковно-славянскаго языка, съ презрѣніемъ привыкъ относиться къ православію, какъ „вѣрѣ мужицкой“, которая вполнѣ-де исчерпывается „бездушной обрядностью!..“ Естественно, исхода своимъ религіознымъ исканіямъ онъ искалъ на-сторонѣ.

Что же касается тогдашняго духовенства, его вліянія, то тогдашнее духовенство въ большинствѣ случаевъ, по своему положенію и по характеру своего образованія, не могло оказывать на тогдашнюю нашу свѣтскую интеллигенцію должнаго религіозно-воспитательнаго вліянія. Духовенство бѣлое, особенно сельское часто недостаточно образованное или получившее образованіе въ схоластическомъ духѣ, въ полной оторванности отъ обстановки и жизни своей паствы изъ интеллигенціи, матеріально плохо обеспеченное и сравнительно безправное, не могло достаточно вліять на послѣднюю *). Духовенство черное, изъ числа котораго, главнымъ образомъ, пополнялись ряды іерархіи, и духовенство бѣлое, болѣе образованное, было по-преимуществу носителемъ школьнаго „схоластическаго“ богословія **) или поддѣлы-

*) Ср. *Дубровинъ*, Р. С. 1894, XI, стр. 68 и др.

**) *Знаменскій* Руководство по исторіи р. Ц., стр. 405, 407.

валось подь вкусы общества, или „уходило“ отъ него „духовно“, произносило проповѣди, витійственно-риторическія, полемическаго или догматическаго содержанія, оставляя въ тѣни нравственную, жизненную сторону христіанства, которое въ то время требовало наибольшаго вниманія. Конечно, были среди тогдашняго духовенства и такіе представители, какъ святитель Тихонъ Задонскій и Платонъ Левшинъ, впоследствии митр. Московскій, но такихъ было сравнительно немного.

Принявъ во вниманіе всѣ указанныя причины, видимъ, что высшій слой тогдашняго нашего общества при наличности сильнаго религіознаго интереса, въ извѣстномъ смыслѣ вполне естественно, приходилъ къ религіозному мистицизму, который уже давно свилъ себѣ прочное гнѣздо въ масонскихъ кружкахъ, который манилъ къ себѣ своей таинственностью, плѣнялъ своей кажущейся простотой, снисходительностью ко всѣмъ вѣрованіямъ и предоставленіемъ полной свободы отдаваться теченію внутреннихъ чувствъ и увлеченій.

Но, кромѣ внутреннихъ, порождающихъ причинъ распространенія мистицизма, были еще причины благопріятствующія этому распространенію, внѣшнія. Какія же это причины? Русскій государственный абсолютизмъ, способный оказывать сильное вліяніе даже на духовную жизнь русскихъ гражданъ. М-ме де-Сталь писала о Россіи того времени: „вліяніе повелителя здѣсь до того сильно, что съ перемѣной царствованія могутъ перемѣниться понятія о всѣхъ предметахъ“ *). Затѣмъ личность Импер. Александра I,—человѣка отъ природы глубоко-религіознаго, но не получившаго должнаго религіознаго образованія и воспитанія, наоборотъ—получившаго такое воспитаніе, которое его наилучшимъ образомъ подготавливало къ воспріятію мистическихъ вліяній.

Импер. Александръ I самъ жаловался на недостатки своего религіознаго воспитанія. Въ 1819 г. онъ сказалъ квакеру Греллэ де-Мобелье, во время его пребыванія въ Россіи: „приставленные ко мнѣ дядьки имѣли нѣкоторыя добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами, и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ каки-

*) *Знаменскій*. Чтенія..., стр. 35.

ми-либо глубокими нравственными впечатлѣніями. Сообразно съ обычаями нашей греческой церкви, меня приучили формально повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя выученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ моего религіознаго чувства, скоро надоѣлъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ свои грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное раскаяніе пробуждало во мнѣ потребность встать съ постели и среди ночной тишины броситься на колѣни, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силы для большей бдительности надъ собой въ дальнѣйшее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало-по-малу, при отсутствіи нравственной поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірской разсѣянностью грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ“ *). И вотъ, предоставленный самому себѣ, Императоръ Александръ выработалъ себѣ своеобразную религію, безъ опредѣленныхъ догматическихъ убѣжденій, универсальную религію сердца, одинаково мирившуюся со всѣми вѣроисповѣданіями и ни къ одному изъ нихъ не принадлежащую, близкую болѣе къ протестантскому мистицизму, чѣмъ къ православію.

Изъ высшихъ правительственныхъ лицъ тогдашняго времени двое наиболѣе вліятельныхъ—кн. Голицынъ, съ 1803 г.— оберъ прокуроръ Синода, и гр. М. М. Сперанскій, статсъ-секретарь, очень приближенное лицо къ государю—были мистиками, сочувствовали мистицизму и многимъ содѣйствовали его распространенію.

Кн. Голицынъ сдѣлался главой мистическаго движенія, крѣпко вѣрилъ въ него и всячески ему покровительствовалъ. Одинъ хорошій знатокъ той эпохи **) даетъ такую характеристику Голицына: „этотъ странный и, повидимому, добрый человѣкъ, изучившій до тонкости и до мельчайшихъ подробностей науку царедворскую, хитрый придворный, умѣв-

*) См. Русская Старина 1894 г., X, стр. 124—125.

**) *Морошкинъ*. Иезуиты въ Россіи, гл. 2, стр. 30.

шій ловко и безопасно пролаивировать между дворскими Сциллами и Харибдами при трехъ царствованіяхъ, не со-всѣмъ похожихъ другъ на друга,—былъ совершенный мла-денецъ въ религіозныхъ предметахъ, почти невѣжда въ пра-вославіи и жалкое игрище всѣхъ сектантовъ, всѣхъ рели-гіозныхъ утопистовъ, представителей всѣхъ религіозныхъ теорій... Въ этой душѣ, не имѣвшей прочной религіозной подкладки и фундамента, спокойно умѣщались и ужива-лись всѣ религіозныя вѣрованія, какъ бы они противорѣ-чивы ни были и какъ бы они ни исключали себя вза-имно“. Не смотря на это, Голицынъ стоялъ во главѣ всего религіознаго дѣла Россіи, — какъ оберъ-прокуроръ Синода, какъ членъ комиссіи духов. училищъ (1808), какъ управля-ющій (съ 1810 г.) дѣлами главнаго управленія иностр. испо-вѣданій въ Россіи, какъ предсѣдатель библейскаго общества (1813) и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣще-нія (1817).—Сперанскій, человекъ могучаго духа и широкаго образованія, съ мистическими запросами, подъ вліяніемъ необычайно быстрой карьеры, постояннаго сосредоточенія и углубленія, въ связи съ общимъ направленіемъ времени,—еще больше утвердился въ мистическомъ настроеніи *). Мы знаемъ его лишь какъ государственнаго дѣятеля, а онъ жилъ и богатой духовной жизнью; свои мистическія воззрѣ-нія, близкія къ православію—по авторитетному свидѣтель-ству епископа Теофана **),—онъ изложилъ въ письмахъ къ разнымъ лицамъ.

Александръ былъ расположенъ къ мистической религіоз-ности, но до 1812 г. какъ-то не проявлялъ ея, былъ даже какъ будто индифферентенъ къ религіи, увлеченный поли-тическимъ либерализмомъ ***). Двѣнадцатый годъ произвелъ въ немъ духовный переломъ: „великія событія этого года, въ которыхъ онъ былъ такимъ виднымъ участникомъ, — страшное бѣдствіе непріятельскаго нашествія, не менѣе страш-ное паденіе врага, быстрое и необычайное возвышеніе нахо-дившейся на краю гибели Россіи, становившейся спаситель-ницей Европы“, ****)—подавили впечатлительную душу Але-

*) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели... стр. 39.

***) Письма о духовной жизни, стр. 7.

****) Проф. Надлеръ. Им. Александръ I..., т. I, 33.

*****) Знаменскій. Чтеніе, стр. 26.

ксандра: онъ „поникъ предъ величіемъ этихъ событій и смиренно созналъ себя лишь орудіемъ Высшей Воли“. Въ 1818 г., бесѣдуя съ прусскимъ епископомъ Эллертомъ, Александръ сказалъ ему: „...пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ намъ Его св. Писаніе; съ тѣхъ только поръ я понималъ Его волю и законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость — посвятить себя и все свое царствованіе Его имени и славѣ“ *). Такое же впечатлѣніе произвели событія 1812 года и на все русское общество, встряхнули его нравственно, заставили оглянуться на себѣ, сознать на себѣ десницу Божью. Это чувствовали всѣ, всѣ прониклись этимъ религіозно-національнымъ энтузіазмомъ, но истолкованіе сему далъ митрополитъ, тогда архимандритъ, Филаретъ Дроздовъ въ своемъ „разсужденіи о нравственныхъ причинахъ немовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ французами 1812 г.“ **), гдѣ изъяснилъ что „судьба Россіи отъ глубокаго мрака изведена, какъ полдень, путями Провидѣнія“. Въ заключеніе своего разсужденія славный витія восклицалъ: „да будетъ наша слава въ томъ, что наша вѣра и правда привлекли къ намъ око Божьей благодати!.. Какъ часто надъ нами былъ виденъ собственный перстъ Божій... Нынѣ, заблуждающіе народы, познайте пути къ потерянному вами и тщетно въ суетныхъ мечтаніяхъ искомому благоденствію! Нынѣ, благословенная Богомъ Россія, познай свое величіе и не воздремли, сохраняя основанія, на которыхъ оно воздвигнуто!“

Послѣ 1812 года мы видимъ расцвѣтъ мистицизма: религіозное чувство высшихъ слоевъ русскаго общества, не привыкшее, отчасти неспособное, къ церковному руководству, — вылилось въ мистическія формы; мистицизмъ достигъ крайнихъ предѣловъ, сталъ переходить въ религіозное сектанство. Качественному усиленію соотвѣтствовало и количественное распространеніе. Послѣднее совершалось — черезъ дѣятельность свѣтскихъ кружковъ (напр. кн. Мещерской, кн. Голицыной); черезъ основанное въ 1813 году Библейское

*) *Богдановичъ*. Исторія Александра I, стр. 14, 19.

**) *Надлеръ*, томъ III, стр. 52—53.

общество, по образцу Англійскаго, имѣвшее своей цѣлью возможно широкое распространеніе книгъ Св. Писанія на различныхъ языкахъ (м. пр. славянскую Библию и Библию на русскомъ языкѣ) и мистическихъ книгъ; черезъ основанное въ 1812 г. двойное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сдѣлавшееся скоро настоящимъ оплотомъ мистицизма, ради успѣховъ котораго оно воздвигло даже гоненіе на просвѣщеніе, „какъ продуктъ лжеименнаго знанія“ *). Былъ еще путь распространенія идей мистицизма—изданіе журналовъ и вообще литературная дѣятельность.

Свящ. Павелъ Аникіевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) *Знаменскій. Чтенія...* стр. 36—51.

Новый социализмъ, его теорія и практика *).

III. Критическій разборъ теоріи материалистическаго пониманія исторіи.

Съ точки зрѣнія теоріи материалистическаго пониманія исторіи основнымъ факторомъ, опредѣляющимъ процессъ развитія человѣческой жизни, служитъ факторъ экономической, или хозяйственная дѣятельность человѣка. Если мы хотимъ выяснитъ себѣ причины воззрѣній, идей и нравовъ, господствующихъ въ извѣстное время въ извѣстномъ обществѣ, то съ точки зрѣнія этой теоріи мы должны обратиться къ изслѣдованію хозяйства этого общества въ данное время.

Но что же въ такомъ случаѣ движетъ исторію? Что заставляетъ измѣняться самое хозяйство? Причина этого, по теоріи, заключается въ производительныхъ силахъ общества; послѣднія не остаются на одной ступени, а растутъ и развиваются.

Но что такое сами производительныя силы, и чѣмъ обусловливается ихъ ростъ? Объ этомъ теоретики марксизма выражаются крайне туманно и неопредѣленно. „Производительныя силы, говоритъ Туганъ Барановскій, играютъ въ работахъ многихъ изъ марксистовъ такую же роль, какъ жизненная сила въ трудахъ старинныхъ фізіологовъ,—все объясняется этими силами, но что такое представляютъ собой онѣ сами,—объ этомъ умалчивается“ **).

Подъ производительными силами понимаются то „средства производства и обмѣна“, т. е. орудія производства, сырой и вспомогательный матеріалъ, то сюда зачисляется и внѣшняя природа, то самый революціонный классъ признается „величайшей производительной силой“. Каутскій утверждаетъ

*) *Продолженіе.*—См. „Г. Церк.“ м. апр. стр. 112—128.

***) Теоретическія основы марксизма. Стр. 7.

еть, что „состояніе математики точно такъ-же принадлежить къ экономическимъ условіямъ существующаго общества, какъ и состояніе машинной техники или міровой торговли“. Подобнаго взгляда держится какъ будто бы и самъ Марксъ, причисляя къ факторамъ историческаго движенія „теоретическое и практическое отношеніе людей къ природѣ, естествознаніе и промышленность“ *). Но признавать факторами историческаго развитія человѣчества естествознаніе, или математику, или извѣстный общественный классъ съ его взглядами и идеалами,—значить утверждать, что исторію создаютъ не одни только матеріальные факторы, а и факторы „идеологическіе“.

Такая неясность и спутанность въ опредѣленіи производительныхъ силъ не является для марксистской теоріи случайнымъ явленіемъ, слѣдствіемъ простой необработанности ея съ логической стороны; неясность теоріи въ этомъ пунктѣ характерное для нея явленіе; она говоритъ объ основной и неодолимой для нея трудности, избѣгать которую можно только двумя путями—или рѣшительнымъ отказомъ отъ основъ теоріи или двусмысленнымъ и неотчетливымъ ея изложеніемъ.

Дѣло въ томъ, какъ объяснить возможность развитія человѣчества, его перехода съ одной ступени на другую, если допустить, что основными явленіями, опредѣляющими природу человѣка, служатъ тѣ лишь психическія состоянія, которыя характерны для него, какъ органическаго существа, напримѣръ, голодъ, жажда, половое чувство.

Указывать для объясненія этого на развитіе, наблюдаемое вообще въ органическомъ мірѣ, — мірѣ животныхъ и растений, источникомъ котораго служитъ борьба за существованіе, невозможно. Развитіе, наблюдаемое въ человѣческомъ мірѣ, имѣетъ такую своеобразную особенность, которая рѣшительно не дозволяетъ видѣть въ немъ лишь частный случай общаго правила. Развитіе, наблюдаемое въ человѣческомъ мірѣ качественно отлично отъ развитія, совершающагося въ органическомъ мірѣ на основахъ борьбы за существованіе.

Первое развитіе носитъ активный характеръ,—второе же—

*) Подр. объ этомъ см. у Туганъ-Барановскаго. Цит. соч. Стр. 4—18.

совершенно пассивно. Животное, напримѣръ, благодаря борьбѣ за существованіе, совершенствуется въ своей природѣ, но все это его совершенствованіе заключается лишь въ органической приспособленности. Измѣняется собственно организмъ животнаго соотвѣтственно средѣ и природнымъ условіямъ существованія въ ней. Животное, напримѣръ, совершенствуется въ бѣгѣ, или у него появляются клыки для удобнаго растерзанія пищи, или вырабатывается выносливость въ перенесеніи голода и жажды и т. д. Самое же отношеніе животнаго къ окружающей его средѣ своего характера не измѣняетъ. Какъ до усовершенствованія въ бѣгѣ или до появленія клыковъ оно жило исключительно на счетъ того, что непосредственно дано природой, такъ и послѣ всего этого оно живетъ на счетъ того же самаго. Какъ ранѣе его дѣятельность въ отношеніи къ природѣ носила потребительный характеръ, такъ точно подобный характеръ остался за ней и впослѣдствіи.

Поэтому зависимость животнаго отъ окружающей природы остается въ существѣ дѣла на той же самой ступени; эта зависимость всегда—непосредственна.

Между тѣмъ дѣятельность человѣка по отношенію къ природѣ носитъ активный характеръ. Человѣкъ, вмѣсто того, чтобы сильно приспособляться къ окружающей средѣ, стремится воздѣйствовать на нее и измѣнять ее сообразно своимъ потребностямъ. Борьба съ атмосферическими явленіями не заставляетъ тѣло человѣка покрыться шерстью или волосами, а побуждаетъ человѣка построить себѣ жильё или завести одежду. Борьба съ животными или себѣ подобными не удлиннила его челюстей, не сдѣлала ихъ болѣе мощными, не одарила ихъ страшными клыками, а заставила человѣка изобрѣсти оружіе. Точно также отсутствіе въ извѣстной мѣстности достаточнаго количества средствъ существованія, напримѣръ, хлѣбныхъ злаковъ повлекло за собой не измѣненіе организма человѣка, не приспособленіе его къ пропитанію какими-нибудь другими растеніями, а изобрѣтеніе земледѣлія. Всѣ эти факты ясно говорятъ о томъ, что съ развитіемъ человѣка измѣняется и самый характеръ его дѣятельности въ отношеніи къ природѣ: послѣдняя изъ чисто естественной потребительной дѣятельности превращается постепенно въ дѣятельность производительную. Человѣкъ на-

чинаетъ не только пользоваться тѣмъ, что даетъ ему непосредственно природа, но и измѣнять ее соотвѣтственно своимъ потребностямъ. Онъ, напримѣръ, начинаетъ пахать землю, удобрять ее и чрезъ то выращивать искусственно большее количество хлѣбныхъ злаковъ по сравненію съ тѣмъ, какое естественно можетъ произвести для него природа.

Вслѣдствіе этого съ развитіемъ человѣка существенно измѣняется и характеръ его зависимости отъ природы. Если на низшихъ ступеняхъ своего развитія человѣкъ, какъ и животное, является въ непосредственной зависимости отъ природы, то на болѣе высшихъ ступеняхъ эта непосредственная зависимость все болѣе и болѣе пропадаетъ. Человѣкъ начинаетъ все болѣе и болѣе зависѣть отъ самого себя, въ его жизни и дѣятельности начинаютъ играть все болѣе и болѣе важную роль тѣ именно его психическія состоянія, которыя характеризуютъ его, не просто какъ органическое существо, а какъ существо особенное по сравненію съ другими. Его жизнь и дѣятельность, руководимая на первыхъ порахъ слѣпыми инстинктами и влеченіями, съ теченіемъ времени принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ сознательной, творчески—свободной дѣятельности.

Въ существѣ дѣла эту особенность развитія человѣка не отрицаютъ и защитники теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи. И у нихъ эта мысль, хотя и вскользь, но иногда проглядываетъ довольно явственно. Они лишь не останавливаются на ней и не уясняютъ ее вполне, но это говорить только о томъ, что они не продумываютъ основъ своей теоріи до конца.

Такъ, напримѣръ, Энгельсъ говоритъ: „если государство является въ настоящее время — въ эпоху крупной промышленности и желѣзныхъ дорогъ не чѣмъ инымъ, какъ рефлексомъ, въ обобщающей формѣ, экономическихъ потребностей класса, господствующаго въ производствѣ, то оно должно быть такимъ рефлексомъ въ еще большей мѣрѣ въ ту эпоху, когда люди затрачивали гораздо большую часть своего времени на удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ потребностей и потому гораздо больше зависѣли отъ нихъ, чѣмъ мы въ настоящее время“. „Но если, справедливо замѣчаетъ по поводу этихъ словъ Туганъ-Барановскій, люди раньше „гораздо болѣе зависѣли отъ своихъ матеріальныхъ

потребностей⁴, то въ настоящее время мы гораздо свободнѣе отъ нихъ,—Энгельсъ признаетъ другими словами тенденцію соціального развитія къ уничтоженію соціального преобладанія хозяйства^{*)} (т. е. экономического фактора или тѣхъ состояній человѣка, которыя характерны для него, какъ чисто органическаго существа).

Наконецъ, эта мысль объ особенностяхъ развитія человѣка вполне опредѣленно высказывается защитниками марксизма въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они говорятъ о будущемъ социалистическомъ строѣ человѣческаго общества. По ихъ ученію социалистическій строй какъ разъ и поведетъ къ полному освобожденію человѣка отъ гнета стихійныхъ силъ природы и къ независимому господству разума. „Человѣческое общество, говоритъ Энгельсъ, противостоящее нынѣ самимъ людямъ, какъ внѣшній результатъ природы и исторіи, станетъ тогда ихъ собственнымъ, свободнымъ дѣломъ. Объективныя, чуждыя силы, господствовавшія до сихъ поръ въ исторіи, подпадутъ подъ контроль самихъ людей. Только тогда люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ творить свою исторію, только тогда приводимые ими въ движеніе историческіе факторы будутъ во все большей и большей мѣрѣ давать желанные результаты. Это будетъ прыжкомъ человечества изъ царства необходимости въ царство свободы“ (**).

Такимъ образомъ и для самихъ марксистовъ развитіе человечества характеризуется, какъ „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“, другими словами, и для нихъ развитіе человечества не является тождественнымъ съ развитіемъ, наблюдаемымъ въ животномъ мірѣ, а существенно отличается отъ него своей тенденціей къ освобожденію человѣка отъ гнета матеріальныхъ, стихійныхъ силъ природы и къ господству разума и сознанія.

Но если такъ, то какимъ образомъ является возможнымъ въ человѣческомъ мірѣ развитіе съ подобнымъ характеромъ?

Ссылаться въ объясненіе этого на законъ развитія, вообще господствующій въ природѣ, значило бы, — что, на-

*) Теоретическія основы марксизма стр. 94.

**) Философія, полит. экономія, социализмъ. Стр. 306—307.

дѣмся, достаточно установлено нами, — отказываться отъ объясненія.

Между тѣмъ другого объясненія защитники теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи представить не въ состояніи.

Въ самомъ дѣлѣ, подобный характеръ человѣческаго развитія понятенъ только въ томъ случаѣ, если признается, что въ исторіи человечества имѣютъ значеніе не только тѣ психическія состоянія человѣка, которыя характеризуютъ его, какъ органическое существо, каковыми являются, на примѣръ, ощущенія голода или жажды, а и тѣ, въ которыхъ выражается стремленіе его понять себя, какъ особое существо въ ряду другихъ органическихъ существъ, другими словами, въ которыхъ выражается самостоятельность его психической природы. Сюда относятся, на примѣръ, такъ называемыя Эго-альтруистическія чувствованія: жажда власти, почета и т. д., интеллектуальныя и эстетическія чувствованія и чисто идеальныя чувствованія — нравственныя и религіозныя. Назовемъ ихъ однимъ терминомъ „чисто психическія состоянія“.

Между тѣмъ всѣ эти состоянія съ точки зрѣнія марксистской теоріи не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія въ процессѣ историческаго развитія человечества. Основными факторами послѣдняго по этой теоріи служатъ лишь тѣ психическія состоянія человѣка, которыя характерны для него, какъ органическаго существа. Но съ обособленіемъ ихъ отъ переживаній чисто психическихъ вся сознательная жизнь человѣка нисходитъ на степень простого отраженія фізіологическихъ состояній. Развитие человѣка вслѣдствіе этого становится невозможнымъ. При такомъ условіи мы должны снова придти къ точкѣ зрѣнія грубаго матеріализма, все относить на сторону вліянія на человѣка внѣшней природы, а такъ какъ послѣдняя слишкомъ мало мѣняетъ свой обликъ, то встать втупикъ при попыткѣ объяснить исторію человѣка, его развитіе.

Избѣжать этого тупика марксизму никакъ нельзя. Правда, въ отличіе отъ прежняго матеріализма, признающаго за дѣйствительность только внѣшне воспринятый объективный міръ, т. е. матерію, онъ признаетъ дѣйствительностью и человѣческую практику, поскольку она обращена къ внѣшнему,

матеріальному міру, питається и поддерживается образами, идущими отъ этого міра. „Основной недостатокъ господствовавшего доселѣ матеріализма, говоритъ Марксъ, заключается въ томъ, что предметъ, дѣйствительность, чувственно воспринимаемое понимается имъ лишь подъ формой объекта или созерпанія, но не субъективно, какъ человѣческая вещественная дѣятельность, какъ практика. Поэтому дѣятельная, активная сторона была выражена идеализмомъ, въ противоположность матеріализму, лишь абстрактно, ибо идеализмъ естественно не признаетъ реальной, чувственной дѣятельности“ *).

Но подобное разъясненіе нисколько не рѣшаетъ вопроса. Мало признать неопредѣленно субъективную дѣйствительность, или человѣческую дѣятельность, чтобы уяснить возможность развитія человѣчества. Надобно имѣть въ виду особенный характеръ человѣческой дѣятельности, какъ дѣятельности не только потребительной, но и производительной. Человѣкъ ѣсть и пьетъ то, что дано ему непосредственно природой. Это — его вещественная дѣятельность. Человѣкъ съ другой стороны занимается земледѣліемъ, прилагаетъ свои усилія къ тому, чтобы повысить интенсивность силъ природы, дающихъ ему средства къ существованію. Это — также его вещественная дѣятельность. Пусть будетъ признана вещественная дѣятельность человѣка перваго рода, а такую только дѣятельность, держась своихъ основъ, марксизмъ и можетъ признать, тѣмъ самымъ еще нисколько не уяснится возможность вещественной дѣятельности человѣка втораго рода.

Давая свое разъясненіе, Марксъ въ существѣ дѣла допускаетъ ошибку, извѣстную въ логикѣ подъ именемъ „*quaternia terminorum*“, и только благодаря этой ошибкѣ избѣгаетъ тупика грубаго матеріализма.

Онъ стремится признать дѣйствительностью человѣческую дѣятельность; „человѣкъ практикой, говоритъ онъ, доказываетъ истину, т. е. дѣйствительность и силу, реальность своей мысли“, разумѣя въ этомъ случаѣ, конечно, человѣческую дѣятельность, какъ дѣятельность производительную и въ тоже время стремится понять человѣческую практику

*) Марксъ о Фейербахѣ.

материалистически, ограничивъ ее кругомъ органическихъ переживаній, другими словами придавая ей смыслъ и характеръ чисто потребительной дѣятельности.

Но развѣ отъ послѣдней дѣятельности есть прямой переходъ къ первой? Развѣ изъ того факта, что человѣкъ ѣсть, можно непосредственно заключить и къ тому, что человѣкъ занимается земледѣліемъ? Если же этого сдѣлать нельзя, то почему дѣятельность человѣка носить не только пассивный, но вмѣстѣ и активный характеръ? Отчего она является не только потребительной, но и производительной? Почему человѣческая практика не имѣетъ разѣ навсегда очерченнаго круга? Почему ея предѣлы такъ неопредѣленно обрисованы природой, что является возможнымъ переходъ ея съ одной ступени на другую?

Нечего въ данномъ случаѣ скрывать за понятіемъ дѣятельность или практики. Вѣдь не всякая дѣятельность, не всякая практика, по ученію самихъ марксистовъ, есть дѣятельность активная, способная къ самостоятельному развитію. Дѣятельность, направленная на удовлетвореніе идеальныхъ потребностей человѣка, является для нихъ **лишь** видимо активной дѣятельностью, самостоятельно развиваться она не можетъ, кругъ этой дѣятельности по ихъ ученію точно очерченъ состояніемъ хозяйственной дѣятельности; слѣдовательно по существу идеальная дѣятельность человѣка, по ученію марксизма, пассивна, она служитъ простымъ отраженіемъ его хозяйственной дѣятельности. Поэтому марксисты не преминули бы обвинить въ *quaternia terminorum* того идеалиста, который вздумалъ бы доказывать значеніе чисто психическихъ переживаній въ процессѣ историческаго развитія человѣчества такимъ образомъ: признать человѣческую практику необходимо. Но человѣческая практика выражается и въ осуществленіи такихъ стремленій, которыя коренятся въ чисто психическихъ переживаніяхъ человѣка; слѣдовательно, въ процессѣ историческаго развитія имѣютъ значеніе не только психо-органическія, но и чисто психическія состоянія человѣка. Они сказали бы на это, что человѣческая дѣятельность можетъ быть дѣятельностью и мнимо активной. Между тѣмъ въ проведеніи своей теоріи они сами скрываются за неопредѣленнымъ понятіемъ дѣятельности человѣка.

Если понятіе дѣятельности такимъ образомъ не равнозначительно понятію развитія, наблюдаемаго въ человѣческомъ мірѣ, если, признавая за дѣйствительность человѣческую практику, мы тѣмъ самымъ еще не объясняемъ ея активности, ея способности къ самостоятельному развитію, то намъ необходимо выяснить, почему „вещественная человѣческая практика“, или практика, направленная на предметы внѣшняго міра, является относительно самостоятельной дѣятельностью и способна поэтому къ развитію?

Этотъ пунктъ въ теоріи марксизма и остается невыясненнымъ, и нужно замѣтить, эта теорія и не можетъ его выяснить. Она не въ состояніи понять возможности производительной дѣятельности человѣка. Отсюда она естественно не можетъ дать вполнѣ отчетливаго и яснаго опредѣленія производительныхъ силъ.

Какъ мы видѣли выше марксисты въ своихъ попыткахъ опредѣлить это понятіе, неизбѣжно зачисляють въ производительныя силы и такія явленія человѣческой жизни, которыя коренятся въ чисто психической области, какъ, напримеръ, науку.

Эта непослѣдовательность и объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы не въ состояніи понять развитіе человѣка, если не признаемъ, въ качествѣ одного изъ его факторовъ, чисто психическія переживанія.

Какъ только мы исключимъ эти элементы человѣческаго сознанія, признавши ихъ простымъ отраженіемъ эгоистическихъ интересовъ, тотчасъ сознаніе или психическое начало должно потерять и значеніе средства у человѣка въ его борьбѣ за существованіе. Всякая его роль, даже служебная, должна, благодаря этому, прекратиться. Ростъ потребностей человѣка и отсюда развитіе его вещественной дѣятельности становится невозможнымъ. Производительныя силы человѣка, ихъ степень и напряженіе разъ навсегда въ этомъ случаѣ должны быть опредѣленны. Относительная самостоятельность человѣка въ природѣ, самостоятельность его, какъ хозяйственнаго дѣятеля, необходимо пропадаетъ. Указывать въ этомъ случаѣ для объясненія возможности развитія хозяйственной дѣятельности на то, что человѣкъ, какъ организмъ, измѣняетъ природу и условія своего существованія, нельзя. Вѣдь, и всѣ животныя, какъ организмы, из-

мѣняютъ природу, и они, добывая себѣ средства къ существованію, приготовляя себѣ логовища и т. д. воздѣйствуютъ на окружающую среду,—тѣмъ не менѣе это ихъ воздѣйствіе не получаетъ характера относительно самостоятельной дѣятельности, способной къ развитію. У нихъ развивается не активное воздѣйствіе на природу, а пассивное—органическая приспособляемость къ внѣшней средѣ.

Но если мы и оставимъ въ сторонѣ животный міръ, въ самой человѣческой жизни можно найти рѣшительныя основанія, убѣждающія въ полной невозможности развитія человѣка въ томъ случаѣ, если его сознаніе лишается самостоятельности.

Голодь и любовь—вотъ двѣ силы, правящія міромъ. Этотъ афоризмъ часто провозглашаютъ марксисты, мало вдумываясь однако въ его содержаніе.

Голодь толкаетъ человѣка по пути развитія. Это—фактъ. Но когда и при какихъ условіяхъ? Простое психологическое наблюденіе показываетъ, что голодь тогда только заставляетъ человѣка мыслить, изобрѣтать, словомъ дѣятельно измѣнять условія своего существованія, когда его сознаніе не находится въ плѣну у голода, когда оно чувствуетъ свою цѣнность и независимость. Пусть голодь у человѣка повысится до такой степени, что его сознаніе забудетъ о своей цѣнности и сполна обратится на простое отраженіе органической потребности, — и голодь вмѣсто того, чтобы быть силой, толкающей человѣка впередъ, будетъ силой, толкающей его назадъ. Мысль человѣка будетъ убита, она не будетъ служить для него цѣннымъ средствомъ; и человѣкъ станетъ игрушкой въ рукахъ внѣшней природы. Въ какихъ мѣстахъ зародились очаги первоначальной цивилизаціи человѣчества? Въ мѣстахъ болѣе или менѣе плодородныхъ, въ которыхъ забота о насущномъ хлѣбѣ не поглощала человѣка сполна. Что-же это значитъ?—то, что голодь—плохой пособникъ цивилизаціи, если въ виду его сознаніе человѣка лишается самостоятельности. Все это проповѣдникамъ социалдемократическаго ученія, какъ защитникамъ интересовъ рабочаго класса, должно быть понятно.

Но все это для нихъ можетъ показаться слишкомъ неубѣдительнымъ. Въ этихъ фактахъ они не замѣтятъ опроверженія своей теоріи, они не увидятъ, что они въ дѣйстви-

тельности говорить о томъ, что голодъ, какъ органическая потребность, играетъ вовсе не такую важную роль въ дѣлѣ развитія человѣчества. Они не обратятъ вниманія на то, почему голодъ только извѣстнаго напряженія можетъ побуждать человѣка къ развитію, съ увеличеніемъ же своей интенсивности онъ становится регрессивной силой. Не обративши же вниманія на это, они могутъ данные факты истолковать даже въ свою пользу. Они по этому поводу могутъ сказать: „вотъ блестящее доказательство нашего положенія, что идеальныя стремленія человѣка играютъ въ исторіи второстепенную роль“. „Люди должны, какъ говоритъ Энгельсъ, прежде всего ѣсть, пить, имѣть жилище и одежду, а уже потомъ они могутъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и проч.; производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни и слѣдовательно данная степень экономическаго развитія народа или эпохи образуетъ такимъ образомъ основу, на которой развиваются государственныя учрежденія, правовыя воззрѣнія, искусство и даже религіозныя вѣрованія людей“.

Въ такомъ случаѣ надо обратить вниманіе на другую сторону того же самаго явленія.

Какъ извѣстно, удовлетвореніе органической потребности пробуждаетъ въ сознаніи человѣка чувство удовольствія, неудовлетвореніе же чувство страданія и подавленности. Степень силы этихъ чувствованій играютъ большую роль въ дѣлѣ развитія человѣка. Представьте, что удовлетвореніе органической потребности сопровождается необыкновенно сильнымъ, захватывающимъ сполна человѣческое сознаніе чувствомъ удовольствія,—развѣ при этомъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы развиваться, не станетъ толкаться на одномъ и томъ же мѣстѣ? Пусть удовлетвореніе голода сопровождается у человѣка такимъ сильнымъ чувствомъ удовольствія, что его сознаніе, какъ сознаніе Собакевича, вспыхиваетъ и начинаетъ работать лишь при созерцаціи кушаній и отвѣдываніи ихъ,—развѣ такой человѣкъ будетъ пособникомъ цивилизаціи и культуры?

Слѣдовательно, необходимо принять, что органическая потребность, напримѣръ, голодъ тогда только можетъ побуждать человѣка къ развитію, когда удовлетвореніе этой потребности не захватываетъ всецѣло сознанія человѣка, когда

послѣднее не растворяется вполнѣ въ томъ чувствѣ удовольствія, которое происходитъ при удовлетвореніи этой потребности. А это возможно только въ томъ случаѣ, если сознание человѣка при удовлетвореніи чувства голода переживаетъ въ себѣ и другія потребности, за которыми признаетъ большую цѣнность и достоинство по сравненію съ одной потребностью. Уничтожьте въ сознаниіи человѣка этотъ моментъ—чувствованіе человѣкомъ, такъ сказать, широты своей природы, чувствованіе того, что его природа не исчерпывается одними органическими потребностями,—и его сознание будетъ всецѣло растворяться въ чувствѣ удовольствія, протекающемъ отъ удовлетворенія этихъ потребностей. У человѣка не будетъ другихъ интересовъ, кромѣ удовлетворенія своего желудка или полового чувства, его горизонтъ съузится, и вслѣдствіе этого онъ съ необходимостью пойдетъ по пути регресса. Его сознание, вмѣсто того, чтобы быть дѣятельнымъ, склонится сполна на сторону тѣхъ органическихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ вызываетъ болѣе сильное чувство удовольствія и окажется у нихъ въ полномъ плѣну. Извѣстно, что у людей съ неразвитымъ сознаниемъ или атрофированными духовными потребностями только и отрады въ жизни, что алкоголь да половая любовь. Но гдѣ владываютъ безраздѣльно эти силы, тамъ человѣкъ быстрыми шагами идетъ не къ прогрессу, а къ вырожденію и смерти. Почему алкоголь для дикихъ, некультурныхъ племенъ и расъ представляетъ ужасную отраву, которая быстро сметаетъ ихъ съ лица земли?—потому что, не зная сильныхъ духовныхъ потребностей, не переживая интенсивнаго чувства удовольствія отъ удовлетворенія ихъ, они не въ состояніи стать выше того чисто пассивнаго животнаго удовольствія, которое вызываетъ у человѣка пріемъ алкоголя, и потому всецѣло отдаются ему. Человѣкъ въ своей жизни необходимо стоитъ предъ дилеммой: или у него должна развиваться самостоятельность и активность на основѣ духовныхъ потребностей, или съ склоненіемъ его вниманія на сторону органическихъ потребностей у него будетъ повышаться чувство удовольствія отъ недѣятельнаго, пассивнаго состоянія его сознаниа: удовольствіе ѣды, сытости, лѣности, безопасности, пьянства и половой любви.

Такимъ образомъ голодъ ли самъ по себѣ создаетъ въ

человѣчествѣ культуру и цивилизацію? Нѣтъ, причина прогресса человѣчества заключается въ томъ, что человѣкъ, удовлетворяя свой голодъ, въ то же время чувствуетъ, что онъ—болѣе, чѣмъ организмъ, назначеніе котораго только въ томъ, чтобы питаться и размножаться. Поэтому лишь въ той степени, въ какой развиваются въ сознаниі человѣка духовныя потребности, не стоящія въ связи съ органическими потребностями, другими словами въ той степени, въ какой сознание человѣка, освобождаясь отъ необходимости служить простымъ отраженіемъ органическихъ потребностей, схватываетъ въ нѣкоторыхъ своихъ состояніяхъ свою самостоятельность и независимость, у человѣка начинается складываться и возрѣніе на окружающую его природу, какъ на средство для своего существованія; человѣкъ начинаетъ сообразно своимъ цѣлямъ измѣнять природу, воздѣйствовать на нее—словомъ вступаетъ на путь культурнаго развитія.

Такимъ образомъ поддержаніе себя или самосохраненіе является, конечно, силой движущей человѣчество; но не надобно забывать, что самосохраненіе вовсе не является въ этомъ случаѣ, какъ сохраненіе или поддержаніе своего организма. Если бы сознание человѣка было сосредоточено цѣликомъ на однихъ органическихъ потребностяхъ, въ такомъ случаѣ активная дѣятельность человѣка въ природѣ развиться бы не могла: человѣкъ явился бы такимъ же точно дѣятелемъ, какими являются и животныя: все его развитіе сосредоточивалось бы въ предѣлахъ организма, касалось бы только чисто органической силы, ловкости, выносливости и т. под.; его сознание, какъ и у животныхъ, играло бы совершенно недѣятельную роль. Та дѣятельность, которую человѣкъ обнаруживаетъ въ природѣ, исключительно основывается на томъ, что поддержаніе организма есть лишь средство для другой высшей цѣли. Не сознавая человѣкъ, хотя бы смутно, эту цѣль, не имѣй онъ такихъ переживаній, которыя не стоятъ въ связи съ организмомъ, онъ никогда не дошелъ бы до мысли, что организмъ, которымъ онъ владѣетъ, и тѣ условія, въ которыя онъ поставленъ непосредственно природой, не составляютъ еще всего, что онъ можетъ воздѣйствовать на эти условія и вводить нѣчто новое. Активная дѣятельность требуетъ сознаниа широты человѣческой природы; она не мыслима, если кругъ дѣятельности

опредѣленъ строго и изъ него исключена совершенно область возможнаго. Но какимъ образомъ могло бы пробудиться такое сознание у человѣка, если бы оно, служа простымъ отраженіемъ органическихъ потребностей, находилось у нихъ въ полномъ подчиненіи? Вѣдь сознать свою большую широту человѣку, пока онъ остается на почвѣ органическихъ потребностей, безусловно невозможно. Здѣсь все опредѣлено: природой установлена потребность, ея же опредѣленъ и способъ удовлетворенія этой потребности. Какимъ же образомъ у человѣка появилась мысль, что природныя условія далеко еще не связываютъ его, что съ ними онъ еще можетъ бороться? Какимъ образомъ далѣе эта мысль могла сосредоточить силы человѣка и стать мотивомъ его дѣятельности? А вѣдь только съ этой мыслью и начинается культурное развитіе человѣка; безъ нея человѣкъ остается пассивнымъ существомъ, не способнымъ подвинуться въ своемъ развитіи ни на шагъ. Такимъ образомъ человѣкъ никогда не выступилъ бы въ природѣ въ роли хозяйственнаго дѣятеля, если бы онъ не переживалъ въ себѣ такихъ психическихъ состояній, въ которыхъ проявляется самостоятельность его сознанія, если бы онъ вообще не сознавалъ, хотя бы въ высшей степени тускло и неотчетливо, что онъ является носителемъ нѣкоторой высшей цѣнности, которая можетъ найти себѣ осуществленіе лишь внѣ круга удовлетворенія органическихъ потребностей. Чтобы выступить въ подобной роли, человѣкъ долженъ стать выше минуты, выше того настоящаго, которое дано ему непосредственно природой. Но какимъ образомъ будущее можетъ стать мотивомъ человѣческой дѣятельности, если размышленіе и раздумываніе—словомъ дѣятельное состояніе сознанія само по себѣ не пробуждаетъ въ человѣкѣ чувства удовольствія, и, если съ другой стороны, онъ не чувствуетъ въ себѣ силы осуществить будущее, другими словами если онъ не сознаетъ себя носителемъ нѣкоторой высшей силы?

„Если бы человѣкъ былъ лишенъ, говоритъ Туганъ-Барановскій, совершенно чуждаго практическихъ интересовъ любопытства, радости познанія, то никакая практическая потребность, какъ бы важна она ни была, не могла бы повести къ могущественному развитію человѣческаго разума, на чемъ основывается вся цивилизація. Не нужно преуве-

личивать значенія практическихъ потребностейъ жизни. Человѣкъ (а первобытный человѣкъ въ особенности) есть инертное и косное существо, очень неохотно предпринимающее что-либо, не доставляющее ему непосредственнаго наслажденія. „Всегда приходится удивляться, говорить Ратцель, незначительности самостоятельныхъ изобрѣтеній у первобытныхъ народовъ, не замѣчающихъ даже наиболѣе доступнаго ихъ пониманію“. Всѣ описанія жизни первобытнаго человѣка сходятся въ томъ, что забота о будущемъ ему совершенно незнакома. При такой психической природѣ примитивнаго человѣка совершенно невѣроятно, чтобы когда-либо могло быть сдѣлано какое-либо важное изобрѣтеніе, если бы дѣятельность интеллекта не доставляла самостоятельнаго наслажденія даже первобытному человѣку. Еще труднѣе объяснить послѣдующіе поразительные успѣхи научнаго познанія его практической полезностью. Умственная работа есть величайшее наслажденіе для всякаго истиннаго научнаго изслѣдователя, наслажденіе, не имѣющее ничего общаго съ инстинктомъ самосохраненія“ *).

Но стремленіе къ познавательной дѣятельности, выражающееся на низшей ступени развитія человѣка въ любопытствѣ, на высшей въ стремленіи къ знанію ради знанія представляетъ лишь одно изъ условій развитія человѣка.

Чтобы встать на путь культурнаго развитія, человѣкъ не только долженъ пережить чувство удовольствія отъ дѣятельнаго состоянія своей мысли; онъ долженъ почувствовать свою цѣнность, долженъ пережить до нѣкоторой степени чувство благородства своей природы. Культура зарождается въ тотъ моментъ, когда человѣкъ начинаетъ измѣнять природныя условія своего существованія. Но это мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если мысль о возможности измѣненія природныхъ условій сопровождается мыслью объ исключительномъ положеніи человѣка на землѣ, мыслью о томъ, что-то внутреннее начало, которому подчиняется въ данномъ случаѣ человѣкъ, есть нѣчто высшее и служить болѣе вѣрнымъ отраженіемъ сущности природы по сравненію съ тѣмъ порядкомъ удовлетворенія органическихъ потребностей, съ которымъ человѣкъ считается естественно. Не сопровождай-

*) Теоретическія основы марксизма. Стр. 70—71.

ся мысль объ измѣненіи природныхъ условій существованія мыслью о величій цѣли, въ виду которой оно совершается, она бы показалась человѣку, какъ нѣчто противоестественное, способное внушить ужасъ и отвращеніе. Но мысль объ исключительномъ положеніи человѣка и о природныхъ условіяхъ его существованія, какъ не отражающихъ точно сущности дѣйствительности, поддерживается религіей. Поэтому не мудрено, что въ народныхъ мифахъ всѣ изобрѣтенія приписываются богамъ или людямъ, находящимся въ общеніи съ богами.

Такимъ образомъ религія и наука—вотъ два фактора культурнаго развитія человѣчества.

Поэтому въ противоположность положенію Энгельса, что человѣкъ сначала долженъ ѣсть и пить, а потомъ онъ уже можетъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ и религіей, нужно сказать, что человѣкъ долженъ сначала заниматься политикой, наукой, искусствомъ и религіей, а потомъ онъ уже можетъ ѣсть и пить, готовить себѣ одежду и жилище. Высказывая свое положеніе, Энгельсъ упускаетъ изъ вниманія, что удовлетвореніе человѣкомъ органическихъ потребностей: голода и жажды—можетъ совершаться чисто пассивно, по животному, съ полнымъ подчиненіемъ тѣмъ условіямъ, въ которыя поставленъ человѣкъ непосредственно природой, и культурно, активно, съ возвышеніемъ надъ этими природными условіями. Человѣкъ можетъ собирать зерна хлѣбныхъ злаковъ, естественно растущихъ въ извѣстной мѣстности, и можетъ, съ цѣлью искусственнаго выращиванія, обрабатывать землю. Несомнѣнно, что поддержаніе человѣкомъ своего существованія исключительно при посредствѣ природныхъ условій не требуетъ активнаго вмѣшательства его сознанія. Человѣкъ, какъ животное, можетъ ѣсть и пить, не занимаясь ни политикой, ни наукой, ни искусствомъ, ни религіей. Въ этомъ Энгельсъ вполне правъ. Но, вѣдь, человѣкъ на ступени животнаго не остается; онъ стремится стать выше природныхъ условій своего существованія; онъ становится на путь культуры, стремится стихійную зависимость въ отношеніи своего существованія, непосредственную зависимость отъ природы, замѣнить зависимостью посредственной, разумной, зависимостью отъ самаго себя и себѣ подобныхъ. Человѣкъ, питаю-

щійся зернами естественно произрастающих хлѣбныхъ злаковъ, становится въ дальнѣйшемъ земледѣльцемъ. Его дѣятельность, носящая на первыхъ порахъ исключительно потребительный характеръ, превращается въ дѣятельность производительную; человѣкъ не только для удовлетворенія своего голода опустошаетъ природу; онъ начинаетъ ее обрабатывать, начинаетъ помогать ей своей дѣятельностью въ произведеніи извѣстныхъ растений. Какимъ же образомъ совершается этотъ процессъ? Почему природная потребительная дѣятельность человѣка принимаетъ производительный характеръ? Это остается совершенно непонятнымъ, если отрицается самостоятельное значеніе за сознательной дѣятельностью человѣка. Чтобы ѣсть и пить, какъ животное, человѣкъ не нуждается въ сознаніи самостоятельности разумнаго начала; но чтобы ѣсть и пить по человѣчески, съ возмѣщеніемъ природы, съ затратой своихъ силъ для ея производительности, для этого одного голода и жажды недостаточно. Къ этимъ побудительнымъ причинамъ должно присоединиться сознаніе, что не всякаго рода дѣятельность, имѣющая своей цѣлью удовлетвореніе органическихъ потребностей, есть дѣятельность, соотвѣтствующая природѣ человѣка, что человѣкъ долженъ выбрать ту дѣятельность, которая, удовлетворяя голодъ и жажду, въ то же время расширяетъ область разумнаго начала, выставляя его, какъ главное и существенное. При этомъ только условіи и можетъ начаться культурное развитіе человѣка: послѣдній начинаетъ ѣсть и пить и въ то же время удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ. Культурная дѣятельность и является дѣятельностью, носящей одновременно какъ матеріальный, такъ и духовный характеръ. Она не мыслима какъ при полномъ отсутствіи органическихъ потребностей, такъ и при исключительномъ преобладаніи ихъ, при несамостоятельности духовнаго начала. Имѣй поэтому человѣкъ только одни органическія потребности, и являйся его сознаніе простымъ отраженіемъ ихъ, культурная его дѣятельность начаться бы не могла. Въ этомъ случаѣ человѣкъ пошелъ бы только по пути, указанному природой: его дѣятельность, обращенная къ природѣ, носила бы исключительно потребительный характеръ, дѣятельность въ отношеніи къ себѣ подобныхъ ограничивалась бы только органической борьбой за суще-

ствование, вслѣдствіе чего его развитіе заключалось бы только въ органическомъ совершенствованіи. Въ сознаніи человѣка, въ виду того, что его дѣятельность заключается въ отраженіи органическихъ потребностей (если, конечно, предположить, что при этихъ условіяхъ оно все же продолжало бы работать), выработались бы положенія, какъ разъ противоположныя тѣмъ, которыя вырабатываются человѣчествомъ въ настоящемъ ходѣ его развитія: человѣкъ считалъ бы, напримѣръ, убійство другого человѣка дѣломъ похвальнымъ, между тѣмъ всякое измѣненіе въ природѣ, въ родѣ земледѣлія, дѣломъ безусловно постыднымъ, чисто органическая борьба съ природными условіями—выносливость, закаленность организма причислялась бы къ великимъ событіямъ, между тѣмъ одежда и хижина внушали бы отвращеніе.

Между тѣмъ человѣчество въ дѣйствительности по этому пути не пошло. Побуждаемое своими органическими потребностями, оно стремилось все же къ такой дѣятельности, которая имѣла бы въ виду не только эту цѣль, а, освобождая его отъ зависимости отъ внѣшней природы, сближала бы его съ себѣ подобными, создавая атмосферу, въ которой чувствовалось бы не только стихійное начало, но и начало разумное.

Такимъ образомъ понять хозяйственную дѣятельность человѣка въ природѣ безъ признанія самостоятельности духовнаго начала совершенно нельзя. Конечно, человѣкъ не виситъ на воздухѣ; вся его жизнь требуетъ необходимо матеріальной основы, но дѣлать отсюда выводъ, что эта матеріальная основа и есть основной факторъ развитія,—значить разсуждать слишкомъ грубо. Растеніе, конечно, нуждается въ почвѣ, въ которой оно укрѣпляется своими корнями, но оно не можетъ жить также безъ воздуха и свѣта. И если бы человѣкъ сталъ доказывать, что почва для растенія главное, такъ какъ оно на нее опирается, воздухъ же представляетъ изъ себя лишь такую среду, которая только не препятствуетъ растенію брать изъ почвы необходимое и увеличиваться въ своемъ объемѣ, онъ бы только обнаружилъ поверхностность своего взгляда. Такую же точно поверхностность допускаютъ и марксисты. Они указываютъ на то, что человѣкъ ходитъ по землѣ, голодаетъ и жаждетъ, что онъ

нуждается для поддержанія своего существованія въ матеріальной основѣ, и на этомъ останавливаются, не изслѣдуя далѣе, что опредѣляетъ такой, а не иной характеръ его матеріальной дѣятельности, т. е. дѣятельности, направленной на удовлетвореніе органическихъ потребностей, что заставляетъ расширяться его дѣятельность.

Вотъ почему какъ только марксисты начинаютъ пытаться точнѣе выяснить производительныя силы и условія ихъ роста, они неминуемо оставляютъ избранную ими позицію и начинаютъ выражаться такъ неопредѣленно и двусмысленно, что становится трудно опредѣлить, считаютъ ли они сознание простымъ отраженіемъ органической дѣятельности, или признаютъ за нимъ самостоятельное значеніе.

Такимъ образомъ основа современнаго научнаго социализма,—теорія матеріалистическаго пониманія исторіи,—далеко не представляетъ собой основательной въ логическомъ отношеніи теоріи. Уже самая хозяйственная дѣятельность человѣка и ея характеръ—для нея явленіе совершенно необъяснимое.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію практики новаго социализма.

Законоуч. Нѣжинск. Инст. Н. Боголюбовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Къ законопроекту 35-ти членовъ Госуд. Совѣта о сокращеніи праздниковъ и неприсутственныхъ дней.

Законопроектъ о праздникахъ, или, какъ скромно его наименовали теперь составители его, — о дняхъ присутственныхъ и неприсутственныхъ, — представляется мнѣ, въ существѣ своемъ, фантазійнымъ проектомъ, беспочвеннымъ, не только не полезнымъ для предполагаемой цѣли, но даже и вреднымъ, какъ подрывающій авторитетъ Церкви и несогласимый съ ученіемъ Христа Спасителя о цѣли и смыслѣ жизни христіанской.

Праздники христіанскіе не суть учрежденія обыкновенныя, заурядныя, человѣческія, — въ родѣ, наприм., рекреаций, устраиваемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ для отдыха и забавы учащейся молодежи, и которыя могутъ быть и не быть, смотря по тому, какъ на это смотритъ начальство; нѣтъ! Праздники христіанскіе — учрежденія Божественныя, — имѣютъ высшую санкцію, — Божественную. Уже на первыхъ страницахъ книги Бытія Господь Богъ повелѣваетъ шесть дней дѣлать въ теченіе недѣли, а седьмой посвящать Господу Богу, — а затѣмъ, на протяженіи всего пятикнижія Моисеева, этотъ императивъ повторяется не одинъ разъ — съ угрозами и прещеніями за несоблю-

деніе его. Въ этой заповѣди Творца и Промыслителя указывается человѣку, что онъ долженъ имѣть заботу не только о приобрѣтеніи матеріальнаго благополучія, но также и — духовнаго. Для заботъ о тѣлѣ дано шесть дней, а для заботъ о душѣ — одинъ день въ недѣлю. И не для людей только свободныхъ дано это повелѣніе, но и для рабовъ,—даже болѣе того—и для рабочаго скота,—вола и осла. Самой землѣ, кормилицѣ человѣка, повелѣвается давать годъ субботній: шесть лѣтъ воздѣлывай землю, а седьмой годъ—суббота и для земли, т. е. пахать, сѣять и все прочее такое запрещается. Человѣкъ долженъ довольствоваться только тѣмъ, что земля сама дастъ ему въ этотъ годъ. Видите, какъ премудръ и благъ Господь въ устроеніи благобытія своей твари!

Но кромѣ дней субботнихъ, Господь повелѣлъ праздновать и другіе дни,—наприм., учредилъ семидневный праздникъ Пасхи, семидневный праздникъ Кущей, день св. Пятидесятницы, Новолѣтіе и др.,—въ общей суммѣ почти столько же, сколько празднуется и православною Церковью (Второз. 5, 10—15; Левит. 26, 3—4; 23 гл.). Христось Спаситель своимъ примѣромъ освятилъ всѣ эти дни: Онъ строго соблюдалъ всѣ праздники,—ходилъ на Пасху въ Іерусалимъ, равнымъ образомъ и въ другіе праздники; а если праздники случались, когда Онъ былъ внѣ Іерусалима, Онъ ходилъ въ мѣстныя синагоги. Случай такого посѣщенія синагоги описанъ евангелистомъ Лукой (Лук. 4, 16—22).

Какъ Господинъ и субботы, Христось Спаситель внесъ, выражаясь современнымъ намъ языкомъ, только двѣ поправки къ уставамъ о праздникахъ,—и не столько вслѣдствіе несовершенства этихъ уставовъ, сколько вслѣдствіе крайняго извращенія ихъ преда-

ніями старцевъ. Первая поправка,—что по нуждѣ можетъ быть премѣненіе и закону, а вторая,—что творить добрыя дѣла въ субботы—не грѣхъ (Матѣ. 12, 1—12; Марк. 2, 62—28). Апостолы Христовы и всѣ христіане первыхъ вѣковъ строго блюди праздники Господни и, примѣнительно къ ветхозавѣтнымъ, учреждали и новозавѣтные. И такъ какъ Церкви дана Господомъ полнота власти въ устроеніи всего внутренняго благобытія христіанъ, а христіанамъ вообще, слѣдовательно и государственной христіанской власти въ частности,—повелѣніе слушаться Церкви: *слушаяй васъ Мене слушаетъ, а слушаый Мене слушаетъ пославшаго Мя* (Лук. 10, 16),—то, на основаніи этого, св. Церковью учреждены и еще другіе нарочитые праздники, какъ наприм.: Воздвиженія честнаго и животворящаго креста, Покрова Божіей Матери, иконы Казанской Божіей Матери, Царскіе дни и пр... Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени въ жизнь Церкви, а съ нею и въ жизнь христіанскихъ государствъ,—вошли, кромѣ дней воскресныхъ, двенадцатые праздники, три послѣднихъ дня страстной седмицы, дни особо чтимыхъ угодниковъ Божіихъ, дни царскіе,—всего около 80-ти. Сравнительную важность праздниковъ церковный уставъ отмѣчаетъ различными знаками: крестомъ въ кругу ⊕, крестомъ въ полукружіи ⊕, просто крестомъ † и звѣздочкой *. Въ первомъ случаѣ всякія занятія и работы ежедневныя не должны быть, кромѣ чрезвычайныхъ, экстренныхъ, по особой нуждѣ; во второмъ—не полагается работъ до полудня, т. е. пока закончится литургія, въ третьемъ и четвертомъ разрѣшаются всѣ обычныя дѣла и занятія.

Теперь праздничнымъ законопроектомъ хотятъ ввести для однихъ праздниковъ трудъ обязательный,

а для другихъ — добровольный, — вообще же сдѣлать изъ праздниковъ не дни, посвященные Господу Богу и своей душѣ, а дни обычной суеты житейской, дни для матеріальныхъ прибытковъ, корысти, — полагая, что всякій трудъ также спасителенъ, какъ и молитвы и другія религіозно-нравственныя дѣла. 35 членовъ, составившіе этотъ проэктъ, высчитали, сколько сотъ милліоновъ Россія теряетъ въ каждый праздникъ и сколько въ годъ; выходитъ что то ужъ очень много, — чуть не цѣлый милліардъ рублей серебромъ. Но составившіе законопроектъ забываютъ, что Христось Спаситель цѣлью жизни христіанъ ставитъ не пріобрѣтеніе богатства, а совсѣмъ другое. Онъ ставитъ на первомъ планѣ нравственное усовершенствованіе каждаго христіанина. *Будьте совершенны, какъ Отець вашъ небесный совершенъ есть, говоритъ Онъ; ищите прежде Царствія Божія и правды Его и сія вся приложится вамъ; собирайте себѣ сокровища не на земли, и дѣла тѣ тлѣны и воры подкапываютъ и крадутъ, а собирайте себѣ сокровища на небеси.* Въ притчѣ о богатомъ, у котораго угобзися нива, и онъ не зналъ, какъ все это вмѣститъ въ своихъ житницахъ, — Христось прямо осуждаетъ скопидомство, а въ другомъ мѣстѣ и прямо говоритъ, какъ богатымъ трудно входить въ Царствіе Божіе (Лук. 36, 13—15; Мат. 5, 48; 6, 25—34; 8—11; Марк. 10, 24; Лук. 11, 33—34).

Какъ же теперь связать съ христіанскимъ ученіемъ о цѣли и смыслѣ жизни это предложеніе нашихъ прожектеровъ о дняхъ праздничныхъ? — Оно является въ существѣ своемъ антихристіанскимъ, а потому для христіанъ и неприемлемымъ. Оно разрушаетъ и заповѣдь Божію о трудѣ, по которой только шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, а седьмой день — Господу Богу твоему; оно подрываетъ и

авторитетъ Церкви, которую въ семь и въ подобныхъ сему случаяхъ государство должно слушать, а не разрушать своими поправками заповѣдей Божіихъ, на которыя никогда и никто изъ гражданской власти не получалъ никакого права отъ Законоположника Христа...

Наши прожектеры, очевидно, совсѣмъ незнакомы съ содержаніемъ и смысломъ тѣхъ праздниковъ, которые они хотятъ превратить въ дни присутственные, рабочіе,—наприм., съ праздниками Преображенія Господня, Успенія, Рождества Пресвятыя Богородицы, Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста, Покрова Божіей Матери, Казанской иконы Божіей Матери, святителя Николая, Вознесенія Господня, свв. ап. Петра и Павла, дней страстной седмицы—Великаго Четверга, Пятницы и Субботы. Сами, вѣроятно, не ходя въ церковь и духовно не соединяясь со всею Христовою Церковью, они думаютъ, что и всѣ православные христіане чужды духовнаго пониманія этихъ дней и значенія ихъ въ дѣлѣ нашего спасенія. Прочитали бы хотя книжку покойнаго К. П. Побѣдоносцева: „Праздники Господни“ и тогда, быть можетъ, поняли бы всю глубину, широту и высоту воспитательнаго ихъ значенія для христіанина. Вѣдь они вносятъ въ душу христіанина такой духовный капиталъ, въ сравненіи съ которымъ капиталъ міра—ничто!—Какъ хорошо знаютъ наши прожектеры богослуженіе, можно судить по слѣдующему образцу: они говорятъ, что и въ Великую Субботу можно заниматься въ присутственныхъ мѣстахъ и другихъ казенныхъ учрежденіяхъ послѣ обѣдни. А знаютъ ли эти господа, очевидно не знаютъ, потому что въ церкви въ этотъ день не бываютъ,—что въ сію великую и прелюбопытную субботу св. Церковь поетъ: „да молчитъ

всякая плоть человѣча и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ?!“ Очевидно, не знаютъ, ибо земное въ себѣ помышляютъ.

И о царскихъ дняхъ тоже не мало недоумѣнныхъ вопросовъ является, особенно въ приложенныхъ мнѣніяхъ г. Андріевскаго и графа Д. А. Олсуфьева. Г. Андріевскій полагаетъ, что если будетъ праздноваться только одинъ день царскій—именины Царя, то выйдетъ лучше: больше будетъ почтенія и уваженія въ народѣ къ Царю и царской фамиліи, и что все это будетъ соотвѣтствовать практикѣ западно-европейскихъ государствъ. Мнѣ кажется, что это только одна фантазія г. Андріевскаго, и намъ вовсе нѣтъ надобности умалять значеніе нашихъ государей по примѣру Западной Европы,—особенно по примѣру республикъ. Нашъ Государь не чиновникъ, выбираемый на нѣсколько лѣтъ, какъ наприм. Фальерь и Тафтъ,—нашъ Государь—„Божією милостію“ и помазанникъ Божій,—лицо не только освященное, но и священное,—равнымъ образомъ и Государыни: онѣ же пріемлютъ помазаніе отъ Святаго, славою и честію вѣнчанны и превознесенны надъ всѣми своими подданными, а Наслѣдникъ Цесаревичъ есть „надежда Россіи“. Какъ посмотритъ народъ на подобное умаленіе царскихъ Особъ въ ихъ величіи,—что скажутъ и сами Особы царскія, умаляемая въ очахъ народа „законодательными“ палатами?! Г. Андріевскій говоритъ, что никто изъ народа не ходитъ въ эти дни въ церковь, кромѣ чиновниковъ. Пусть такъ, но все же народъ крестится и молится, когда звономъ оглашается воздухъ въ тѣ моменты, когда совершается особенно умиленное моленіе, присоединяетъ и свою мысленную молитву къ св. Церкви. Пусть онъ работаетъ, вызываемый нуждой, но онъ хорошо знаетъ, что вмѣсто

него за Царя молится его священникъ. Да и то неправда, что церкви въ эти дни пустуютъ: бываетъ не мало и изъ простыхъ людей въ церквахъ, но бѣда въ томъ, что полиція, въ угоду сильнымъ міра сего, часто не пускаетъ много народа въ церкви, дабы ихъ высокопревосходительствамъ и просто превосходительствамъ не было какого утѣсненія.

Еще курьезнѣе мнѣніе графа Олсуфьева: по его мнѣнію, табельные дни надо упразднить потому еще, что въ эти дни бывали очень часто покушенія на жизнь губернаторовъ. Но если держаться такой логики, какой держится графъ Олсуфьевъ, тогда надобно предерживать властямъ и въ театры не ѣздить, потому что въ театрѣ былъ убитъ премьеръ-министръ Столыпинъ,—да и въ другія учрежденія. А еще лучше совсѣмъ никуда не ѣздить и сидѣть запершись дома. Это выходитъ по пословицѣ: волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить.

Скалозубъ, разсуждая съ Фамусовымъ о вольнодумствѣ Чацкаго и современной имъ молодежи, рѣшилъ дѣло такъ: „а по мнѣ, чтобы зло сіе пресѣчь, собрать всѣ книги, да и сжечь“. Мнѣ кажется, что и наши прожектеры держатся такого же мнѣнія о праздникахъ, хотя и не высказываютъ его со всею рѣшительностью; но слѣдуя ихъ примѣру, одинъ изъ почтенныхъ генераловъ, бывши у меня въ Варшавѣ,—серьезно предлагалъ мнѣ поддержать этотъ законопроектъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но не въ половинчатомъ видѣ, а во всемъ его объемѣ. Онъ ни больше, ни меньше совѣтовалъ упразднить для солдатъ (а конечно—и для всего простого народа) всѣ праздники. „Когда нѣтъ праздниковъ, говорилъ онъ мнѣ,—они, т. е. солдаты, не пьютъ и бываютъ мирны и послушны, а въ праздникъ напьются, буянятъ, развратничаютъ,

набираются гадкихъ болѣзней,—а потомъ возись съ ними“. Всѣ мои доводы, что этого нельзя сдѣлать, что лучше устроить для нихъ чтенія съ туманными картинами, придумывать свои домашнія развлеченія,—были для почтеннаго генерала неубѣдительными. Махнувъ безнадежно рукой, онъ ушелъ отъ меня и уже больше не заходилъ, хотя я знаю, что онъ часто бываетъ въ Варшавѣ, пріѣзжая изъ той губерніи, гдѣ онъ начальствуетъ надъ войсками. Говоря о безусловномъ упраздненіи праздниковъ для солдатъ, почтенный генералъ не требовалъ этого для гг. офицеровъ: „они много трудятся“. Такимъ образомъ, Фамусовы и Скалозубы еще у насъ не перевелись; можно еще слышать отзвуки ихъ рѣшительныхъ умозаключеній по разнаго рода вопросамъ и въ наше время. Нѣчто подобное представляетъ и проектъ о праздничныхъ дняхъ нашихъ реформаторовъ. Не прямѣ ли было бы сказать имъ, въ соотвѣтствіе Фамусову и Скалозубу, такъ: „а по насъ, чтобы зло сіе (т. е. праздники) пресѣчь, собрать всѣ праздничныя минеи да и сжечь;“ тогда попы и монахи не въ состояніи будутъ править службы, и все дѣло получить надлежащее направленіе.

Господа!—Дѣло не въ праздникахъ, какъ въ церковныхъ учрежденіяхъ, отжившихъ-де свое время,—нѣтъ. Дѣло въ праздности, часто вынужденной обстоятельствами жизни русскаго народа, его бытовыми, географическими, климатическими и другими условіями бытія,—часто, быть можетъ, въ его невѣжествѣ, но вовсе не въ лѣности... Русскій народъ умѣетъ работать и трудиться не мало, когда есть къ чему приложить руки, но вотъ когда не къ чему ему приложить своихъ рукъ, онъ остается празднымъ и предается разнаго рода порокамъ. Будемъ говорить кон-

кретнѣе. Нашъ народъ, въ своемъ безусловномъ большинствѣ, — земледѣльческій. Живетъ онъ отъ своей кормилицы-земли. Онъ обрабатываетъ ее тогда, когда это возможно, т. е. весной, лѣтомъ и осенью. Зимой нельзя пахать, сѣять и прочіе труды дѣять по хлѣборобству. Такимъ образомъ, выходитъ, что почти полгода онъ остается безъ работы. Промысловая и фабричная дѣятельность у насъ въ самомъ слабомъ развитіи: пойти ему въ отхожіе промыслы нѣтъ никакой возможности. Дома же онъ занимается только подѣльемъ, т. е. тѣмъ, что потребно для его домашняго обихода. Къ разнообразію въ трудѣ онъ не приученъ, и это уже не по винѣ духовенства, а по винѣ помѣщиковъ. Дороги у насъ мерзѣйшія, особенно проселочныя и земскія; территорія — громадная: она не можетъ итти въ сравненіе съ территоріями западно европейскихъ государствъ, густо населенными; для сбыта своихъ излишковъ нѣтъ подходящихъ центровъ; большею частію скупаютъ на дому у крестьянъ кулаки Колупаевы и Разуваевы, или же евреи, особенно на югѣ Россіи; справочныхъ бюро для рабочихъ и особыхъ комиссіонеровъ по дѣламъ отхожихъ промысловъ у насъ нѣтъ: крещенный людъ бредетъ себѣ, куда глаза глядятъ, ища работишки, и часто возвращается ни съ чѣмъ, проѣвши и проѣздивши свои послѣдніе гроши. Я самъ былъ очевидцемъ такихъ крестьянъ, ищущихъ работы, когда жилъ въ Крыму. Я могъ бы для иллюстраціи привести не мало примѣровъ часто отчаяннаго положенія рабочихъ, отбившихся отъ своихъ родныхъ сельъ и деревень и оставшихся буквально безъ куска хлѣба, и какъ они бѣдные, голодные, оборванные возвращались домой „зайцами“ по желѣзной дорогѣ, а то и пѣшкомъ въ истоптанныхъ лаптишкахъ. Фабрикъ у насъ мало, а поэтому предложеній

бываетъ больше, чѣмъ спроса. Наши капиталы уходятъ за границу — на постройку судовъ, на покупку вооруженія и другія государственныя потребности; а дома народъ сидитъ безъ работы. Въ Петербургѣ ежедневно отправляются большими партіями на выселеніе эти безработные. Я живу возлѣ Спасской части уже шестой годъ и вижу эту процессію ежедневно около 7-ми часовъ утра. Есть рецидивисты по 10 разу; встрѣтился мнѣ одинъ даже по 14 разу. „Отчего же вамъ не сидится въ деревнѣ и дома не работается?“ — спрашиваю я. „Да что же, батюшка, дома то дѣлать, когда нѣтъ ни кола, ни двора? Переночевать пустякъ, покормятъ день-другой, а затѣмъ говорятъ: иди съ Богомъ, намъ самимъ жрать нечего. Вотъ и бредешь опять сюда. Тутъ все-таки получше. Тамъ дадутъ, въ другомъ мѣстѣ дадутъ — вотъ и прокормишься, и за ночлежку есть чѣмъ заплатить. Легче намъ бываетъ, когда мы на дачи выѣзжаемъ (говорится съ насмѣшкой), — когда ужъ за фатеру (ночлежку) не плати (ночуютъ на панеляхъ), а это тоже статья не малая“. Думается мнѣ, что устами этого рецидивиста говорила мнѣ сама правда. Да, положеніе нашего народа не легкое: постоянные недороды, голодовки, болѣзни, отсутствіе объектовъ, къ которымъ можно бы приложить свои рабочія руки, недостатокъ просвѣщенія, всякаго рода неудобства житейскія, — вотъ болячки социальныя, на которыя бы слѣдовало обратить членамъ „законодательныхъ“ палатъ свое вниманіе, а не на праздники. Вы хоть всѣ праздники упраздните, а толку изъ этого не выйдетъ никакого, если не создадите новыхъ условій бытовыхъ, социальныхъ, земельныхъ и пр. пр. Мужикъ бываетъ сытъ и доволенъ, когда у него уродится хлѣбъ; а случись неурожай — и онъ остается безпомощнымъ. А выхода изъ этого

другого нѣтъ.—Нѣтъ,—все, что намъ говорятъ гг. прожектеры, — все это болѣе фантастично, чѣмъ реально. „Весь этотъ законопроектъ, сказалъ мнѣ одинъ очень умный и свѣдущій членъ Государственнаго Совѣта, — есть мыльный пузырь, — не больше“. Съ этимъ нельзя не согласиться.

Кромѣ вынужденной праздности, большимъ зломъ служить у насъ *водка*. Вотъ врагъ, съ которымъ слѣдуетъ бороться всѣмъ друзьямъ нашего народа. Русскій народъ пьетъ, пожалуй, и меньше нѣмца, но пьетъ какъ то глупо. Нѣмецъ пьетъ систематически, понемногу и не бываетъ пьянь, — или если бываетъ, то очень рѣдко, а нашъ мужикъ пьетъ безъ всякаго соображенія, — тогда, когда представляется къ этому какая-либо оказія, пьетъ до положенія ризъ. Самъ онъ сознаетъ свою немощь, свое безволие и часто проситъ, чтобы кабака въ его селѣ или деревнѣ не ставили, но нѣтъ! — казенки вездѣ воздвигаются по усмотрѣнiю начальства. Вы только подумайте, какое это зло!

Для ограниченія пьянства въ народѣ придумали попечительства трезвости и народный театр, какъ панацею отъ всѣхъ бѣдъ. Это такъ же курьезно, какъ курьезно мнѣнiе графа Олсуфьева относительно упраздненія табельныхъ дней. *Забавами хотятъ лѣчить народъ отъ его вѣковаго недуга, — не уничтожая самаго объекта зла.* Министръ финансовъ какъ то заявилъ намъ, что вычеркнуть изъ бюджета 753 милліона, получаемыхъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ, можно только тогда, когда будетъ придуманъ соотвѣтствующій эквивалентъ, а до тѣхъ поръ-де все будетъ попрежнему. „Укажите, говорилъ онъ между прочимъ, такую точку на земномъ шарѣ, гдѣ не употребляли бы алкоголя“. Я могу указать не только точки, но и цѣ-

ल्या территория: это въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. На территорияхъ Индіаны и Аляски нѣтъ продажи никакихъ спиртныхъ напитковъ, въ штатѣ Айовы тоже нѣтъ, въ Пенсильваніи въ дни воскресные и праздничные не дозволяется продажа таковыхъ; вообще, въ мѣстностяхъ, населенныхъ дикарями, закономъ запрещается продажа спиртныхъ напитковъ. Въ дни электоральные, когда избираютъ президента Соединенныхъ Штатовъ или губернаторовъ,—въ первомъ случаѣ запрещается на протяженіи всей территории Соединенныхъ Штатовъ, а во второмъ—на территории только того штата, гдѣ идутъ выборы губернскихъ властей. Тамъ не навязываютъ населенію того, чего оно не желаетъ. И матеріальное благополучіе населенія тамъ далеко выше, хотя праздниковъ у нихъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ у насъ, если считать съ церковными и государственные, федеральные и штатные,—и празднуютъ ихъ не по рецепту г. Андреевскаго, а такъ, какъ должно. Я жилъ въ Америкѣ 7 лѣтъ и знаю не по слухамъ объ этомъ и не по книжкамъ только, а непосредственно. Когда я ѣхалъ уже совсѣмъ въ Россію, мнѣ поручили наши русскіе люди, поселившіеся въ Индіанѣ, гдѣ нѣтъ продажи спиртныхъ напитковъ,—сказать соотечественникамъ, что главное зло въ жизни русскаго народа—водка; что надобно всемѣрно заботиться о прекращеніи продажи оной въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это идетъ въ Россіи. „Скажите, Преосвященнѣйшій Владыко, имъ, что мы всѣ желаемъ имъ счастья, но только пусть не пьютъ водки. Вотъ и мы, когда пили водку, то всегда нуждались во всемъ—и ѣли плохо и одѣвались неважно, и жена была часто бита ни за что—ни про что, и дѣти были запуганы. А теперь у насъ и хорошіе гавзы (т. е. дома), и пища питатель-

ная, и одежда порядочная, и въ семьѣ тишь да гладь, да Божья благодать“. Этотъ завѣтъ моихъ пасомыхъ въ Америкѣ, опытно постигшихъ весь вредъ пьянства и освободившихся отъ этого несчастья, вслѣдствіе только запрета территоріальныхъ властей продавать спиртные напитки, я принялъ къ сердцу и всегда, при всякомъ случаѣ, передаю нашему народу. Передаю его и вамъ, гг. законодатели, чтобы и вы приняли его къ сердцу и помогли бы нашему народу немощному стать на ноги въ борьбѣ съ водкой и пьянствомъ,—но только не театрами и не упраздненіями праздниковъ, ибо все это не имѣетъ никакого смысла и ни къ чему серьезному не приведетъ. Я не поклонникъ графа Л. Н. Толстого, но въ данномъ случаѣ его осужденіе, высказанное о. Василию Попову въ Кореизѣ, нахожу совершенно правильнымъ. Однажды, стоя противъ почты, съ пачкой корреспонденціи, имъ полученной, и за нею сюда приходившій съ дачи графини Паниной,—Л. Н. Толстой, видя проходящаго о. Василия и поздоровавшись съ нимъ, спросилъ: „батюшка, скажите, сколько у васъ въ приходѣ выпито было водки въ прошедшіе святки?“ Когда же о. Василій отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, Л. Н. сообщилъ ему цифру тѣхъ бутылокъ, которыя были отпущены изъ казенной лавочки,—затѣмъ, указывая на домъ гр. Паниной съ надписью: „Попечительство о народной трезвости“ и рядомъ почти съ нимъ стоящій домъ съ казенной продажей вина,—онъ спросилъ: „скажите, батюшка, не усматриваете ли вы въ сосѣдствѣ этихъ двухъ учрежденій какого-либо символа?“—и когда смущенный вопросомъ о. Василій отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, что ему сказать на это, Л. Н. быстро проговорилъ: „это символъ того, какъ наше правительство одной рукой созидаетъ, а другой раз-

рушаетъ созидаемое. Такъ это дѣлается и во многомъ другомъ“. Мнѣ кажется, что Л. Н-чь въ данномъ случаѣ вѣрно подмѣтилъ и оцѣнилъ политику нашего правительства. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, отрезвлять народъ, не уничтожая совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, не ограничивая во многомъ тотъ самый соблазнъ, съ которымъ такъ трудно бороться, по сознанию самого же народа, русскому человѣку.

Теперь обратимся, въ частности, къ вопросу о привлеченіи къ занятіямъ въ праздничные дни учащейся молодежи, а равнымъ образомъ войскъ и чиновнаго люда. Еще у всѣхъ должно быть на памяти, какъ у насъ было объявлено, что учащаяся молодежь наша переутомлена чрезмѣрными занятіями и строгостью дисциплины, — и какъ, въ заботахъ о здоровьѣ юношества, былъ объявленъ принципъ сердечности въ дѣлѣ воспитанія, — „именно сердечности“, — и какъ, вслѣдъ за симъ стали развинчивать всю дисциплину, вводя совершенно обратное; какъ въ министерство Зенгера были введены въ обиходъ совершенно новые праздники, какихъ ни въ одномъ календарѣ не найти, — „Зенгеровскіе праздники“, въ родѣ, наприм., „древонасажденія“ и пр., — и вотъ теперь вдругъ намъ говорятъ совсѣмъ другое... О зенгеровскихъ праздникахъ и „сердечности“ уже и помину нѣтъ; взамѣнъ этого придумываются уже совсѣмъ другія конъюнктуры, въ родѣ, наприм., увеличенія количества дней учебныхъ, — даже и въ праздники двенадесятые и въ дни страстной седмицы. При такомъ образѣ дѣйствій приходится только руками развести и сказать: „да когда же будетъ конецъ этимъ экспериментамъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, — когда мы выйдемъ изъ крайностей и станемъ въ нормальныя отношенія къ этому великому дѣлу?!“

То же самое нужно сказать и относительно войск и чиновниковъ. Трудятся они много, даже чрезмѣрно, во всѣ дни недѣли; для чего же отнимать у нихъ тѣ немногіе дни, когда они могутъ достойно и праведно отдохнуть отъ своихъ трудовъ? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, согласиться съ сумасбродствомъ того генерала, который увѣрялъ, что цѣломудріе и здравіе тѣлесное солдатъ улучшится только тогда, когда будутъ упразднены всѣ праздники!.. Мнѣ невольно, въ семъ случаѣ, приходятъ на память слова Христа Спасителя о фарисеяхъ: *связуютъ бремена тяжкая и бѣдныи носимая, и возлагаютъ на плеча челоувѣческа* (для обыкновенныхъ смертныхъ), *перстомъ же своимъ не хотятъ двигнути ихъ* (Матѣ. 2, 3, 4). Наши прожектеры высчитываютъ, сколько милліоновъ въ день и въ годъ теряетъ Россія отъ нѣсколькихъ дней праздничныхъ въ году, а о томъ не говорятъ, сколько они сами прогуливаютъ такихъ дней. Одинъ корреспондентъ какъ то высчиталъ, что члены Государственнаго Совѣта проводятъ въ праздности ни больше ни меньше, какъ 157 дней. 157 дней—это ничего, а мужикъ прогуляетъ 85 дней—это очень много!

Имѣя въ виду все сказанное, я нахожу, что этотъ законопроектъ, какъ мало основательный и совсѣмъ несерьезный,—долженъ быть отклоненъ.

Николай, Архіепископъ Варшавскій.

Свобода совѣсти.

Кто не видитъ, что узелъ государственной жизни въ наше время завязался вокругъ вопроса объ отношеніи государства къ Церкви? Кто не видитъ, что вотъ уже болѣе пяти лѣтъ надъ всѣми государственными вопросами господствуетъ и, такъ сказать, злободневствуетъ одинъ кардинальный для Церкви и государства вопросъ—это вопросъ о пресловутой религиозной „свободѣ совѣсти“? Кстати и некстати этотъ вопросъ повсюду усиленно выдвигается и „горячо“ дебатруется... Точно кто-то боится, какъ бы „свободу совѣсти“ не замолчали, какъ бы не отодвинули ея на зданій планъ!.. Чувствуется, что кто-то принимаетъ чрезвычайныя мѣры и дѣлаетъ немовѣрныя усилія, чтобы раздуть этотъ вопросъ!.. При мало-мальски внимательномъ взглядѣ на всю эту шумиху вокругъ вопроса о „свободѣ совѣсти“ нельзя не замѣтить, что изъ этого вопроса сдѣлали просто таранъ для разгрома русской государственности, которая искони обосновалась на союзѣ съ Православной Церковью, искони почерпаетъ свою мощь въ единеніи съ Церковью. Оттого-то вопросъ о „свободѣ совѣсти“ и выдвигается повсюду въ неразрывной связи съ вопросомъ о „новомъ государственномъ строѣ“,— пресловутомъ „правовомъ“ строѣ...

„Правовой строй“ и „свобода совѣсти“—это два дѣтища-близнецы современнаго „освободительнаго движенія“. Ихъ это движеніе лелѣетъ, на нихъ покоятся всѣ его надежды. И, къ немалому удивленію, приходится установить тотъ несомнѣнный фактъ, что „коханьемъ“ этихъ незаконныхъ для Россіи дѣтищъ, порожденныхъ безбожной Западной Европой въ разгаръ революціоннаго пожара, занялись у насъ и законодатели, и правители. Вкупѣ съ „освободителями“ они до того увлеклись „коханьемъ“ иноземныхъ дѣтищъ, что завели русское государство въ такой тупикъ, изъ тѣснинъ котораго никакъ не выберутся и сами.

Изъ министерскихъ канцелярій бѣгутъ на Русь одинъ за другимъ вѣроисповѣдныя циркуляры—жалкіе, безпринципныя, пожирающіе сами себя, но съ постоянною „объяснительною“ оговоркою, что всѣ они—борцы за „свободу совѣсти“ и за „правовой строй“!.. Если какой циркуляръ придется не подъ масть „освободителей“, на него прикрикнуть изъ лѣво-газетнаго штаба, и онъ конфузливо спрячется, лакейски расшаркавшись: „я ли не радъ былъ услужить!..—я ли не шелъ къ вамъ на встрѣчу“... Но, столкнувшись съ „правою“ ратью, онъ судорожно сожметъ кулакъ и, помахивая, пригрозитъ: „Ну, вы *клерикалы!*!..“

И вотъ, въ заключеніе „освободительной“ вакханалии, Россія, провозгласивъ „свободу совѣсти“ и „правовой строй“, осталась и *безъ совѣсти* и *безъ права*...

Яркимъ показателемъ этого служить только что закончившійся въ г. Валкахъ скопческій судебный процессъ.

Ни на чемъ современная „свобода совѣсти“ не терпитъ такого сильнаго крушенія, какъ на вопросъ объ изувѣрныхъ и безнравственныхъ сектахъ. Вѣруй,—говорятъ глашатаи „свободной совѣсти“,—какъ хочешь и во что хочешь; государству нѣтъ никакого дѣла до твоихъ религіозныхъ вѣрованій и культа. Никакія стѣсненія, а тѣмъ болѣе государственныя репрессіи въ области религіи не могутъ-де имѣть мѣста... Свобода всякаго культа — вотъ основной тезисъ „правового государства“, по идеалу современныхъ „освободителей“.

— Ну... а какъ же быть съ вѣрованіями и богослужбнымъ культомъ изувѣрныхъ и безнравственныхъ сектъ, которыя творятъ возмутительныя противонравственныя и изувѣрныя непотребства: свальный грѣхъ, умерщвленіе дѣтей, оскотленіе и т. п., проповѣдуютъ бракорборное ученіе и пр.?! Неужели до всего этого государству нѣтъ никакого дѣла?! Неужели все это не имѣетъ никакого отношенія къ государственнымъ интересамъ?! Развѣ государство не зиждется на семьѣ, а семья—на бракѣ? Развѣ государство—чисто полицейскій институтъ, а не творчески-законодательный; развѣ государственное законодательство чуждо нравственныхъ элементовъ?..

— О, нѣтъ, нѣтъ!—съ паэосомъ возразятъ „освободители“.

Государство должно беречь семью, должно защищать брак, должно проводить въ своихъ законахъ нравственные принципы и т. д... Но все это оно должно дѣлать „по своему-де разумнiю“, внѣ влiянiя и требованiй какой-либо конфессiи или вѣры.

— Допустимъ на время, что государство якобы можетъ быть неконфессiональнымъ или внѣвѣроисповѣднымъ, чего на самомъ дѣлѣ нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ, потому что повсюду государственный неконфессiонализмъ неминуемо завершается атеизмомъ и гоненiемъ на религiю. Но это „свое разумнiе“ у государства въ вопросахъ морали, семьи, брака и т. п. развѣ не есть своего рода государственная конфессiя или *государственное исповѣданiе*; и развѣ на этомъ исповѣданiи не зиждется государственная мощь?!

— Несомнѣнно, такъ,—отвѣчаютъ „освободители“ всѣхъ пошибовъ.

— Но въ такомъ случаѣ, какъ же государство отнесется къ тѣмъ религiознымъ общинамъ, которыя и своимъ ученiемъ и своею жизнью въ корнѣ опровергаютъ и разрушаютъ „государственную конфессiю“? Неужели оно дастъ имъ безграничный просторъ и во имя „свободы совѣсти“ скажетъ имъ: „Дѣлайте со мною,—съ моими законами и съ моимъ государственнымъ исповѣданiемъ—все, что хотите!“... Не внесетъ ли такая „свобода“ страшной сумятицы въ государственную жизнь? Не превратится ли отъ такой „свободы“ самое мощное и стройное государство въ хаотическое? И не пробьетъ ли послѣднiй часъ бытiю такого государства?!

— Нѣтъ,—говорятъ творцы „правового строя“,—государство должно защищать себя и силою матеріальнаго меча карать разрушителей его „права“. Непротивленiе злу—это основа анархiи, а на анархiи не можетъ стоять ни одно государство...

— Значить, —спросимъ мы, — государство въ правѣ не только ограничить, но въ извѣстныхъ случаяхъ и совершенно лишитъ свободы вѣры и культа враждебныя ему религiозныя общины?.. Тогда при чемъ же объявленная безъ всякихъ ограниченiй „свобода совѣсти“?!. Развѣ не ясно, что „свобода совѣсти“—это *государственный абсурдъ*! Ея нѣтъ и быть не можетъ. Не будемъ уже говорить о томъ, что и съ научно-юридической точки зрѣнiя „свобода совѣсти“ такъ

же нелѣпость, такъ какъ „совѣсть“, какъ внутренній духовный элементъ въ человѣкѣ, совершенно не доступна внѣшней юридической регламентаціи (Г. Блюнчли и др.)... И развѣ „правовое государство“ не вынуждено будетъ стереть и со своихъ „кодексовъ“ и со своего „правового“ аншлага пресловутую „свободу совѣсти“, водрузивъ на ея мѣсто дѣйствительно государственно-юридическій принципъ *религіозной въротерпимости*?!

Все это неоспоримо. Все это прекрасно понимаютъ и глашатаи „правового строя“. Объ этотъ „камень преткновенія“ разбилъ „освободительную свободу совѣсти“ и думскій депутатъ г. Карауловъ, когда въ думской комиссіи по дѣламъ Православной Церкви въ апрѣлѣ—маѣ прошлаго года спорилъ о „свободѣ совѣсти“ съ представителями Святѣйшаго Синода, при обсужденіи законопроекта о „старообрядческихъ общинахъ“. Въ совершенствѣ изучивъ всѣ пластинки революціонной шарманки и обладая большимъ революціоннымъ мѣхомъ, онъ, однако, сразу же выдохся и оборвалъ свою революціонную арію о „свободѣ совѣсти“, когда столкнулся съ выставленными противъ нея *принципіальными* возраженіями. Онъ, лучшій въ Государственной Думѣ пѣвецъ революціонныхъ свободъ, вынужденъ былъ признать необходимость уголовной кары въ борьбѣ государства съ изувѣрными и безнравственными сектами хлыстовъ, скопцовъ и пр.!.. Такое признаніе было, собственно, лебединою пѣснью „свободы совѣсти“ и крахомъ начертаннаго „освободителями“ идеала „правового строя“.

Однако, гг. „освободители“ отъ этого нисколько не смутились. Для нихъ *принципіальное* крушеніе ихъ „идеаловъ“ не имѣетъ ровно никакого значенія. Принципъ для нихъ не основа, не фундаментъ государственнаго строительства, а игрушка ихъ страстей,—орудіе или средство для достиженія ими разъ намѣченныхъ цѣлей. Достоинство принциповъ политики и морали оцѣнивается ими пригодностью этихъ принциповъ для достиженія „освободительныхъ“ цѣлей. Оттого „освободительное“ движеніе такъ принципіально хаотично, такъ неразборчиво въ средствахъ, такъ неумолимо попираетъ разумъ и заглушаетъ совѣсть... „Намъ нужна не лояльность, а побѣда“, — цинично заявляютъ „освободители“. Ради захвата „ключа къ властвованію“ они готовы отказать-

голосъ церкви.

ся и отъ разума и отъ совѣсти; готовы попить всякое—и божеское и человѣческое право; готовы бросить и государство, и общество, и семью въ объятія самыхъ дикихъ изувѣрныхъ и безнравственныхъ сектъ и сектантскихъ оргій! И возмугительный религіозно-культурной развратъ, самый опасный для семьи и государства по своему вліянію на народъ, и ужаснѣйшее скопческое изувѣрство съ „большими и малыми печатями“ у женщинъ, мужчинъ и даже у дѣтей и факты насилія при совращеніи въ эти безнравственные и изувѣрные секты—все, все находятъ для себя у „освободителей“ и оправданіе, и даже поощреніе, коль скоро они усмотрятъ въ этомъ культовомъ развратѣ и изувѣрствѣ средство для разрушенія современнаго строя государства и для ослабленія источника государственной мощи Россіи—Св. Православной Церкви. Съ дикимъ воплемъ кагала они срываютъ повязку съ глазъ Фемиды, стираютъ съ ея ланить неподдѣльную краску стыда, разбиваютъ вѣсы правосудія и повинныхъ въ скопческомъ изувѣрствѣ вѣнчаютъ лаврами „освобожденія“, провозглашая имъ: „Нѣтъ, невиновны!..“ Такъ закончился недавно скопческій процессъ въ г. Валкахъ. *Caveant consules!*..

И. А—скій.

Къ дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго.

Въ настоящее время въ Кіевѣ начался судебный процессъ по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго. Кошмарная картина этого убійства леденить кровь, тѣмъ болѣе что это убійство не заурядное, а, несомнѣнно, ритуальное. Наличие здѣсь изувѣрства на почвѣ религіознаго фанатизма не подлежитъ сомнѣнію. Человѣкъ, какъ культовая жертва, извѣстенъ всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ религіями и сектами разныхъ народовъ. Даже среди христіанскихъ сектъ имѣются секты изувѣрныя, какъ напримѣръ, хлысты, употребляющіе „причащеніе“ грудью дѣвицы—„богородицы“ и тѣломъ и кровью младенцевъ.

Казалось, что въ дѣлѣ убійства Ющинскаго, во имя торжества правды и правосудія, надлежало бы русскому обществу принять всѣ мѣры къ раскрытію этого религіознаго изувѣрства. Но въ этомъ изувѣрствѣ народная молва винитъ евреевъ и этого было достаточно для того, чтобы „передовые“ слои русскаго общества, дѣлающіе такъ называемое „освободительное движеніе“, забыли и разумъ, и совѣсть, и правду, и правосудіе, и, очертя голову, ринулись на защиту евреевъ, всѣхъ безъ исключенія! Еще судъ не сказалъ своего слова, еще Фемида не подняла вѣсовъ правосудія, а г.г. Горькіе, Милуковы, Арсеньевы, Гегечкори, Струве и К^о зываютъ „Къ русскому обществу“ противъ „кроваваго навіта на евреевъ“!.. И чѣмъ же они аргументируютъ: данными дѣла объ Ющинскомъ? Ничуть не бывало! Они укрываются подъ кровь св. мученика Іустина, который защищалъ *христіанъ* отъ языческаго обвиненія въ богослужебномъ употребленіи ими крови младенцевъ. Но гдѣ же и когда св. Іустинъ говорилъ о „кровавомъ навітѣ на евреевъ?!“ Вѣдь въ убійствѣ Ющинскаго винятъ *евреевъ*, а не христіанъ! И не стыдно ли вольнымъ и невольнымъ адвокатамъ еврейства такъ нагло пристегивать имя христіанскаго мученика къ защитѣ еврейства?!

И откуда такое нервничанье, такое сильное стремленіе кагалнымъ крикомъ „Къ русскому обществу“ вырвать у

суда рѣшеніе въ пользу еврейства?!. Значить, не все чисто, коль скоро является нужда въ такомъ возмутительномъ давленіи на судъ!.. Да и какая цѣна будетъ судебного рѣшенія, состоявшагося подъ такимъ гнетомъ?!. Или творцамъ кагальнаго воззванія „Къ русскому обществу“ нужна не лояльность, а побѣда?!. Тогда перестаньте играть въ жмурки. Слишкомъ ужъ по дѣтски наивна игра!..

Мы вѣримъ, что русскій судъ будетъ въ столь міровомъ дѣлѣ, какимъ является дѣло Ющинскаго, на высотѣ своего призванія, что онъ окажется „судомъ правымъ и нелицепріятнымъ“.

Русская медицинская наука уже сказала свое правдивое слово объ убійствѣ Ющинскаго. Такъ, профессоръ по кафедрѣ судебной медицины и деканъ медицинскаго факультета въ Кіевѣ Н. А. Оболенскій далъ пространное и обстоятельное заключеніе, сущность котораго такова:

— Въ убійствѣ участвовало нѣсколько лицъ. Мальчику нанесено 47 ранъ острымъ колющимъ орудіемъ, поперечное сѣченіе котораго ромбойдально. Прежде нанесенія ранъ мальчикъ былъ раздѣтъ, причемъ на немъ оставалась только рубаха, поднятая кверху. Руки у него были крѣпко связаны назадъ. Ротъ его зажимали, крѣпко придавливая губы къ зубамъ. Всѣ 47 ранъ—прижизненнаго характера. Кровь изъ мальчика выпущена при жизни, такъ что трупъ почти совершенно обезкровленъ. Главная масса крови взята изъ головныхъ и шейныхъ венъ. Множество ранъ, ихъ характеръ и расположеніе указываютъ, что большинство ихъ нанесено съ цѣлью причинить жертвѣ мученія. Послѣднія были ужасны. Мальчикъ весь исколотъ. Проколоты, между прочимъ, печень, легкія, одна почка и сердце. Первые уколы были произведены на головѣ, на вискахъ и на шеѣ. Этими уколами, произведенными при сильной работѣ сердца, вскрыты вены головы и шейныя—для источенія крови. Во время источенія крови мальчику, въ цѣляхъ причиненія ему сильнѣйшихъ мученій, нанесены остальные уколы. Эти уколы второй категоріи причинены во время, когда дѣятельность сердца была понижена. Когда изъ мальчика истекло не мѣнѣе $\frac{2}{3}$ всего количества его крови, то сердце его было насквозь проколото послѣднимъ, — 47-мъ уколомъ, причемъ этотъ послѣдній уколъ былъ такъ силенъ и глубокъ, что на

кожѣ жертвы у входнаго отверстія укола остался слѣдъ рукоятки орудія убійства. Мальчикъ во время всѣхъ мученій былъ удерживаемъ въ стоячемъ положеніи, слегка наклонномъ въ сторону. Послѣ смерти Ющинскій былъ одѣтъ, а послѣ наступленія трупнаго окоченѣнія перенесенъ въ пещеру, гдѣ и былъ найденъ трупъ.

Другой *экспертъ-медикъ*, къ которому обратились судебно-слѣдственные власти, былъ *извѣстный психологъ и психіатръ проф. И. А. Сикорскій*. Изучивъ данныя медицинскаго осмотра и вскрытіе трупа, проф. Сикорскій въ своемъ заключеніи указалъ, что въ сложномъ процессѣ убійства мальчика Ющинскаго ясно различаются три момента: 1) источеніе крови; 2) причиненіе сильнѣйшихъ мученій и 3) умерщвленіе мальчика. Одни уколы-раны нанесены для источенія крови, другія—для причиненія мученій. Послѣднимъ уколомъ мальчикъ умерщвленъ. Убійство совершено людьми, имѣвшими главной цѣлью полученіе крови мальчика, причемъ добываніе крови сопровождалось страшными мученіями жертвы. Вся картина убійства, по заключенію проф. Сикорскаго, безспорно доказываетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно особеннымъ убійствомъ, и что убійство это совершено очень опытными людьми, дѣйствовавшими спокойно, хладнокровно, съ такимъ же опытомъ и знаніемъ своего дѣла, съ какимъ, напримѣръ, еврейскіе рѣзники рѣжутъ птицу, какъ бы священнодѣйствуя и предварительно выпуская изъ нея всю кровь.

Таковы заключенія двухъ высоко-авторитетныхъ ученыхъ.

Что скажетъ судъ,—скоро услышимъ. Но считаемъ полезнымъ для освѣщенія вопроса о ритуальныхъ убійствахъ у евреевъ привести здѣсь свѣдѣнія о св. мученикѣ младенцѣ Гавріилѣ.

Нетлѣнныя мощи св. мученика-младенца Гавріила почитаютъ въ Слуцкомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, куда онѣ были принесены изъ Заблудова послѣ того, какъ тамъ сгорѣли всѣ православные храмы, а мощи св. Гавріила чудеснымъ образомъ сохранились. Въ житіи св. мученика читаемъ:

Въ д. Звѣрки, отстоящей въ 30 верстахъ отъ Заблудова, жили православные поселяне, благочестивые Петръ Говдѣль съ женой Анастасіей, которые, несмотря на невзгоды времени, твердо сохраняли православную вѣру. У нихъ (20 марта 1684 г.) родился сынъ Гавріиль. Когда младенцу

Гавріилу было около шести лѣтъ, случилось однажды его матери понести въ поле обѣдъ мужу. Младенецъ оставался дома одинъ. Жидъ арендаторъ деревни Звѣрковъ, пришедши въ домъ, силой отвелъ къ себѣ младенца, а затѣмъ увезъ его въ Бѣлостокъ. Въ Бѣлостокѣ собравшіеся жиды стали немилосердно, жестоко мучить шестилѣтняго невиннаго младенца; для этого они внесли его въ темное мѣсто, распяли и пустили изъ боку кровь, потомъ кололи его иголками и ножами, пока вся кровь не вышла, а мертвое тѣло бросили въ полѣ. Псы три дня сторожили тѣло и лаемъ отгоняли отъ него хищныхъ птицъ. Скоро крестьяне нашли замученное тѣло младенца и привезли его въ Заблудово.

— Мощи св. младенца Гавріила въ настоящее время составляютъ главную святыню Свято-Троицкаго монастыря; онѣ тамъ открыто почиваютъ въ деревянномъ гробикѣ. Обѣ ручки младенца обхватываютъ металлическій напрестольный маленькій крестъ, пальцы исколоты и между мякотью имѣются раны.

Православною Церковью память младенца Гавріила празднуется 20 апрѣля, но въ Слуцкѣ торжественное богослуженіе совершаютъ въ день сошествія Св. Духа, когда мощи послѣ обнесенія вокругъ храма ставятся среди церкви для поклоненія.

На это торжество стекается масса крестьянъ не только православныхъ, но и католиковъ изъ окрестныхъ уѣздовъ. Св. мученикъ Гавріилъ считается покровителемъ всѣхъ больныхъ дѣтей.

Надъ ракой, въ рамѣ за стекломъ, описано краткое житіе мученика стихами:

Аще кто мя вопрошаетъ:
Кто есмь и откуда,—
Прочитай и узнаешь
Истину отсюда.

Греко-россійскія вѣры
Родители быша,
Въ ню же мя крещеніемъ
Святымъ окрестиша.

Въ тысяще шестьсотній рокъ
Осьмдесять четвертый
Гавріиломъ названъ:
Грѣхъ отеческій стертый.

Тысяча шестьсотъ приде
Рокъ девять десятый,

Отець мой Петро Говдѣль
Изыде орати.

Мати Анастасія
Мене шестилѣтня,
Оставивши въ дому,
Несла обѣдъ бѣдна.

Арендарь жидъ изъ Звѣрковъ,
Выбравши годину,
Апрѣля одинадцатаго
Схватилъ мя дѣтину

На свой возъ и завезли
До Вѣлаго Стоку *),
Гдѣ первѣе кровь мою
Пущали изъ боку;

А потомъ мя кинувши
До темнаго ліоку **),
Пущадлами стощали
Кровь мене потроху.

Жидъ арендарь изъ Звѣрковъ
Шутко прозывался.
Мучили, поки съ Брестя ***)
Весь кагаль собрался.

Собравшись шайками
Вездѣ мя ранили,
Ажъ даже конечнѣе
Кровь съ мене стащали.

Умертвивши, на части
Не дробили тѣло,
Но на ниву у жито
Выкинули цѣло,

Идѣже слетѣшася
Птицы плотоядны,
Но абіе прибѣгли
И псы зѣло гладны.

Натуру свою песью
Вскорѣ премѣнили,

*) Г. Вѣлостокъ, Гроднен. губ.

**) Погребъ.

***) Брестъ-Литовскъ.

Отъ птича терзанія
Мнѣ стражею были.
Знашедша-жъ родители
Мя презентовали,
Въ Заблудовской Магдебургіи
Въ книги записали,

Что жида умучили
Мя отрока суша,
Шесть лѣтъ отъ роду
Больше не имуща;
По такой презентаціи,
На цвинтарь тѣло внесено,
Близъ церкви благочестивой
Чинно погребено;

Идѣже я подь спудомъ
Лежалъ часъ не малый,
Ажъ въ тридцать лѣтъ другаго
Тамъ же погребали.

Узнавши мя цѣла,
Въ склепъ церкви вложили,
Дондеже въ Заблудовѣ
Церкви погорѣли.

Тысяча-жъ семьсотаго
Сорокъ шестаго года,
Только сія на монастырь
Сталася пригода.

Взяша мя изъ склепу
До трапезной церкви
И вложиша въ алтарь
При безкровной жертвѣ;

Тысяча-жъ семьсотаго
Пятьдесятъ пятаго
Изъ Заблудова до Слущка
Съ тѣломъ трупа взята.

Храняй младенца спудъ,
Хранить мя и нынѣ:
Буди честь и слава
Его благодѣльнѣ.

Библіографія.

Архієпископъ Антоній (Храповицкій).

Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ.

Имя архіеп. Антонія (Храповицкаго) давно уже приобрѣло весьма солидную извѣстность въ богословской литературѣ, не только нашей отечественной, но и заграничной. Рѣдкое умѣнье говорить о высокихъ предметахъ общедоступнымъ языкомъ, самобытность и оригинальность мышленія, глубокій анализъ изслѣдуемаго предмета, жгучій интересъ самыхъ темъ, съ откликомъ положительно на всѣ вопросы, которыми волнуются: и передовая, и народная, и рабочая Русь, и сельскій пастырь, и обитатели св. обителей и скитовъ,—все это, при поразительной эрудиціи автора, давно уже сдѣлало его самымъ популярнымъ писателемъ и среди мужей науки и среди вообще пишущей и мыслящей Россіи. Лекторскій же и проповѣдническій даръ, присущій архіеп. Антонію, лишь довершаетъ его популярность въ Россіи. Съ увѣренностью можно сказать, что нѣтъ въ церковной сферѣ другого такого писателя, къ которому бы такъ прислушивалась разномыслящая Русь, и съ дѣятельностью котораго она такъ бы считалась, какъ архіеп. Антоній Волынскій.

Вотъ почему, когда появилось въ свѣтъ „Полное собраніе сочиненій“ архіеп. Антонія, рѣдкая по своей численности въ Россіи, такъ сказать, аудиторія его читателей и почитателей праздновала свой идейный день. И высшая богословская школа оказалась на высотѣ своего призванія и безпристрастія, когда въ лицѣ казанской духовной академіи поднесла архіеп. Антонію званіе доктора богословія. Откровенно сказать, было и есть у насъ много докторовъ богословія, но сколько изъ нихъ лежали и лежатъ мертвыми трупами для живущей духовной жизнью Россіи. Недаромъ, еще на студенческой скамьѣ создалась мѣткая фраза: „мертвый док-

торь“!.. Молодежь, даже не зная жизни, сердцем чувствует ее правду. Вот почему казанская духовная академия поднесла духовной России, действительно, ценный подарок, дав ей „живого доктора“, в лице архиеп. Антония, который давно уже питает духовную Русь „хлѣбом“, а не камнями.

Трехтомное в 1,800 стр. „Полное собрание сочинений“ архиеп. Антония—это, действительно, насущный хлѣб для алчущей духовно России.

Том I-й представляет собою собрание „словъ, бесѣдъ и рѣчей“ архиеп. Антония.—Трудно подыскать такую тему, на которую бы не было отклика в этом томе. Здѣсь отвѣтъ и на все важнѣйшія событія в государственной жизни России, и на событія в жизни социальной, и на вопросы духовной школы, монашества, пастырства и миссии. Здѣсь же и богатѣйшія, полныя древне-церковнаго смысла, „окружныя посланія“.

Том II-й—в первой части содержит статьи по догматическому, нравственному, истолковательному и обличительному богословию. Но это статьи не съ голымъ перечнемъ цитатъ изъ библіи и святоотеческихъ твореній, а захваты-вающие глубиною своего содержанія трактаты по самымъ животрепещущимъ вопросамъ современной религіозной жизни. Открытый „новопутейцами“ походъ противъ догматовъ церкви, какъ якобы оковъ для человѣческаго духа, сокрушается о такую твердыню, какая воздвигнута архиеп. Антоніемъ в его статьяхъ: „Нравственная идея догмата Церкви“, „Нравственная идея догмата Пресв. Троицы“ и мн. др. А статья: „Вселенская Церковь и народности“—является блестящей отвѣдью на коварно-революціонныя обвиненія Церкви в политиканствѣ, партійности, человѣконенавистничествѣ и пр. Рѣдкой ученостью блещутъ статьи миссіонерскаго характера объ Иисусѣ Христѣ. Не менѣе прекрасны и статьи о сектанствѣ и западныхъ исповѣданіяхъ.

Вторая часть этого-же тома заключаетъ в себѣ исключительно „статьи по пастырскому богословию“. Эта часть—самое отрадное явленіе в нашей богословской литературѣ. Здѣсь духовная школа такъ близко подошла къ религіозной жизни народа, такъ поняла требованія этой жизни, что какъ бы срослась съ ней и явилась одною плотью. Такъ и должно быть. А иначе, все пастырское служеніе воспитаннаго школою пастыря явится гласомъ вопіющаго в пустынь.

Томъ III—въ первой части содержитъ „диссертацию“ архіеп. Антонія на тему: „Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности“. Въ наше время разгара социаль-демократическихъ утопій, насквозь пропитанныхъ матеріализмомъ и отрицающихъ „внутренняго человѣка“ съ его законами морали и нравственной отвѣтственности предъ Творцомъ,—диссертация архіеп. Антонія имѣетъ въ высшей степени жизненно-практическое въ борьбѣ съ социализмомъ Марксовскимъ—значеніе. И съ этой точки зрѣнія она заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія не только людей науки, но и практическихъ дѣятелей жизни.

Что касается второй части даннаго тома, то въ немъ содержатся статьи философскія и критическія. Но опять здѣсь не отвлеченные трактаты на вопросы Крыловскаго метафизика, а полный захватывающаго интереса отвѣтъ на самыя жгучія темы современности. Здѣсь мы находимъ обличеніе и папизма, и В. Соловьева, и Л. Толстого, и современныхъ независимыхъ отъ религіи „моралистовъ“ и множество статей о достоинствахъ и недостаткахъ духовной школы и нашего пастырства бѣлаго и чернаго. Здѣсь же архіеп. Антоній высказываетъ и свои завѣтныя думы о „Помѣстномъ Соборѣ“ и „Патріотизмѣ“, откликается авторамъ „Вѣхъ“ и даетъ единственный въ нашей богословской литературѣ и высоко цѣнный и съ научной и съ практической стороны трактатъ объ Иисусѣ Христѣ прогивъ революціонеровъ. Интересъ этой части просто захватывающій, и она читается „залпомъ“.

Каждый внимательный и безпристрастный читатель, протудировавъ всѣ три тома сочиненій архіеп. Антонія, даже при радикальномъ расхожденіи съ нимъ въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ, скажетъ: „да, дѣйствительно,—это докторъ богословія *живой!*“ Всѣ же единомышленники архіеп. Антонія, коихъ на св. Руси многое множество, въ изданныхъ сочиненіяхъ своего любимаго архипастыря найдутъ для себя богатѣйшій родникъ вдохновенія на подвигъ брани за вѣру православую, за Русь.

Пожелаемъ же архіепископу Антонію и впредь многія лѣта одарять своими богатѣйшими вкладами сокровищницу православной богословской литературы.

Почтовый ящикъ.

Разъясненіе.

Въ редакцію „Голоса Церкви“ поступаютъ запросы о томъ, какъ смотрѣть на рассылаемую неизвѣстными лицами молитву: „Господи, Іисусе Христе, Тебѣ молимся“, съ просьбою: „девять разъ читай, девяти лицамъ пошли и будешь избавленъ отъ всякихъ мукъ и несчастій“. А затѣмъ слѣдуетъ такое поясненіе: „Во время литургіи былъ слышенъ голосъ, произносящій сію молитву. Всякому, кто ее раздастъ девяти лицамъ, будетъ спасеніе отъ бѣдъ. Молитва эта была послана епископу воронежскому съ предложеніемъ разослать ее девяти лицамъ со словами: „кто ее не захочетъ, того постигнетъ несчастіе. Такъ въ Херсонѣ одинъ обыватель сжегъ эту молитву, и на девятый день убили его единственную дочь. Посылаю вамъ эту молитву и разошлите ее девяти лицамъ по одному каждый день, и на девятый день васъ постигнетъ большая радость“.

Сама по себѣ молитва не содержитъ никакой ереси и съ православной точки зрѣнія вполне приеѣма, какъ обращеніе ко Христу за спасеніемъ отъ всякихъ бѣдъ.

Но предложенія „девять разъ“ читать ее, „девяти лицамъ“ послать, съ угрозою несчастіями за неисполненіе этого и съ обѣщаніемъ благъ за исполненіе, указаніе на чей-то и гдѣ-то раздавшійся голосъ съ этой молитвою—все это плодъ, конечно, *суевѣрія*, по существу своему *противоцерковнаго*. Нарушается здѣсь если не вѣрученіе Церкви, то церковная дисциплина, требующая на всякое такое дѣло благословенія и разрѣшенія церковнаго паствыства. Его здѣсь нѣтъ. Слѣдовательно, авторы всей этой затѣи почему-то избѣгаютъ церковнаго благословенія на свое дѣло, а уже это одно заставляеть, и при видимой безобидности просьбы, все же отказать въ ней. Апостоль пишеть: „Если же кто и подвизается, не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться“ (2 Тимоѣ. 2 гл., 5 ст.). Въ Церкви, среди вѣрующихъ христіанъ, по апостолу, все должно быть „благопристойно и чинно“ (1 Кор. 14 гл., 40 ст.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1912 годъ

НА НОВЫЙ НАРОДНО-МИССИОНЕРСК. ЕЖЕМЪСЯЧН. ЖУРНАЛЬ

„РЕВНИТЕЛЬ“.

(Второй годъ изданія).

— Задача изданія: борьба съ сектантствомъ. —

Въ журналѣ помѣщаются: миссіонерскія бесѣды, руководящія миссіонерскія статьи, напримѣръ: о значеніи миссіонерскихъ бесѣдъ и приемы ихъ веденія и под.; ведется обзоръ сектантской литературы, печатаются корреспонденціи очевидцевъ сектантскихъ продѣлокъ и преступленій, даются отзывы о миссіонерскихъ книгахъ; помѣщаются корреспонденціи о миссіонерскихъ бесѣдахъ, съѣздахъ, богослуженіяхъ и проч., также ноты духовныхъ стихотвореній и церковныхъ молитвъ. Въ короткое время журналъ приобрѣлъ извѣстность (при очень слабой публикaciji) и обширный кругъ читателей. По цѣнѣ журналъ „Ревнитель“ является самымъ дешевымъ изъ всехъ религіозныхъ журналовъ: въ годъ (12 №№—по 32—40 стр. $\frac{1}{16}$ печ. листа) 1 руб. 20 коп. и отдѣльный номеръ—10 коп. съ перес. Кроме сего, журналъ даетъ бесплатное приложение: книгу Л. З. Кунцевича: Обличеніе иконоборцевъ и Отвѣтъ баптисту Мазаеву. Редакціей журнала издаются дешевые (2 р. 20 к.—тысяча) народно-миссіонер. листки: о крестѣ, объ иконахъ, объясн. 9 гл. къ Евр., Иоан. 4, 24 и др.

Адресъ редакціи: г. Харьковъ, Молочная, 10, кв. 8.

Редакторъ-Издатель Л. З. КУНЦЕВИЧЪ,

„ДЪЯТЕЛЬ“.

(Семнадцатый годъ изданія).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, и стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другияхъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія. Подписная цѣна на годъ 2 р. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты „Русь Православная и Самодержавная“ за годъ 5 руб. Журналъ за 1897 г. допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народн. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни. Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, по 1911 годъ платятъ со всеми приложеями 30 руб.

Адресъ редакціи: Казань, А. Т. Соловьеву.

Черезъ редакцію журн. „ДЪЯТЕЛЬ“ можно приобрѣтать книги, допущенныя Ученымъ Комитетомъ для бесплатныхъ народныхъ читальнъ и народныхъ чтеній:

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи, Императоръ Александръ II. Изд. 8-е. Проф. А. И. Александрова 10 к. Отчего гибнутъ люди. Вино-ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ. За сотню 2 р. Слова о. Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства. За сотню 1 р. Вино для человѣка и его потомства—ядъ. За сотню 2 р. Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заблужденіямъ человѣка. Проф. И. М. Догеля. (Одобрен. Ученымъ Комит.) 30 к. Знаніе и довѣріе, какъ лѣкар-

ство. Его же 30 к. Высокопреосвящ. Владиміръ (неврологъ), съ портретомъ Проф. А. И. Александрова. 10 к. Исторія Казани. К. Θ. Фукса. 50 к. Простое руководство къ разумному пчеловодству, съ рисунками. Свящ. В. И. Веселицаго. (Одобрен. Учен. Комит.) 40 к. Развалины Болгарь и древніе Болгары. Турнерелли. 50 к. Спиртные напитки какъ несчастье человѣка, И. М. Догеля и А. Т. Соловьева. 1 р. Выписывающ. изданія по 100 р. пользуются уступкой 50%.

Редакторъ-издатель А. Т. СОЛОВЬЕВЪ.

Открыта подписка на 1912 годъ на слѣдующія изданія:

1) „СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ народная газета.

2) „РОДНАЯ СТРАНА“

ежемѣсячный литературно-научный и историческій журналъ съ иллюстраціями.

3) „ЖУРНАЛЬ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА“

ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ съ рисунками.

„Сельскій Вѣстникъ“, вступая въ 32-й годъ своего существованія, будетъ выходить по расширенной программѣ, вмѣсто четырехъ—шести разъ въ недѣлю (кромѣ дней послѣднихъ), причѣмъ воскресные нумера сохранять свой прежній характеръ. Кромѣ газеты, подписчики „Сельскаго Вѣстника“ получаютъ слѣдующія бесплатныя приложенія: 1) 52 №№ „Деревенскаго Хозяйства“ 2) 55 №№ Отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ (отвѣты даются бесплатно). 3) 24 №№ журнала „Кустарный Трудъ“ 4) Календарь и Справочная книга на 1912 годъ (получать только годовые подписчики). 5) Бесплатно рассылаемые подписчикамъ листки и брошюры Главнаго управленія Землеустройства и Земледѣлія, интересныя и полезныя для земледѣльцевъ. Подробныя программы и пробные нумера всѣхъ этихъ изданій высылаются по первому требованію. Подписная цѣна на газету сохраняется прежняя. 1) На годъ съ 1-го января по 31 декабря со всѣми приложеніями 2 р 2) На полгода съ 1-го января по 30 іюня и съ 1-го іюля по 31-е декабря 1 р. Полу-годовые подписчики, желающіе имѣть Календарь „Сельскаго Вѣстника“, получаютъ 20 к. 3) Помѣсячно съ 1-го числа каждого мѣсяца по 25 к. за мѣсяць. Подписка принимается въ Конторѣ „Сельскаго Вѣстника“, въ С.-Петербурѣ, Мойка, 32, а также во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

„Родная Страна“, ежемѣсячный журналъ съ иллюстраціями, издаваемый подъ редакціей Н. Н. Сергіевскаго. Журналъ будетъ выходить книжками на хорошей бумагѣ и въ красивыхъ обложкахъ. Каждая книга будетъ имѣть 4—5 листовъ текста большого формата. Къ концу года, такимъ образомъ, получится большой томъ въ 400 приблизительно страницъ. Въ „Родной Странѣ“ будутъ помѣщаться романы, повѣсти, стихотворенія, статьи по религиозно-нравственнымъ вопросамъ а также историческаго, историко-литературнаго и научнаго содержанія, обзоръ политической и общественной жизни, біографіи извѣстныхъ дѣятелей, отзывы о книгахъ и пр. Въ отдѣлѣ «Шутки и забавы» будутъ помѣщаться загадки, задачи, шарады и пр. Зарѣшеніе наиболее замысловатыхъ загадокъ редакція будетъ выдавать награды книгами.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ доставкой и пересылкой): 1) на годъ съ 1 января по 31 декабря 1 р. 50 к. 2) На полгода съ 1 января по 30 іюня или съ 1-го іюля по 31 декабря 1 р. 3) На три мѣсяца (съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября) 50 коп. 4) Отдѣльные нумера въ продажѣ (безъ перес.) 20 коп. Подписка принимается въ Конторѣ „Сельск. Вѣстн.“ С.-Петербурѣ, Мойка, 32.

„Журналъ Земледѣльца“, ежемѣсячн. сельско-хозяйствен. журналъ. Цѣль журнала—обслуживаніе нуждъ крестьянъ и вообще мелкихъ хозяевъ. Каждый мѣсяць читатели получаютъ книгу въ четыре печатныхъ листовъ (до 64 страницъ) съ рисунками. Отдѣлы въ „Журналѣ Земледѣльца“ будутъ слѣдующіе: 1) Полеводство. 2) Животноводство. 3) Экономика и счетоводство. 4) Специальныя культуры: садоводство, огородничество и пр. 5) Обзоръ сельскохоз. журналовъ. 6) Сельское хозяйство за границей. 7) Бесѣды о сельской п

фабричн. жизни. 8) Наука и народные примѣты. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Мѣстная жизнь. 11) Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ и борьба съ вредителями. 12) Смѣсь. „Журналъ Земледѣльца“ будетъ издаваться подъ редакціей ученаго агронома Б. Н. Демчинскаго; къ участию въ сотрудничествѣ приглашены лица, известныя своими научными трудами и дѣятельностью по сельск. хозяйству.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ доставкой и пересылкой. 1) На одинъ годъ съ 1 января по 31 декабря 1 р. 50 к. 2) На полгода съ 1 января по 30 іюня или съ 1 іюля по 31 декабря 1 р. 3) На три мѣсяца съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября) 50 к. 4) Отдѣльные №№ въ продажѣ (безъ перес.) 20 к. *Подписка принимается съ редакціи „Сельск. Вѣстника“, С.-Петербургъ, Мойка, 32.* Пробн. програм. и пробн. №№ всѣхъ этихъ изданій высыл по первому требованію.

Главный Редакторъ П. ЗУБКОВСКІЙ.

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1912 ПОДПИСНОМЪ ГОДУ.

Въ 53 году своего существованія журналъ нашъ будетъ издаваться по прежней программѣ, имѣющей цѣлью содѣйствовать православному духовенству въ его пастырскомъ служеніи. Въ прошлые годы журналъ давалъ статьи по вопросамъ пастырской и приходской дѣятельности, объ оживляющихъ приходскую жизнь организаціяхъ (приходскіе совѣты, братства и др.), по изясненію св. Писанія, по исторіи Церкви, по апологетикѣ, по исторіи и изясненію богослуженія, по обличенію сектантства (главнымъ образомъ, по вопросамъ, выдвигаемымъ самими сектантами въ ихъ печати), о разныхъ отрицательн. теоріяхъ и теченіяхъ нашихъ дней; по современ. вопросамъ, какъ имѣющимъ общецерковн. значеніе, такъ и возбуждающимъ мѣстный интересъ и обсуждаемымъ въ епархіальн. вѣдомостяхъ, а также рассказы изъ быта духовенства и нѣкоторыхъ медицинскіхъ свѣдѣній; въ библиографическомъ листкѣ журн. давалъ отзывы о современной литературѣ по вопросамъ, касающимся вѣры и Церкви, въ сборникѣ „Проповѣди“ поученія на всѣ воскресные и праздничные дни. Редакція надѣется вести журналъ въ томъ же направленіи и въ 1912 г. Для поддержанія болѣе живой связи своихъ читателей между собою и съ редакціей, послѣдняя съ полной готовностью предлагаетъ страницы своего журнала всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться съ подписчиками журнала своимъ опытомъ, наблюденіями и мыслями. Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и изъ 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка. Кроме того, въ виду исполнившагося въ 1910 г. пятидесятилѣтія со дня смерти А. С. Хомякова, редакція въ 1912 г. дастъ въ качествѣ безплатнаго приложенія, избранныя богословскія сочиненія его (томъ въ 15—16 печатн. листовъ). А. С. Хомяковъ былъ замѣчательнымъ богословомъ, какъ въ смыслѣ выясненія положительнаго православнаго ученія, такъ еще болѣе въ смыслѣ опроверженія католичества и протестантства. Онъ первый выяснилъ принципиальную противоположность между православіемъ и западными исповѣданіями по вопросамъ о Церкви, Св. Преданіи, вѣрѣ и дѣлахъ, общеніи съ Церковью небесной, таинствахъ и т. д. Все эти пункты отличн. онъ разсматривалъ не въ отдѣльности, а какъ цѣльную систему, вытекающую изъ одного основнаго начала — иснаженія Западомъ ученія о Церкви. Поэтому его аргументы, поражающіе самый корень западныхъ заблужденій, являются незамѣнимымъ оружіемъ для защиты православія, что особенно важно при современной пропагандѣ католичества и весьма близкаго къ протестантизму сектантства. Сверхъ этого, подписчики 1912 г. могутъ выписывать изъ редакціи «Толковый Типиконъ» М. Скабалановича по уменьшенной цѣнѣ. «Руководство для сельскихъ пастырей» рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи 6 руб., за границу 8 р. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то:

отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября мѣс. 1912 г. За переѣзду адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками. Подписка принимается только на цѣлый годъ; на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 мѣс. не принимается. Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Открыта подписка на 1912 годъ „Народное Образованіе“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

(Годъ изданія семнадцатый).

Журналъ «Народное Образованіе» всецѣло посвященъ разработкѣ вопросовъ народно-школьн. образованія; задача его ближайшимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать практически разумной, прочно и методически обоснованной постановкѣ дѣла воспитанія и обученія въ церковной и вообще въ русской народной школѣ. Въ 1912 г. журн. будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ: 1) Очерки, рассказы, характеристики, воспоминанія изъ школьной жизни. 2) Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія. 3) Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики. 4) Обзорныя русскоя и заграничныя литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. 5) Изъ школьной практики: практическія указанія по методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы; привѣрные уроки; планы занятій; замѣтки по училищевѣдѣнію). 6) Школьное дѣло на мѣстахъ (извѣстія, сообщенія и замѣтки). 7) Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ. 8) Изъ переписки съ читателями. Почтовый ящикъ. 9) Библиографическій листокъ. 10) Школьное пѣніе (статьи о преподаваніи пѣнія; библиографическ. замѣтки и ноты).

Кромѣ книгъ журнала подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльныхъ приложений: 1) Школьный календарь на 1912—1913 учебн. годъ. 2) Книжки для учительской библіотеки (содержанія руководственно-педагогическаго) и книжки для ученической библіотеки (дѣтскіе рассказы, сборники стихотвореній). 3) Ноты для класснаго пѣнія. 4) Рисунки и снимки съ картинъ. Многія статьи и книжки (особенно, научн. содержанія (иллюстр. рисунками и чертежами. 5) Учебн. карточки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе А. Анастасіевъ, Н. Бахтинъ, проф. А. Бронзовъ, проф. А. Дмитріевскій, Н. Дрентельвъ, К. Дубровскій, К. Ельницкій, Я. Ковальскій, А. Коринскій, свящ. Кулясовъ, крест. И. Лаптевъ, Кл. Лукашевичъ, П. Лупповъ, А. Налимовъ, Н. Новичъ, И. Полянскій, М. Полянскій, М. Поповъ-Платоновъ, В. Розенбергъ, Я. Рулевъ, свящ. Сосунцовъ, Н. Тичеръ, В. Федоровъ, проф. Шимкевичъ, С. Шорхоръ-Троицкій и мн. др.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщ. журналъ допущенъ въ народн. библіотеки и читальни, — равно и въ учительскія библіотеки высшихъ учебн. заведеній. На международн. выставкѣ «Дѣтскій Миръ» 1904 г., журн. «Народн. Образ.» удостоенъ золотой медали. Подписная цѣна на журн. 3 р. за годъ съ пересылкою. Въ виду того, что журн. „Народн. Образ.“ даетъ ежегодно 2 т. свыше 700 стран. каждый, кромѣ Календаря и безплатн. прилож., указанная цѣна 3 р. является до послѣдней степени пониженной и равняется почти заготовительной стоимости изданія. Такимъ пониженіемъ цѣны Редакція старается сдѣлать журналъ доступнымъ для выписки начальнымъ учителямъ, при ихъ современномъ скудномъ годовомъ бюджетѣ.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ Училищн. Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (СПб., Кабинетская, 13). Иногородніе подписчики благоволятъ адресовать требованія такъ: СПб., Кабинетская, ул., д. № 13, въ Редакцію журнала „Народное Образованіе“.

Редакторъ. П. Мироносицкій.